П.В. ЗЕРНЕЦКИЙ

РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ



П.В. ЗЕРНЕЦКИЙ

РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

(Коммуникативно-функциональный анализ дискурса)

Киев
«Лыбидь»
1992

ББК 81.2 Англ
З–57

Рецензенты: д-р филол. наук Г.Г.Почепцов, д-р филол. наук В.И.Карабан

Редакция литературы по филологии, образованию и средствам массовой информации

Редактор *Д.В.Поремская*

Зернецкий П.В.

З–57 Речевое общение на английском языке (Коммуникативно-функциональный анализ дискурса): – К.: Лыбидь, 1992. – 144 с.
ISBN 5-11-001678-X.

Исследуются особенности речевого общения, общеязыковые принципы организации монолога и диалога, излагаются основы коммуникативного анализа основной единицы речевого общения — дискурса и его составных преимущественно на материале американской протестантской проповеди.

Для преподавателей, учителей, студентов.

$З\frac{4602020102-045}{М224/04/-92}37-91$ ББК 81.2 Англ

Издание осуществлено за счет средств Киевского педагогического института иностранных языков

Монография

Зав. редакцией *М.Л.Скирта*
Художник обложки *П.Т.Заднепряный*
Художественный редактор *А.Г.Григор*
Технический редактор *Е.Г.Рублев*
Корректоры М.Е.Ехлакова, *Т.А.Лукашина*

ИБ № 36

Сдано в набор 03.01.92. Подп. в печать 23.03.92.
Формат 84x108/32. Бумага офсетн. № 2. Гарн. Тип. Таймс.
Усл. печ. л. 7,56. Усл. кр.-отт. 7,94. Уч.-изд. л. 8,21.
Тираж 500 экз. Изд. № 3328. Зак. № 2-174.

Издательство "Лыбидь" при Киевском университете,
252001 Киев, Крещатик, 10

Оригинал-макет изготовлен Киевским ПКБ АСУ,
252034 Киев, ул. Рейтарская, 8б

Киевская книжная типография научной книги,
252004 Киев, ул. Репина, 4

ISBN 5-11-001678-X

ВВЕДЕНИЕ

Поставив целью научное описание речевого общения на конкретном языке, в нашем случае на английском, лингвист призван исследовать целый спектр лингвистических проблем, попытаться охватить в систематизированном изложении различные по уровню сложности и изученности языковые явления с точки зрения их функционирования в коммуникации, т.е. в аспекте их использования человеком. Поэтому в подзаглавии книги анализ центральной единицы речевой деятельности — дискурса назван коммуникативно-функциональным.

Почему мы считаем дискурс центральной единицей речевого общения? Для этого изначально необходимо хотя бы в самом общем виде охарактеризовать понятие "деятельность" применительно к предмету лингвистики. Понятие "деятельность" в лингвистике не может быть ни периферийным, ни обладать универсальной объяснительной силой. Это объясняется ролью речевой деятельности в диалектически связанной триаде "язык — речевая деятельность — речь", в которой речевая деятельность выступает как форма бытия к бытию в целом (язык), запечатленная в конкретной пространственно-временной ее реализации (речь).

Мы исходим из предположения, что текст является информационным следом соответствующей единицы речевой деятельности — дискурса. Предлагаемым нами путем распредмечивания текста является коммуникативно-функциональный анализ соответствующего дискурса, представляемого в виде статических и динамических характеристик речевой деятельности автора текста: 1) — единиц речевой деятельности, используемых им для его построения (речевых актов, речевых ходов), а также 2) применяемого им арсенала лексико-синтаксических, семантических и прагматических способов речевой деятельности.

Каковы возможные пути построения теоретического аппарата коммуникативно-функционального анализа дискурса? Наиболее продуктивным представляется использование для его создания 1) положений методологии языкознания с целью определения необходимых общенаучных категорий и понятий, устанавливающих ориентацию исследования в целом, и 2) принципов, а также частнолингвистических методов, разработанных в рамках семиологического, когнитивного и деятельностного подходов к изучению лингвистических особенностей речевого общения. Применение деятельност-

ной когнитивно-семиологической модели коммуникативно-функционального анализа дискурса ориентировано на доказательство гипотезы о том, что в основе смысловой цельнооформленности текста лежит характерное для речевой деятельности в целом использование его автором определенных семантических, прагматических, сигматических и лексико-синтаксических способов речевой деятельности, которые основываются на когнитивных категориях, объединяющих в себе мыслительное и языковое начало. Здесь уместным представляется привести следующее высказывание: "Мысль, разумеется, не лингвистическая категория, хотя в деятельности общения она движется по лингвистическим рельсам"[1]. Описанию таких лингвистических параметров движения мысли в речевом общении на английском языке и посвящается настоящее исследование.

ОСНОВНЫЕ ОБЩЕНАУЧНЫЕ ПОНЯТИЯ ЛИНГВИСТИКИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Непосредственным первичным объектом исследования лингвистики является речь, точнее ее конкретные образования, проявления, отрезки — единицы речи.

Введение в языкознание дихотомии "язык — речь" окончательно оформило внутринаучный статус изначально существующего и развивающегося в нем направления исследований, которое обобщенно определяется как лингвистика языка. Задача лингвистики данного типа, независимо от раздела (фонетика, лексикология, грамматика и т.п.), состоит в поиске законов, закономерностей и общих инвариантных характеристик в лингвознаковой области, изучении отношений между единицами языка и единицами речи, что предопределяет ведущую роль в ней структурного подхода.

Лингвистика речи в настоящее время представлена двумя основными направлениями — лингвистикой текста (преимущественно письменного) и лингвистикой разговорной речи. Несмотря на многочисленные попытки применения различных подходов и методик исследования, основное внимание сосредоточивается на имманентных свойствах исследуемых ею объектов. Таким образом, доминирующим подходом данного направления является субстанциональный.

Активно вторгающийся ныне в парадигму лингвистического мышления коммуникативно-функциональный подход к языку предполагает разработку понятийного аппарата и действенных методик такого направления в науке о языке, которое обобщенно можно назвать лингвистикой речевой деятельности. Если для исследований в русле лингвистики языка характеризующей является проекция "речевое образование — инвариантный языковой знак", то для лингвистики речевой деятельности приоритетной становится проекция "речевое образование — определенный способ/тип речевой деятельности (речевого поведения)". Тем самым определяется ведущая роль в лингвистике речевой деятельности коммуникативно-функционального подхода, понимаемого нами как ориентация исследования, обеспечивающая рассмотрение главного назначения языка — быть средством человеческого общения через познание закономерностей самого речевого общения как типа социальной деятельности человека.

До настоящего времени в лингвистике в качестве объяснительного принципа выступало понятие природы. В общенаучном плане оно объемлет "предельно широкое понимание природы как всего сущего, целого мира в многообразии его

проявлений и форм"[1]. И лингвистика языка, и лингвистика речи в методологическом плане опираются на системно-структурные и субстанциональные принципы построения научного знания, основывающиеся на понятии природы как универсальном. Однако данное понятие во многом нивелирует объективное и субъективное в языке как социальном явлении, не противопоставляя в случае своего универсального применения природу материального и идеального в процессе реального существования языка, языка в действии. Человек, носитель и демиург языка, неизбежно оказывается на периферии научного знания в лингвистике, а декларируемая коммуникативность в подходе к изучению фактов речи замыкается на изучении самих фактов речи, их собственной природы. В случае, если на данном этапе научного лингвистического знания принцип диалектической взаимозависимости в языке начал природы и деятельности, будет иметь большую объяснительную силу, то язык как социальный феномен может быть описан в диалектическом единстве природы — речи и речевой деятельности. В противопоставлении внутри единства речевой деятельности и речи выявляется, в свою очередь, системно-функциональная организация данного вида деятельности как реализация отношения формы бытия к бытию в целом, специфика речевой деятельности по отношению к другим видам деятельности.

История научного развития понятия "речевая деятельность" проанализирована в ряде специальных фундаментальных трудов[2]. Коммуникативно-функциональное описание центральной интегративной единицы речевой деятельности — дискурса — требует прежде всего разработки методологии и варианта определения основного массива общенаучного (концептуального) аппарата исследования — категорий и понятий речевой деятельности на основе опыта предшествующих научных исследований данной проблематики, варианта теории, обладающей достаточной объяснительной силой для проведения дальнейших частных изысканий в этой области научного знания. Выделяя объект исследования в данной главе, сошлемся на научное мнение о том, что теория деятельности является последним основанием всякой методологии[3].

Введение принципа деятельности в изучение языка сочетается с системно-структурным подходом к изучению информационного следа речемыслительной деятельности — текста. Таким образом, коммуникативно-функциональный подход не позволяет подменить гносеологические проблемы социологическими. Категориальные структуры мышления, ре-

ализующиеся в речемыслительной деятельности человека, являются результатом гносеологического процесса, а не данностью, присущей природе человека, или конвенцией, принятой в обществе. "Процесс познания состоит не только в накоплении новых утверждений, но и в смене картин, моделей мира, систем мышления, в рамках которых формируются утверждения"[4]. Коммуникативно-функциональный анализ дикурса как раздел лингвистической теории речевой деятельности призван дополнить существующую картину мира языка с позиций системно-деятельностного подхода к изучению речевого общения.

Системность в редукционистском плане предполагает инвариантность языкового элемента в пределах соответствующей подсистемы. Как отмечает Р. де Богранд, для носителя языка синтаксис и семантика — это совокупность процедур для использования языка. Лингвистика, оторванная от употребления языка, по существу является общей договоренностью лингвистов о соответствующих категориях и элементах для классификационных схем. В реальной коммуникации элемент классифицируется не по месту, которое он занимает в схеме лингвиста, а по функции в употреблении участника коммуникации[5]. Отдавая должное необходимости всеобъемлющего описания языка с позиций системно-структурного подхода, на наш взгляд, неправомерно полностью заменять его функциональным принципом.

Системное научное описание языка требует включения в свою парадигму компонента функциональности. На данном этапе развития лингвистической мысли появились предпосылки для рассмотрения коммуникативной функции языка путем описания речевой деятельности коммуникантов. При этом речевая деятельность как объект изучения в лингвистике подразумевает неразрывность мышления и коммуникации. Термин "речемыслительная деятельность" в таком понимании тавтологичен, поскольку речь вне мышления невозможна. В то же время собственно мыслительная деятельность в процессе речепорождения является объектом специального исследования в смежных с лингвистикой дисциплинах — философии, логике, когнитивной психологии, психолингвистике и др. Гносеологический фактор в лингвистике ставит задачу внедрения в нее основных категорий мышления, полученных в результате деятельности этих наук.

Системно-деятельностный подход позволяет учесть коммуникативную поли-/монофункциональность языковых средств, дать описание тому, как они используются коммуникантом в процессе речевого общения. В конечном итоге

такой подход позволяет перейти к описанию модели языка в рамках процессуальных фаз речепроизводства. Речевые действия в этом случае рассматриваются в тесной связи с речемыслительными процессами, характеризующими использование языка коммуникантом[6]. Таким образом, планирование цели будет наиболее глубинной (первичной) стадией речемыслительной деятельности, другие же уровни следуют в порядке их приближения к поверхностной структуре речи (текста): развитие идеи, понятийное развитие, выражение, фразовая и звуко-буквенная линеаризация[7]. Коммуникативно-функциональное описание дискурса как область описания высших уровней деятельности языковой личности затрагивает уровни планирования цели (прагматика), развитие идеи и понятийное развитие (семантика и сигматика), а также речевое выражение этих процессов в линейных условиях текста (синтактика).

Анализ общенаучных понятий применительно к основным параметрам системы языка приводит к необходимости описания методологических оснований выделения речевой деятельности. Например, у А.Ф.Лосева находим упоминание о строгой определенности и ограниченности неопределенного и безграничного к о м м у н и к а т и в н о г о к о н т и н у у м а[8]. В связи с этим возникает научная задача "системно-деятельностной характеристики р е ч е в о й к о м м у н и к а ц и и как закономерного процесса координации систем личностных смыслов партнеров по общению"[9]. Независимо от применяемых авторами научных терминов речь, очевидно, идет о континууме речевой деятельности, необходимость общего и специального анализа которого назрела в коммуникативно-функциональной лингвистике.

Базовым общенаучным понятием в исследовании лингвистической сущности языковой личности является "информация", под которой, разделяя точку зрения А.Ф.Лосева, мы понимаем "все ту же смыслоразличительную коммуникацию, но уже доведенную до степени индивидуальной определенности и характерную не вообще для всего речевого потока в целом, но для каких-нибудь его точно определенных областей, имеющих свое начало, свою специфику и свой конец"[10]. Таковыми областями, на наш взгляд, являются дискурсы конкретных языковых личностей. Методологический характер имеет также высказывание о том, что "всякая такая строго ограниченная область речевого потока обладает, конечно, и своей собственной, уже не только различительной, но и порождающей смысловой силой"[11]. Предельный, конкретный речевой поток, в нашем понимании — дискурс язы-

ковой личности, — обладает, таким образом, смысловой силой, или, по терминологии Е.В.Сидорова, "системой личностного смысла партнера по общению" и требует определения своих функций. Таковыми будут диалектически сопряженные функции смыслоразличительной и смыслопорождающей коммуникации.

Таким образом, рассмотрение основных общенаучных понятий применительно к лингвистике позволяет дать общее теоретическое определение понятия речевой деятельности и связанных с ним понятий языковой личности и дискурса языковой личности. Речевая деятельность — это неопределенный и безграничный коммуникативный континуум (поле), определенность и ограниченность которого проявлятюся в составляющих его и взаимодействующих в нем пространств дискурсов языковых личностей. Каждое из таковых пространств как система личностных смыслов обладает смыслоразличительной и смыслопорождающей силами (назначениями), которые могут рассматриваться как функции дискурса языковой личности. Системы взаимодействующих личностных смыслов дискурсов составляют системно-функциональное образование, именуемое нами речевой деятельностью.

Диалектика непрерывности речевой деятельности проявляется в единстве противоборствующих противоположностей — системы смыслоразличения и смыслопорождения дискурсов языковых личностей, которые функционируют как результат проявления категорий объективного и субъективного в речевой деятельности. Речь составляет конечный итог речевой деятельности человека по отображению окружающего мира (реализация номинативной функции языка) в процессе общения (реализация коммуникативной функции языка).

Недостатком риторически-ориентированного коммуникативно-функционального анализа дискурса (лингвистики продуцирования дискурса) с позиций психологии и психолингвистики можно считать определенную умозрительность концептуального аппарата, который применяется для описания внутреннего мира коммуникантов. Однако следует отметить, что лингвистика продуцирования дискурса не описывает ни мыслительных процессов речепроизводства автора дискурса, ни, тем более, процессов понимания речи адресатом. Понятия из сферы психологии занимают в коммуникативно-функциональном анализе область, подчиненную лингвистическим целям описания. Точнее, собственно функционально-лингвистическому описанию подвергаются языковые средства, группируемые по определенным параметрам сходства их планов формы, содержания и сообщения с учетом их

возможного воздействия на внутренний мир адресата. В этом ракурсе итог данного рода лингвистического исследования состоит в описании арсенала способов продуцирования единиц речи (текстов, их фрагментов) с заданными планами формы, содержания и сообщения.

Аспектом рассмотрения, затрагивающим сферу внутреннего мира адресата, является установление соотнесенности единиц речи с решением определенной языковой задачи общения. Анализ этой проблемы предполагает учет по крайней мере двух основных параметров речевого действия, значимых для его функционально-лингвистического описания: 1) искомого конечного итога речевого действия, который может заключаться в возбуждении определенной материальной/ментальной активности адресата, и 2) способа ситуативно-оптимального речевого воздействия на личность/личности адресата/адресатов. Первый из указанных параметров составил объект исследования традиционной теории речевых актов. Результатом речеактовой классификации является перечень обеспечиваемых речевыми актами внеречевых ситуаций. Это прагматический подход, поскольку он направлен на описание "дела", совершаемого речевым актом. В ракурсе рассмотрения речевой деятельности оказывается проекция "внеречевой контекст (материальный или ментальный акт адресата либо адресанта) — языковой знак, обеспечивающий совершение такого акта".

Сущностные особенности традиционной теории речевых актов достаточно точно отмечены с позиций психолингвистики: "В работах, осуществленных в рамках лингвистической прагматики, анализируются преимущественно действия рутинного, нетворческого характера, стандартные отработанные действия, при помощи которых осуществляется организация взаимодействия коммуникантов, действия, которые образуют некреативную основу речевого общения. Эти речевые действия возможны как один из способов выражения регулятивных правил, на основе которых осуществляется общение, — это правила, регулирующие социальные отношения между коммуникантами"[12]. Иными словами, теория речевых актов представляет собой лингвистически-ориентированный микросоциальный анализ элементарных речевых действий.

Подход к определению интегративной речевоздействующей силы дискурса принципиально иной, чем в теории речевых актов. Мы предлагаем классифицировать дискурсы по доми-

нирующему в них способу воздействия на адресата: аргументирующему, мотивирующему, предписывающему, аккумулирующему. Только на основе последовательного анализа составляющих дискурс единиц речевой деятельности (речевых актов, образующих речевые ходы, и речевых ходов, входящих, в случае диалогического характера дискурса, в речевые взаимодействия) можно составить общую картину речевоздействующего пространства дискурса, доминирования на различных этапах его развития элементарных речевоздействующих сил, которые формируют в итоге интегративную коммуникативную силу всего дискурса.

Коммуникативно-функциональный анализ дискурса на начальном этапе в значительной мере использует элементы научных методик теории речевых актов, интенционального анализа, традиционного дискурсивного анализа, однако он не ограничивается их суммарным применением.

Распредмечивание прагматического аспекта языковых знаков дополняется его сопоставлением с остальными выделяемыми семиотикой аспектами функционирования: синтаксическим, семантическим и сигматическим. На этапе рассмотрения целостного речевого действия дискурса системность семиотического подхода позволяет получить качественно новое интегративное описание дискурса, которое основывается на учете места и роли каждой из единиц речевой деятельности в построении дискурса.

Применительно к лингвистике термин "функция" используется в двух основных значениях — функция как роль, задача в аспекте целевой модели и функция как соответствие между двумя переменными. Функции элементов языковой системы "определяются их целевым назначением в формировании речевого высказывания с определенной прагматической установкой", функции речевых произведений "определяются их целевым назначением в объективной действительности". В обоих случаях функция выступает в качестве снятого момента целенаправленной речевой деятельности[13].

Очевидно, что трактовка функции как соответствия между двумя переменными, или как системы единораздельных отношений, неразрывно связана с пониманием ее как целевого назначения (роли, задачи). Распредмечивание речевого произведения, в нашем случае — текста проповеди, предполагает установление системы отношений, которые определяют развертывание соответствующего дискурса в ситуации речевого общения, и лишь затем возможно определение итогового целевого назначения проповеди и ее составляющих в

коммуникации. На этой основе становится возможным определить целевое назначение фрагментов текста и текста в целом как информационных следов соответствующих целенаправленных речевых действий произведения. Первый из аспектов функциональности может быть назван реляционным, а второй — деятельностным.

Разграничение сфер семантики и прагматики, основанное на применении семиологического подхода, во многом аналогично противопоставлению теоретического (собственно логического) и практического рассуждения. Целью теоретического рассуждения является установление истины, его законы независимы от субъекта; задача практического рассуждения заключается в выборе цели и способов ее достижения. Введение субъекта в парадигму рассуждения в логическом плане обусловливает переход от фактических утверждений к модальным, к модальности долженствования. Практическое рассуждение регулируется системой деонтических норм, знанием того, что дозволено, запрещено или предписано.

Для теоретического рассуждения необходимо выяснение причины, принадлежности природы, независимой от субъекта. Оно имеет своим предметом прошлое и настоящее. Его внимание обращено на установление каузальных отношений. Практическое рассуждение преимущественно обращено в будущее. Выяснение целей, которые ставит субъект, предполагает последовательное разрешение альтернатив, переход от аксиологических и деонтических модальностей к модальности "нужды и потребностей". На основе практического рассуждения сформировались логика оценок, логика предпочтения, логика прескрипций и логика действия[14]. Таким образом, введение в логическое и лингвистическое исследования субъекта, не лишенного своих психологических характеристик, приводит к сходной направленности в определении ориентиров антропоцентрического (субъективированного) и объективированного подходов к изучению смысла.

Дифференциация типов дискурса на семиологической основе, как и любое обобщенное описание единиц такого уровня, достаточно абстрактна. Она основывается на учете интегративных характеристик дискурса в целом. Речь, очевидно, может идти о доминировании того или иного типа информации в дискурсе. Это вполне закономерно, если учесть, что уже на элементарном уровне описания единиц речевой деятельности — уровне речевого акта, исследователю приходится применять усложненную систему понятий для конкретизированного описания интенциональных особенностей рече-

вого акта. Например, О.Г.Почепцов[15] конкретизирует понятия, ориентированные на обобщение исходной интенции (описание, побуждение, спрашивание), на втором этапе анализа в рамках понятия конечной интенции. Исходная и конечная интенции могут быть акторечевыми и постакторечевыми. Конечная интенция описывается не закрытым, ограниченным списком терминов, а путем интерпретации смыслов определенного речевого акта применительно к возможному контексту его употребления. Это вполне объяснимо, поскольку на втором этапе описания, этапе определения конечной интенции, исследователь стремится к получению способа конкретизированного, а не обобщенного лингвистического описания смысла единицы речевой деятельности. Конкретизированное описание смыслов даже изолированных речевых актов уже в силу разнообразия их лексических наполнений, очевидно, не может быть представлено с помощью метаязыка терминов, а требует процедуры исследовательской интерпретации как выявления совокупности смыслов, реализуемых речевым актом. Собственно, в этом и заключается смысл противопоставления этапов обобщенного и конкретизированного лингвистического описания, на первом этапе использующего ограниченный список общих понятий, основывающийся на учете наиболее общих особенностей языковой структуры исследуемых единиц. У О.Г.Почепцова — это опора на структурно-семантические особенности вопросительных, повелительных и повествовательных коммуникативных типов предложений на этапе определения типов исходной интенции. Этап конкретизированного описания, в свою очередь, неизбежно сосредоточивается на не ограниченном рамками метаязыка лингвистики определении смысла речевого акта с помощью регулятивов (конвенций) его интерпретации (понимания)[16].

Выделяя семиотические аспекты развития (продуцирования) дискурса, мы не преследовали цель распространять лингвистическую картину многоаспектного описания способов применения языковых средств в дискурсе в соответствии с интенцией говорящего/пишущего на чисто психологический аспект его речемыслительной деятельности. Это не входит и не может входить в задачи лингвистического исследования.

Целью коммуникативно-функционального описания дискурса является установление соотношений и зависимостей между планами сообщения, содержания и формы единиц

речевой деятельности. Описание взаимоотношений синтаксического (лексико-синтаксического), семантического, сигматического и прагматического аспектов единиц речевой деятельности помогает представить динамическое, деятельностно-ориентированное описание производства дискурса как совокупность способов целенаправленного, осмысленного использования говорящим арсенала имеющихся в конкретном языке средств. Такая ориентация исследования во многом продолжает дидактическую традицию риторики на новом витке развития семиотически- и деятельностно-ориентированной лингвистики. Конечным итогом коммуникативно-функционального исследования дискурса, сочетающего семиотический и деятельностный подходы к описанию языка, является описание области закрепленных в речевой практике функциональных подсистем языковых средств. Они выступают в качестве основных показателей наличия определенных соотношений формы, содержания и сообщения в каждом конкретном отрезке речевой деятельности — дискурсе, а в личностно-деятельностном измерении дискурса сигнализируют об использовании в нем автором той или иной комбинации речевоздействующих сил, к которым мы относим аргументирующую, мотивирующую, аккумулирующую и предписывающую (прагматическую). Комбинация семиотического и деятельностного подходов позволяет соотнести системные и функциональные характеристики конкретного естественного языка, в данном случае — английского. Те проявления языка, которые в статическом, собственно системном ракурсе семиотика традиционно трактует как аспекты функционирования языкового знака (синтаксический, семантический, сигматический, прагматический), в личностно-деятельностном ракурсе получают новую интерпретацию в качестве возможных сфер (глобальных типов) речевых действий с помощью языковых знаков коммуникативного уровня.

В личностно-деятельностном ракурсе семиотические отношения между языковыми знаками приобретают определенный смысл. Синтаксическое отношение "языковой знак - языковой знак" применительно к процессу коммуникации должно прочитываться так: "Существует глобальный тип речевых действий адресанта такого рода, который необходимо вызывает появления ответных речевых действий адресата". К таким речевым действиям в теории речевых актов относят действия с исходной интенцией спрашивания[17].

Прагматическое отношение "языковой знак — адресат языкового знака" получает следующее смысловое наполне-

ние применительно к речевому общению: "Существует глобальный тип речевых действий адресанта такого рода, который непосредственно ориентирован на достижение искомой адресантом (неречевой/речевой) активности адресата". Ими являются речевые действия с исходной интенцией побуждения.

Семантическое отношение "языковой знак — его понятийное (интенсиональное) содержание" получает в личностно-деятельностном измерении интерпретацию "Существует глобальный тип речевых действий, применяемых адресантом для передачи адресату знаний (как определенной интегративной суммы понятий)". Исходную интенцию таких речевых действий составляет повествование.

Сигматическое отношение "языковой знак — его референтное (экстенсиональное) наполнение" применительно к процессу речевого общения конкретных коммуникантов получает прочтение "Существует глобальный тип речевых действий, применяемых адресантом для описания им элементов жизненного пути адресата (прошлого/настоящего/будущего) как определенной совокупности его мнений (представлений о непосредственно известных адресату референтах используемых адресантом языковых знаков) с целью побуждения адресата к определенной речевой/неречевой активности". Исходную интенцию речевых действий подобного типа мы называем мотивацией или скрытым побуждением.

Существование возможности определения взаимозависимости между семиотическим описанием аспектов функционирования языкового знака и сфер (глобальных типов) речевых действий с помощью языковых знаков в конкретных ситуациях речевого общения вполне закономерно. В данной ситуации последовательно рассматриваются соответствующие стороны 1) языка как системы и 2) языка как деятельности. В первом случае определяется функциональный аспект системы языковых знаков, а во втором проводится попытка системного описания реального функционирования языка, т.е. речевой деятельности коммуникантов.

Анализируя интегративные свойства дискурса как целостного речевого действия в ряду ему подобных с семиологических позиций, мы совершаем системное описание функционирующего языка, языка в действии. Речь в этом случае может идти об использовании адресантом той или иной комбинации элементарных речевоздействующих сил при доминировании одной из них в составе обобщенной коммуникативной силы дискурса. В то же время, интерпретируя языко-

вые знаки коммуникативного уровня в определенном тексте (предикативные единицы, предложения, последовательности предложений и т.д.) как единицы речевой деятельности (речевые акты, речевые шаги, речевые ходы и т.д.), мы обязаны распредмечивать их функциональные свойства как аспекты функционирования данных знаков в их традиционном понимании: семантическом, сигматическом, синтаксическом (лексико-синтаксическом) и прагматическом.

Таким образом, коммуникативно-функциональный анализ дискурса состоит из двух взаимодополняющих процедур:

— распредмечивания языковых знаков определенного текста путем раскрытия всех аспектов их функционирования — синтаксического, семантического, сигматического, прагматического в иерархии перехода от плана формы (синтаксис) — к плану имманентного от коммуникативной ситуации содержания (семантика) — к плану ситуативно-определенного содержания, т.е. конвенциональному смыслу (сигматика), и, наконец, — к плану сообщения (прагматика). В этом ракурсе рассмотрения наблюдается показанное в лингвистике доминирование семантики над синтаксисом, а прагматики — над семантикой[18];

— определения на основе распредмечивания языковых знаков данного текста путем установления их семиотических функций лингвистического статуса информационного следа единиц речевой деятельности, образующих целостное речевое действие — соответствующий дискурс; с учетом полученных на первом этапе анализа синтаксических, семантических, сигматических и прагматических характеристик составляющих дискурс единиц речевой деятельности установления его интегративных системных особенностей.

В данном исследовании представлен результат коммуникативно-функционального анализа текстов проповеди, их распредмечивания, т.е. проповедь рассматривается как дискурс — единое типовое речевое действие, состоящее из единиц различных уровней сложности (речевых актов, шагов, ходов и т.д.) и обладающее определенными повторяющимися особенностями формы содержания и сообщения. Таким образом, представляя продуцирование дискурса с лингвистической точки зрения, мы последовательно описываем иерархию взаимоотношений аспектов функционирования языковых знаков как речевых действий определенного уровня — от подчиненных к доминирующим. На первом этапе — это раскрытие взаимосвязи семантики и синтаксиса (семантических межпропозициональных отношений и лексико-синтак-

сических способов их оформления). На втором этапе мы пытаемся показать соотнесенность семантики и сигматики. И, наконец, описание включает рассмотрение прагматического аспекта функционирования исследуемых языковых знаков в его связи с ранее рассмотренными аспектами. Лишь получив картину распредмеченного текста проповеди как совокупности единиц речевой деятельности, мы переходим к обобщенному описанию интегративной коммуникативной (речевоздействующей) силы дискурса проповеди как целостного речевого действия.

ДИСКУРС — ЦЕНТРАЛЬНАЯ ИНТЕГРАТИВНАЯ ЕДИНИЦА РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Речевую деятельность и дискурс можно рассматривать как сущность и явление. Речевая деятельность — это поле (континуум) речевой активности бесконечного множества конкретных языковых личностей. Дискурс конкретной языковой личности в этом случае является точкой или одним из совокупности пространств континуума речевой деятельности. Расстояние между точками — дискурсами конкретных языковых личностей стремится к нулю, что отражает взаимодействующий и взаимозависимый характер речевого общения коммуникантов.

Пространство дискурса само по себе предельно и внутренне делимо. Оно состоит из единиц речевой деятельности различного коммуникативного статуса, речевоздействующих сил с различными векторами и направленностью на адресата/адресатов дискурса. Адресатом дискурса может быть языковая личность с любой коммуникативной ролью (слушающий, читатель, посторонний слушающий, подслушивающий и т.п.), на которую автором дискурса ориентировано речевое воздействие. Единицы речевой деятельности, выделенные в лингвистических направлениях конверсационного и дискурсивного анализа, достаточно полно описаны в научной литературе[1].

Центральной интегративной единицей речевой деятельности, находящей отражение в своем информационном следе — устном/письменном тексте, является дискурс[2]. Коммуникативно-функциональное описание, по нашему мнению, предполагает рассмотрение взаимодействия синтаксических, семантических и прагмалингвистических особенностей текста и его компонентов в ракурсе деятельностного подхода к языку. В тексте как единице речи представлена

система функционально-лингвистических характеристик речевой деятельности. В нее входят коммуникативно значимые параметры ситуации речевого общения (сценарии коммуникативных событий), коммуникативно-ролевой аспект статусов и программ речевого поведения каждого из коммуникантов в соответствии с ходом развертывания речевого события, применяемые ими речевые стратегии и тактики при выполнении программ речевого поведения и ряд других характеристик. Они непосредственно реализуются системой единиц речевой деятельности, к которой мы относим речевой акт (минимальную единицу речевой деятельности), речевой шаг (минимальную самостоятельную единицу речевой деятельности, состоящую из речевого/речевых акта/актов с единой иллокутивной силой), речевой ход (речевой/речевые шаг/шаги коммуниканта от момента вступления в общение до смены говорящего), речевое взаимодействие двух и более коммуникантов и речевую трансакцию (речевое событие). Основной критерий выделения и описания единиц речевой деятельности, как и следует из их онтологического статуса, - функциональный.

Дискурс характеризуется такими коммуникативно-функциональными параметрами:

1. Предельность и одновременно отсутствие строгих структурных ограничений. Дискурс может включать в себя любое количество и перечень единиц речевой деятельности: от последовательности двух и более речевых актов до множества речевых событий.

2. Системность, заключающаяся в соблюдении закономерностей продуцирования любого дискурса и его составляющих описываемыми ниже регулярными способами речевой деятельности (сигматическими, семантическими, прагматическими, синтактическими).

3. Функциональная завершенность и коммуникативная определенность конкретного дискурса. Этот параметр — собственно деятельностный (функциональный) и служит, как следует из коммуникативно-функционального подхода к исследованию, основным смыслоразличительным в реальной коммуникации и выделительным в научно-исследовательской практике критерием перехода единиц речевой деятельности в конкретный дискурс языковой личности.

Дискурс может рассматриваться как коммуникативная ситуация, включающая сознание коммуникантов и текст, создающийся в процессе общения[3]. В этом случае он состоит из речевых актов — дискретно выделимых тактов, квантов.

В дискурсе находят отражение фрагменты действительности — внешняя по отношению к дискурсу ситуация, являющаяся содержательным предметом, темой общения, и коммуникативная среда — конситуация, составляющая предметное окружение коммуникантов во времени и пространстве в процессе языкового взаимодействия[4]. Данное определение дискурса не противоречит пониманию его как центральной интегративной единицы межличностного общения. Оно дополняет такое определение субстанциональным компонентом, указывая на природу участвующих в межличностном общении объектов окружающего мира.

Речедеятельностное пространство дискурса многомерно. Разносторонняя разработка понятийного аппарата семиотики применительно к лингвистике[5] позволяет распространить, с учетом особенностей речевой деятельности, основные характеристики описания языкового знака на его функционирование в условиях реальной коммуникации. К таким характеристикам языкового знака относятся прежде всего аспекты описания отношений, в которые он вступает с объектами речевой/неречевой действительности: сигматический, семантический, прагматический, синтактический[6]. Первый из них выражает связь между языковым знаком и отражаемыми в нем объектом/объектами окружающего мира, второй — связь со своим значением, третий — создание и использование языкового знака людьми, четвертый — связь языкового знака с другими себе подобными. Применительно к разрабатываемой нами лингвистической модели речевой деятельности аспекты языкового знака могут рассматриваться в коммуникативно-функциональном плане как координаты речепроизводства (коммуникативного развертывания) дискурса.

Сигматическая координата — это координата коммуникативного развертывания адресантом личностных смыслов с учетом их соотнесенности с окружающей действительностью на основе собственного опыта познавательной деятельности. Такие смыслы имеют характер мнения.

Семантическая координата описывает область содержательной интерпретации знака, отражающую отношение знака и его мыслительного эквивалента (значения) и несущую в себе совокупность знаний о мире через установленную и используемую в социуме систему понятий, категорий и т.д. о нем. Установленность понятия может быть описана следующим образом: оно находит референты в возможных мирах, задаваемых личностными системами смыслов коммуникантов, как минимум исходя из возможности интерпретации

этого понятия адресатом на основе других понятий, известных ему.

Различие между семантической и сигматической информацией только адресатоцентрическое и наблюдается в речевом взаимодействии с конкретным адресатом. Способы речевой деятельности, лежащие в основе аргументации и мотивации, на надпонятийном, пропозициональном уровне организации содержания дискурса являются общими и могут называться семантическими.

Прагматическая координата связывает создание и использование в речевом потоке единицы речевой деятельности с прогнозируемым действием соответствующего текста на адресата и его ответной речевой/неречевой активностью.

Синтактическая координата описывает совокупное аккумулирующее (накопляющееся) речевое воздействие на адресата единицы/последовательности единиц речевой деятельности в рамках одного дискурса.

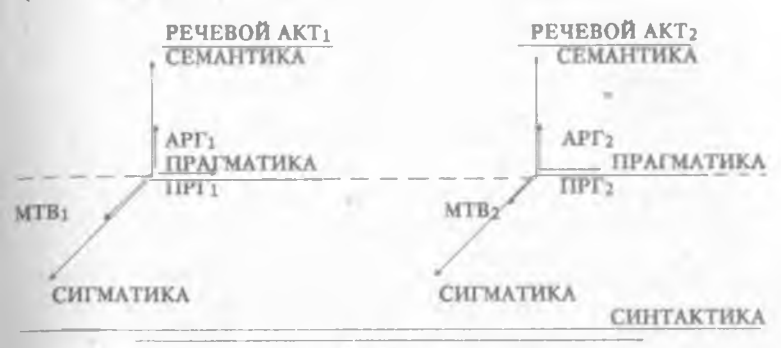
Коммуникативно-функциональное пространство дискурса интегрирует речевоздействующие силы четырех вышеназванных координат и описывает совокупное речевое воздействие на адресата, планируемое автором дискурса.

Применительно к дискурсу конкретной языковой личности реализованные речевые действия в этих измерениях принимают характер использованного потенциала данных координат в виде применяемого адресантом соответствующего арсенала сигматических, семантических, прагматических и синтактических способов речевой деятельности: сигматикона, семантикона, прагматикона и синтактикона языковой личности[7].

Предположим, что пространство дискурса четырехмерно. В этом случае его воздействие строится по осям одномоментно действующих сигматической, семантической и прагматической координат, а также по оси синтактической координаты, действующей протяженно во времени и речевом пространстве. Каждая последующая единица речевой деятельности, особенно тематическая (топикальная), создает свое микропространство. Таким образом, пространство дискурса имеет квантованную, прерывистую и в то же время непрерывную — с учетом связи сигматической, семантической и прагматической координат единиц речевой деятельности в речи — природу коммуникативного воздействия на адресата (схема с. 21):

Речедеятельностное пространство конкретного дискурса языковой личности рассматривается нами как соответственно развернутая по данным координатам интеграция элемен-

тарных речевоздействующих сил: аргументирующей (Арг — семантика), мотивирующей (Мтв — сигматика), прагматической (Прг — прагматика) и аккумулирующей (Акм— (синтактика).



Как видно из схемы, точки отсчета действия аргументирующей и мотивирующей сил определяются векторами дискурса, соответственно, по сигматической и семантической координатам пространства дискурса. Вектором аргументирующей силы назовем тот объект или явление, на семантическое описание которого ориентирован дискурс. Семантическая информация регулируется критерием истинности/ложности смыслов. Такая информация может не быть общей для адресанта и адресата. Вектором мотивирующей силы назовем тот перечень объектов или явлений, которые тесно связаны с личностью адресата и создают фонд общих знаний коммуникантов. Сигматическая информация предназначается для сигнализации адресантом адресату о наличии у них такого фонда общих мнений и регулируется критерием искренности/неискренности.

Аргументирующая сила дискурса, таким образом, является производной от величины вектора семантической информации, содержащейся в дискурсе, и направлена, как и остальные речедеятельностные силы, на адресата дискурса.

Мотивирующая сила дискурса, соответственно, является производной от величины вектора сигматической информации, содержащейся в дискурсе.

Аккумулирующая сила появляется в дискурсе, содержащем вопрос или состоящем более, чем из одного речевого акта. Она описывает эффект усиления/ослабления совокупности сил трехмерной плоскости пространства дискурса "сигматика–семантика–прагматика" по четвертой координате —

"синтактика". Аккумулирующая сила, таким образом, может строить свое действие на неоднократном, в соответствии с количеством единиц речевой деятельности одного ранга, речевом воздействии на картину мира адресата, воздействии, протяженном во времени и речевом пространстве, или на речевом воздействии, требующем от адресата ответных информативных речевых действий.

Прагматической силе свойственна целевая речевоздействующая направленность на адресата дискурса. Она открыто проявляется в "прямых" (нетранспонированных) речевых актах и четко ориентирует адресата на произведение/непроизведение ответных речевых/неречевых действий.

Элементарные речевоздействующие силы (аргументирующая, мотивирующая, прагматическая, аккумулирующая) названы таковыми по своей основной коммуникативно-функциональной ориентации -- на адресата. Если принять во внимание отношение их к автору, то эти силы можно определить как речемыслительные. Отношение их к виду активности автора (адресанта) определяет их как речедеятельностные.

Учитывая вышесказанное, мы, однако, останавливаемся на первом термине (речевоздействующая сила) как рабочем, ввиду того, что объектом нашего исследования является дискурс как центральная интегративная единица межличностного общения, и рассмотрение элементарных коммуникативных сил проводится именно в этом контексте.

Все элементарные речевоздействующие силы расширяют по соответствующим координатам четырехмерное пространство дискурса, тем самым увеличивая его коммуникативную силу.

Коммуникативная сила — это пространственно-временная интеграция аргументирующей, мотивирующей, прагматической и аккумулирующей сил конкретного дискурса. В случае участия всех их в образовании речевоздействующего пространства дискурса она приобретает объемно-фронтальный, корпускулярно-волновой характер воздействия на личностные смыслы адресата, прогнозируемые автором дискурса и подвергаемые реальному воздействию с помощью опредмеченной формы дискурса — текста. Чем объемнее четырехмерное пространство дискурса, тем больше личностных смыслов концептуальной картины мира адресата с помощью соответствующего текста оно затрагивает и трансформирует. Тем самым оно строго очерчивает, ограничивает объективную свободу выбора адресатом иск-

ренних с точки зрения адресанта (по координате "сигматика") и собственно истинных (по координате "семантика") возможных ответных смыслов и предоставляет адресату субъективную свободу выбора остальных, не предполагающихся речевоздействующим пространством дискурса (неискренних с позиций адресанта и собственно ложных) возможных ответных смыслов.

Приведенные рассуждения позволяют дать определение некоторым ключевым понятиям коммуникативно-функциональной лингвистики:

Коммуникативное намерение — это намерение автора дискурса использовать в качестве коммуникативной одну/несколько/все из речевоздействующих сил дискурса для решения речевой/неречевой задачи общения.

Коммуникативный замысел — это планирование автором дискурса использования определенной последовательности способов речевой деятельности (сигматических, семантических, прагматических, синтактических) в конкретной ситуации речевого общения.

Таким образом, коммуникативное намерение и коммуникативный замысел соотносятся как глобальное (общее) и конкретное на стадии планирования речевой деятельности.

Речедеятельностная направленность дискурса может рассматриваться с когнитивно-логической точки зрения как эпистемический суперпредикат дискурса. При переходе дискурса в речь данный суперпредикат, отражающий интегрированную коммуникативно-функциональную установку пропозициональной части дискурса, может быть эксплицитно/имплицитно выражен языковыми средствами, принимая вид эпистемического предиката тематического (топикального) предложения в тексте[8]. Сущность речевого воздействия аргументирующей силы — в изложении знания: "Знание ... отчуждаемо. Это общее достояние"[9]. Изложение отчужденного знания непосредственно влияет на картину смыслов (концептуальную картину мира) адресата, минуя его мотивационные структуры в оптимизированном общении, не находя "сопротивления" в личностной мотивации адресата. Таким образом, аргументация воздействует на мотивационную сферу языковой личности опосредованно, через знание, однако в силу своей опосредованности такое косвенное мотивирующее воздействие знанием, в случае его наличия, невозможно предотвратить речевыми способами иначе как прекратив общение.

Мотивация — противоположно направленный речевоздействующий процесс. Излагаемые адресантом факты (явле-

ния, события) окружающего мира, тесно связанные с личностью адресата, в случае их обсуждения с ним и, тем более, подтверждения, а иногда и отрицания становятся своего рода знанием отдельного социума. Объективация жизненного опыта адресата, элементов его мотивационной сферы превращается в объективизированный общением аргумент в пользу реализации речевоздействующего намерения адресанта.

Обыденная философия речевого воздействия — это философия "отягощения адресата знанием", трансформации его картины мира целенаправленными личностными смыслами, опредмеченными в тексте, и тем самым воздействия на его дальнейшую речевую/неречевую активность. Можно предположить, что результирующим адресатоцентрическим суперпредикатом любого высказывания, начинающим действовать сразу же после получения речевого сообщения адресатом, является "Теперь ты знаешь (Вы знаете), что...". Данная посылка объясняет интеракциональную роль выражений типа "Ты знаешь" (англ. You know),"Я имею в виду" (англ. I mean, I guess), исследованных на материале английского языка в русле дискурсивного анализа[10]. Кроме этого, в пользу наличия результирующего суперпредиката речевого общения свидетельствует существование в естественных языках целого класса оформляющих речевых актов. Это метавысказывания типа "Как указывалось ранее...", "Из вышеупомянутого следует..." и т.д. для письменной речи и "Как я уже говорил ранее" и другие для устной речи, которые, по нашему мнению, могут в дискурсивном анализе рассматриваться как косвенные речевые акты с исходным коммуникативно-функциональным содержанием "Я напоминаю Вам о том, что Вы уже знаете, что...". В описании суперпредикатов элементарных дискурсов велика роль научных знаний, полученных в результате логико-ориентированных лингвистических изысканий[11].

Результирующим суперпредикатом любого дискурса является предикативная конструкция "Теперь Вы/ты знаете/знаешь, что...". В соподчиненной предикативной единице "что..." выражается смысловая часть дискурса, передаваемая текстом. Результирующий базовый суперпредикат с глаголом "знать" присутствует в коммуникативной структуре любого продуцированного в текст дискурса. Это единственный результирующий суперпредикат дискурса знания, что является подтверждением собственно семантической ориентированности этого типа дискурса.

Структура результирующих суперпредикатов других элементарных типов дискурса (желания (1), долженствования (2), возможности (3)) состоит из базового суперпредиката с глаголом "знать", а также глагола, вынесенного в название элементарного типа дискурса, соответственно: (1) "Теперь Вы/ты знаете/знаешь + желаете/желаешь..."; (2) "Теперь Вы/ты знаете/знаешь + должны/должен..."; (3) "Теперь Вы/ты знаете/знаешь + можете/можешь...".

Базовый результирующий суперпредикат дискурса может появляться в тексте в форме того или иного вида речи (прямой, косвенной, тематической, имплицитно-тематической) как фактивный предикат главной предикативной единицы, переводящий соподчиненную предикативную единицу (передающую опредмеченный в тексте смысл) в статус пресуппозиции, в общий фонд знаний говорящих, который невозможно подвергнуть отрицанию:

Вы знаете, что земля вращается.

Вы не знаете, что земля вращается.

Пресуппозиция: Земля вращается.

Следует выделить также исходный (инициальный), автороцентрический суперпредикат дискурса, который, по нашему мнению, имеет вид: "Глагол говорения + глагол полагания + глагол пропозициональной установки дискурса..." Таким образом, в тексте каждое высказывание имплицитно/эксплицитно в качестве исходной интегративной (дискурсивной) пропозициональной установки имеет выражение такого рода.

Как считает Н.Д.Арутюнова, "вне соединения с пропозицией глагол полагания не может быть употреблен. Это своего рода интенсиональная оболочка пропозиции, синкатегорематическое слово, локализующее суждение в ментальной сфере его "носителя"[12]. Предположим обратную обязательную связь данных явлений в речевой деятельности. Поскольку процесс локализации суждения в ментальной сфере его "носителя" происходит, очевидно, всегда, предикат пропозициональной установки полагания также всегда является частью дискурсивного суперпредиката пропозициональной установки, коммуникативно-функциональной оболочки любой пропозиции, к которой при эксплицитном ее выражении может быть сведено любое высказывание, помещенное в позицию придаточного предложения.

Порядок следования предикатов пропозициональных установок в дискурсивном суперпредикате зафиксирован в языке и отражает основные коммуникативно-значимые па-

раметры ситуации речевого общения: собственно процесс коммуникации (глагол говорения/письма/) + процесс ментальной локализации суждения /пропозиции/ (глагол полагания) + коммуникативное намерение адресанта относительно адресата (глаголы речевоздействующей пропозициональной установки конкретного вида дискурса). Глаголы, отражающие коммуникативное намерение автора дискурса, подразделяются на глаголы, передающие автороцентрическую коммуникативную установку и адресатоцентрическую коммуникативную установку.

Аргументирующий дискурс в качестве интегрированного (дискурсивного) инициального суперпредиката будет иметь выражение типа "Я говорю (пишу), что я думаю (полагаю), что я знаю, что Вы теперь знаете (будете знать), что...", за которым следует пропозитивное содержание дискурса. Фиксированный, строгий порядок следования глаголов "думать" и "знать" в качестве предикатов пропозициональной установки закреплен в естественном языке и исследован в лингвистике[13]. Приемлемым с точки зрения языкового узуса является конфигурация "Я думаю, что я знаю, что...", но не "Я знаю, что я думаю, что...".

Для дискурсов мнения интегрированные инициальные суперпредикаты будут иметь следующий вид:

1. Мотивирующий дискурс (дискурс желания): "Я говорю (пишу), что я думаю (полагаю), что я знаю, что Вы желаете (будете желать)..."

2. Прагматический дискурс (дискурс долженствования): "Я говорю (пишу), что я думаю (полагаю), что я знаю, что Вы должны (будете должны)...", за которым следует пропозиция, описывающая искомое речевое/неречевое действие адресата.

3. Аккумулирующий дискурс (дискурс возможности): "Я говорю (пишу), что я думаю (полагаю), что я знаю, что Вы можете (ответить)..." В пропозициональной части данного дискурса располагается обычно последовательность речевых актов, тематическим (топикальным) из которых является прямой/косвенный вопрос.

Наличие суперпредикатов данного вида подтверждается тем, что в реальной речевой деятельности адресат может отрицать любую из пропозициональных установок исходного суперпредиката дискурса с той или иной степенью искренности/неискренности. Речевые способы (стратегии, тактики, приемы) отрицания/подтверждения интегративного иници-

ального суперпредиката адресатом и результирующего — автором назовем дискурсивными и рассмотрим их в соответствующем разделе данной книги.

Предложенное описание координат, сил и векторов четырехмерного пространства дискурса позволяет перейти к описанию типов дискурсов в соответствии с доминированием в них одного/нескольких параметров их речевоздействующих пространств.

Элементарными типами дискурсов назовем дискурсы, в которых явно доминирует одна из речевоздействующих сил. Основной речедеятельностной силой дискурса знания является сила аргументации. С этой целью в векторе дискурса располагаются истинные/неистинные (по координате "семантика") факты (объекты, явления) окружающего мира в соответствующем личностным смыслам автора дискурса способе изложения.

Дискурс знания ориентирует адресата на ответные речевые/неречевые действия обилием семантической и малым количеством открыто задаваемой регулятивной (прагматической) информации, вплоть до ее отсутствия. Информационное воздействие с помощью аргументирующей силы дискурса направлено на изменение целого ряда отдельных составляющих общей концептуальной картины мира адресата и рассчитано адресантом, наряду с реализацией конкретных краткосрочных целей общения, на модификацию определенных особенностей дальнейшей мыслительной и материальной деятельности адресата в целом. Дискурс такого типа строится на основе применения дедуктивного/индуктивного семантического способа развертывания информации и/или их сочетаний и основывается на принципе опосредованного такой информацией "косвенного" убеждения адресата в целесообразности выбора, как правило, прямо не указанных направлений ответной речевой/неречевой деятельности. Таким образом, после воздействия дискурсом знания достигается наибольшая свобода выбора адресатом дальнейших решений и самостоятельность их принятия. Это — разговор на языке фактов, а не указаний.

Диалектика использования дискурса знания заключается в том, что знание расширяет свободу выбора дальнейшей умственной/материальной активности адресата и одновременно ее ограничивает, поскольку в дискурсивной форме оно является целенаправленно структурированным комплексом семантической (истинной/неистинной) информации, воздействующей на многие элементы картины мира адресата — социальный, этический, психологический и др.

Отрицание речевоздействующей силы дискурса знания предполагает несогласие адресата с истинностью изложенных в нем фактов (явлений, событий) окружающего мира. Подвергнуть отрицанию коммуникативные намерения автора дискурса в этом случае невозможно в силу их невыраженности в речи. В дискурсе в качестве тематических (топикальных) речевых актов чаще всего выступают констативы (в иной терминологии — Утверждения).

Истина — это путь познания информации, и дискурс знания направлен на то, чтобы адресат его прошел по координатам, проложенным автором дискурса.

Дискурсы мнения (желания, долженствования, возможности) по отражаемым в них личностным смыслам автора более непосредственно, чем дискурс знания, ориентированы на сферу материальной (речевой/неречевой) деятельности адресата. Основной речевоздействующей силой дискурса желания является сила мотивации. С этой целью в векторе дискурса искренне/неискренне излагаются факты (события, явления) окружающего мира, тесно связанные с личностью адресата.

Обилие гипотетически/реально связанной с личностью адресата сигматической информации и малое количество (вплоть до ее отсутствия) открыто задаваемой регулятивной (прагматической) информации ставит перед адресатом задачу выбора своего дальнейшего речевого/неречевого поведения исходя из повторения/неповторения своего прошлого жизненного опыта. В этом заключаются речедеятельностные ограничения и свобода выбора, задаваемая дискурсом желания. Это — общение с опорой на мотивы, в конечном итоге — на формируемые с помощью дискурса и прогнозируемые его автором желания адресата.

Отрицание речевоздействующей силы дискурса желания предполагает выражение адресатом сомнения в искренности адресанта, истинности приведенных фактов (явлений, событий). Тематическими в таком дискурсе могут быть такие речевые акты, как аккьюзив (Обвинение), менасив (Угроза), все виды косвенных директивов (Указаний) и др.

В целом дискурсы знания и желания с помощью аргументирующей и мотивирующих сил и соответствующих векторов задают весь спектр таких явлений речевой деятельности, которые в прагмалингвистике называются "косвенными речевыми актами".

Наиболее прагматически ориентирован дискурс долженствования. Его смысловая сторона бедна, отсутствуют (или

почти отсутствуют) аргументирование и мотивирование открыто выражаемых автором в речи требуемых от адресата речевых/неречевых действий. Соответственно, при отсутствии семантической и сигматической компонент пространство дискурса долженствования направлено на получение адресантом (говорящим/пишущим) определенной ментальной/материальной активности адресата. Продуцирование такого типа дискурса не требует от его автора речемыслительных усилий по развитию его аргументационной и/или мотивационной частей. В этом состоят смысловая элементарность и доминирующая прагматическая ориентированность дискурса долженствования, о чем свидетельствуют ответные высказывания типа "Командовать/давать советы проще всего".

Прагматической узконаправленностью достигается высокая степень экономии речемыслительных усилий адресанта, одномерность ориентации речевоздействующего пространства дискурса на адресата и, в конечном итоге, малая свобода выбора ответных речевых/неречевых действий у адресата. Она состоит лишь в согласии/несогласии выполнить указанное в дискурсе действие.

В дискурсе долженствования в качестве тематических употребляются "прямые", нетранспонированные речевые акты — директив (Указание), включая инъюнктив (Приказание) и реквестив (Пожелание), а также другие, выделяемые различными исследователями, речевые акты-регулятивы.

Дискурс возможности основывается на действии аккумулирующей силы, которая строго направлена на получение от адресата информации любого вида: сигматической, семантической или прагматической. Все речевые акты квеситивы (Вопросы) ориентированы на такую речевую и, в случае наличия смыслов по другим координатам, неречевую ответную активность адресата. Аккумулирующая сила не предполагает наличия встречно направленной одноименной силы в ответном дискурсе (ср. неприятие речевым этикетом ответа вопросом на вопрос).

Дискурс возможности направлен на установление возможности адресата выполнить запрашиваемые адресантом речевые/неречевые действия. Ориентация воздействия данного дискурса на сферу материальной деятельности адресата подтверждается логико-лингвистическими исследованиями смысловых связей, в которые может вступать глагол "мочь" в разных своих значениях[14]. Этот глагол, имеющийся в естественных языках, как правило, не сочетается с глаголами

ментально-эмоциональных состояний и глаголами ментальных актов[15], что свидетельствует о заложенной в языке направленности дискурса возможности на мир "внешних" (речевых/неречевых) действий адресата.

Исходя из приведенного выше теоретического коммуникативно-функционального анализа речевоздействующих пространств элементарных дискурсов, предположим, что они могут быть классифицированы по величине речемыслительных усилий их автора, объему вкладываемого в них фонда его знаний об окружающем мире.

Наиболее сложным с этой точки зрения является дискурс знания, использующий семантическую информацию, за ним следуют дискурсы мнения: дискурс желания, содержащий общий для коммуникантов фонд мнений, дискурс долженствования, передающий лишь регулятивную/прагматическую информацию, и, наконец, дискурс возможности, направленный на запрос информации различного типа у адресата.

По степени сложности речевоздействующего пространства дискурсы могут быть классифицированы на элементарные и комбинированные, в которых используются две, три или все четыре возможные речевоздействующие силы, функционирующие в четырехмерном пространстве речевой деятельности. К комбинированным дискурсам, таким образом, будут принадлежать (1) аргументативно-мотивационный, (2) аргументативно-аккумулирующий, (3) аргументативно-прагматический, (4) мотивационно-аккумулирующий, (5) мотивационно-прагматический и (6) прагматико-аккумулирующий дискурсы, использующие наборы двух названных речевоздействующих сил, (7) аргументативно-мотивационно-прагматический, (8) аргументативно-прагматико-аккумулирующий, (9) мотивационно-прагматико-аккумулирующий, в которых задействованы по три речевоздействующие силы, и, наконец, (10) аргументативно-мотивационно-прагматико-аккумулирующий дискурс, в той или иной мере использующий все координаты четырехмерного пространства речевой деятельности. Коммуникативная сила последнего является пространственно-временной интеграцией всех из перечисленных речевоздействующих сил.

При рассмотрении типологии комбинированных типов дискурсов следует учитывать также то, что они могут иметь в качестве доминирующих не все, а часть из используемых речевоздействующих сил. Такое соображение доводит количество типов комбинированных дискурсов до 54. В реальном

речевом общении дискурсы имеют, как правило, комбинированный характер, особенно если они состоят более чем из одной единицы речевой деятельности.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СИГМАТИКИ И СЕМАНТИКИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Описание дискурса как процесса и результата речевого взаимодействия (прогнозируемого в монологе или реального — в диалоге) личностных смыслов коммуникантов обусловливает необходимость определения теоретического и онтологического статуса сигматики и семантики языка.

Использование понятия "языковая личность" тесно связано с пониманием смысла не как части некоторой абстрактной "семантики сложившегося языка", а как части концептуальных систем носителей языка[1]. Переход к дифференцированному рассмотрению семантики и сигматики речевой деятельности как континуума неоднородных информационных систем конкретных носителей языка вводит в описание дискурса категории знания и мнения о мире: "Концептуальные системы кумулируют знания людей, приобретенные в результате отражения ими окружающего мира, и накопленный человеческий опыт, фиксируемый в языке"[2]. Исследование речевой деятельности требует описания механизма взаимодействия знания и мнения, перехода мнения в знания.

Опыт человечества приходит к индивидууму через язык его семантику. Система мнений человека возникает как результат его личного опыта материального взаимодействия с окружающим миром и дополняет семантику языкового знака сигматическим аспектом, аспектом его соотнесенности с конкретным, реальным миром, познанным и отраженным субъектом в процессе его жизнедеятельности. Мыслительное проникновение в возможные миры через семантику языка опирается на познание такого конкретно-реального мира индивидом.

Рассмотренные положения могут быть описаны, соответственно, через отношение "индивид — окружающий его мир" как аспект индивидуальной материально-познавательной деятельности субъекта и отношение "индивид — язык — возможные миры" — как аспект ментального познания многообразия возможных миров через язык. Хотя такая дифференциация является во многом аналитической абстракцией, она дает возможность проследить гносеологические истоки

различных форм речевой деятельности человека в общем контексте его познавательной деятельности.

Неоднородность концептуальных систем индивидов проявляется в различном соотношении в них знаний и мнений, их объемов. Знание тяготеет к объективности отражения мира, в частности, путем существования и совершенствования во многих концептуальных системах индивидов, наделенных возможностью практически-познавательной деятельности. Мнение субъективно и отражает конкретность и неповторимость прежде всего личного опыта жизнедеятельности индивида.

Введение в лингвистику человека как основного субъекта речевой деятельности влечет за собой последовательное разграничение повторяющихся типов речевой деятельности по характеру используемой в них информации. Из признания человека деятельным субъектом речевого общения следует, что в социуме он является и одним из основных объектов речевой деятельности. Жизненный путь индивида — стабильно присутствующая тема в речевом общении, и информация такого рода занимает весьма определенный коммуникативно-функциональный статус в речевом общении. Под коммуникативно-функциональным статусом определенного вида информации мы понимаем ее регулярное использование автором дискурса в реализации своего коммуникативного замысла по речевому воздействию на адресата. Так информация об адресате выделяется в отдельный тип, связанный с объективным миром непосредственно через концептуальные системы мнений адресата и адресанта. Рассмотрим связь сигматической информации с окружающей действительностью. Содержательная сторона дискурса, как следует из его субстанционального определения, состоит из двух эпистемических констант: (1) отражения фрагмента возможного мира и (2) отражения ситуации речевого общения (коммуникативной ситуации). Первый тип информации реализует отношение "знак — его значение в возможном мире" и является семантическим, второй — отношение "знак — его функция в коммуникативной ситуации по отношению к адресату" и является прагматическим. В случае, когда дискурс обращен на описание жизнедеятельности адресата (прошлой, настоящей или будущей по отношению к моменту ситуации речевого общения), указанные эпистемические константы начинают взаимодействовать: дискурс описывает фрагмент возможного мира с субъектом-адресатом и адресуется объекту коммуникативной ситуации — адресату. Информация в дискурсе особым, двояким способом связывается с окружающей

действительностью и по этому критерию может быть названа сигматической, т.е. обладающей самой непосредственной связью с окружающим миром.

Лингвистика речевой деятельности, или коммуникативно-функциональная лингвистика, таким образом, призвана изучить содержательные и формальные особенности передачи с помощью языковых средств результатов процессов познания социума (знание) и самих индивидов (мнение) от одного коммуниканта к другому. Сигматический аспект речевой деятельности, следовательно, тесно связан с семантическим и в речедеятельностном плане отражает переход от субъективных мнений о мире, прежде всего о партнере общения (сигматика), к объективному знанию о мире, в том числе и о партнере общения (семантика).

Процесс общения всегда двунаправлен, в том числе на стадии продуцирования дискурса: он служит реализации коммуникативных намерений адресанта и в то же время всегда основывается на учете особенностей системы личностных смыслов потенциального/реального адресата речевой деятельности. В этом понимании дискурс реализует свой статус единицы межличностного общения

Элементы знания рождаются в дискурсе, модифицируются в процессе речевого взаимодействия. Изречение "Истина рождается в споре" справедливо во многом и для монологического дискурса, поскольку, прогнозируя личностные смыслы реального/потенциального адресата, автор всегда находится в состоянии "спора с самим собой" на тему оптимальности коммуникативного развертывания дискурса с учетом фактора адресата.

"Концептуальные системы естественно выступают как важнейшее, всегда присутствующее условие употребления языковых выражений, а язык — как средство дальнейшего их конструирования, расширения, их социализации"[3]. Учет роли концептуальных систем партнеров по общению как важнейшего условия употребления языковых выражений в речевой деятельности и приводит нас к необходимости описания речевого воздействия на основе анализа и дифференциации основных информационных составляющих концептуальных систем — знания и мнения.

Аргументация и мотивация основываются на двух направлениях гносеологического процесса, протекающего в ситуации речевого общения — "от универсального знания социума — к мнению адресата о своей дальнейшей ментальной/материальной активности" (аргументация) и "от мнения

адресанта об адресате — к знанию партнеров по коммуникации о дальнейшей ментальной/материальной активности адресата" (мотивация). Такая трактовка создает предпосылки для рассмотрения процесса речевого общения как процесса познания и анализа текста как опредмеченной формы такого процесса. Текст в данном случае служит формой знания о процессе речевого общения, субъективного по содержанию и объективного в отношении системных особенностей продуцирования его смысла и оформления его языковыми средствами.

В процессе речевого общения, создания текста происходит трансформация субъективной картины возможного мира автора в объективированную законами мышления и связанными с ними семантическими способами речевой деятельности систему смыслов текста.

Дифференциация аргументации и мотивации, выделение семантической и сигматической координат речедеятельностного пространства дискурса служит прежде всего собственно лингвистическим, частнонаучным целям описания речевой деятельности конкретной языковой личности в условиях реальной коммуникативной ситуации, в том числе, если это необходимо — и типологизации речедеятельностных особенностей языковой личности на основе преимущественного использования ею определенных видов дискурса.

Мотивация как использование адресантом определенной информации о конкретной личности с целью решения речевой задачи общения в нашем понимании не сводима к начальному этапу планирования речевой деятельности — к общему аспекту оценки адресантом адресата, аудитории как компонентов ситуации речевого общения. Она рассматривается в качестве разновидности речевого воздействия на адресата, не имеющего выраженного языковыми средствами прагматического характера и достигающего перлокутивного эффекта вне использования речевых актов — конкретных ("прямых") регулятивов человеческого поведения (директивов, промисивов, менасивов и т.д.).

Аргументация в противоположность мотивации в силу гибкости и нетождественности сигматики самой себе в различных ситуациях речевого общения, интегративно отражающей соотношение систем личностных смыслов конкретных коммуникантов в каждый отдельный момент речевой деятельности, стремится опереться на объективную с точки зрения автора дискурса и всего социума семантическую инфор-

мацию, на элементы фонда знаний, истинность которых не зависит от условий ситуации речевого общения.

Выделение аргументации и мотивации предполагает описание речевой деятельности коммуникантов в конкретной ситуации речевого общения. Можно утверждать, что критерий разделения сигматики и семантики не создает ограничений на использование в аргументации и мотивации общих для них элементарных способов развертывания смыслов в дискурсе, которые мы называем семантическими способами речевой деятельности.

Различия между аргументацией и мотивацией можно проследить лишь на дискурсивном уровне речевой деятельности. Их описанию может служить предлагаемый ниже набор регулятивов речевого поведения, называемый конвенциями аргументации и мотивации.

КОНВЕНЦИИ АРГУМЕНТАЦИИ И МОТИВАЦИИ В РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ

Основополагающими принципами выделения и описания конвенций аргументации и мотивации является учет: 1) характера информации, которой манипулируют в процессе коммуникации адресант и адресат/адресаты, и 2) особенностей применительно к данным видам речевой деятельности рассмотренных выше коммуникативных отношений в ситуации речевого общения. Информацию, касающуюся прошлой, настоящей или будущей жизнедеятельности адресата, мы называем сигматической, поскольку она, в отличие от знания, неотчуждена от него и объемлет комплекс его личностных мнений. По своей семиотической природе она соотносит понятия, которые входят в концептуальную картину мира индивида на основе его личного жизненного опыта, с окружающей действительностью, как следует из принципа дифференциации семантики и сигматики.

Семантика — это область функционирования информации, носящей характер знания, отчужденного, независимого в своей сущности от личностных концептуальных картин мира коммуникантов, их мнений. Коммуниканты могут расширять фонд знаний в своей познавательной деятельности (изменять их объем), подвергать их воздействию полученного нового знания, объективировать свои концепты мнения на основе практической деятельности. Речевое общение, особенно научное, предназначено для объективации мнений в знания путем их обсуждения. Однако очевидно то, что зна-

нием в узком, терминологическом понимании является информация, прошедшая определенный длительный путь апробирующего обсуждения в обществе.

Процесс речевого общения в конкретных коммуникативных ситуациях, с одной стороны, обеспечивает объективацию мнения коммуникантов, а с другой — направлен на использование готового, имеющегося в обществе знания и входящего в°той или иной мере в концептуальные картины мира общающихся.

Речевое общение (устное и письменное) — это способ выражения знания и мнения одновременно, и лишь бесконечный континуум речевой деятельности в обществе в целом способствует выделению знания, приближению его к абсолютности истины, извлечению и сохранению объективного и отчуждению субъективного в информации.

1. КОНВЕНЦИИ АРГУМЕНТАЦИИ

Коммуниканты обмениваются (диалогический дискурс) либо адресант передает и адресат получает (монологический дискурс), т.е. манипулируют семантической информацией, носящей характер знания и в личностно-референтном смысле отчужденной от них.

Не допускается ссылка на события (факты, явления) окружающего мира, связанные с личностью коммуниканта, так как это приводит к переходу аргументации в мотивацию. Переход "на личности" в аргументации невозможен.

Не позволяется использование прямого директивного (прагматического) речевого воздействия на партнера по коммуникации.

Аргументирующий дискурс (дискурс знания) можно подразделить на исходный (подготовительный), содержательный (смысловой) и завершающий этапы.

На исходном этапе с учетом выделенных коммуникативных отношений возможным и зачастую необходимым является:

1. Выяснение объема значений употребляемых слов с целью дальнейшего использования их в установленном прочтении (редакции).

2. Установление соотношения значений употребляемых слов с характером их референтов в объективной действительности, т.е. определение количественного объема элементных номинаций в составе пропозиций (суждений), которые будут использоваться в аргументации применительно к конкретной ситуации речевого общения.

3. Уточнение характера референции всего тематического высказывания — тезиса аргументации, который может быть конкретнореферентным/общереферентным.

4. Устное определение логической модальности тезиса аргументации — реальной модальности, модальности необходимости или возможности.

5. Уточнение в случае необходимости общей пропозициональной установки аргументирующего дискурса, которая соотносится с исходными условиями его успешности. Общая пропозициональная установка данного вида дискурса может быть описана суперпредикатом типа "Я говорю (пишу), что я думаю, что я знаю", который коммуниканты подразумевают и могут реализовывать в том или ином виде языковыми средствами в аргументации.

Роль рассмотренных конвенций на смысловом этапе аргументации должна оцениваться в зависимости от искренности/неискренности речевых действий партнеров по общению. В случае искреннего желания выяснить ранее необсужденные положения исходного этапа аргументации речевые действия коммуниканта могут быть расценены как простой возврат к неустановленным исходным конвенциям. В условиях неискреннего отношения адресата к аргументации, проявляющемся в коммуникативном намерении изменить какие-либо положения, относящиеся к исходным конвенциям, речевые действия последнего должны рассматриваться как уловка в аргументации или стремление перейти к софизму в случае намерений подмены сущности одной или нескольких конвенций.

Указанные условия общения могут полностью или частично соблюдаться и обычно соблюдаются коммуникантами в диалогическом аргументирующем дискурсе. В монологическом дискурсе автор свободен в выборе соблюдения всех или части исходных конвенций аргументации, однако от правильности их использования зависит общая культура его речевой деятельности данного вида. Цель речевого действия аргументации — выяснить каждое из понятий тезиса и, главное, установить его истинность/неистинность в целом.

Совокупное коммуникативное воздействие аргументирующего дискурса гораздо шире. В рамках реализации интегративной коммуникативной силы оно содержит не только аргументирующую, но и прагматическую силы. Действие последней в сочетании с аргументацией направлено на воплощение коммуникативного намерения изменить систему

личностных смыслов адресата посредством изложения определенных знаний с целью решения поставленной адресантом речевой/неречевой задачи общения.

На смысловом этапе аргументации действуют следующие конвенции:

1. В подтверждение темы (тезиса) аргументации приводятся поддерживающие, развивающие тезис пропозиции (суждения), называемые также по их смысловой функции в аргументации доводами.

2. Доводы должны удовлетворять следующие условия:

2.1. Любой довод полностью/частично опирается на знание как адресанта, так и адресата.

2.2. Если истинность довода является общим достоянием фондов знаний адресанта и адресата, то данный довод не требует своего дальнейшего развития ни одним из коммуникантов.

2.3. Если истинность довода известна лишь адресанту и неизвестна или известна не полностью адресату, то данный довод требует дальнейшего развития и подкрепления.

2.4. Развитие довода заключается в использовании пропозиций (суждений), которые в конечном итоге речевого воздействия расширяют объем необходимого знания адресата до его совмещения с объемом знания в исходном доводе или в тезисе аргументации.

2.5. Логическим следствием довода должна быть истинность тезиса аргументации.

3. С целью развития тезиса употребляются семантические способы речевой деятельности, в основе которых лежит идентификация его как объекта речи:

3.1. Сопоставление (С).

3.1.1. Объединительное С.

3.1.1.1. Тождественное С.

3.1.1.2. Эквивалентное С.

3.1.1.3. Сравнительное С.

3.1.2. Противопоставление.

3.1.2.1. С "часть-целое".

3.1.2.2. Контрастное С.

3.2. Контекстуализация (К).

3.2.1. Объективированная К.

3.2.1.1. Временная К.

3.2.1.2. Пространственная К.

3.2.2. Субъективированная (импликативная) К.

3.2.2.1. Каузативная К.

3.2.2.2. Условно-следственная К.

3.2.2.3. Неуспешно-импликативная K[1].

4. Итогом идентификации объекта речи (тезиса аргументации) служит построение аргументирующего дискурса, в котором тезис является тематическим речевым актом, а его пропозициональная часть (суждение) выступает в роли интегрированного логического следствия совокупности содержащихся в дискурсе пропозиций речевых актов, имеющих функцию доводов.

На завершающем этапе аргументации возможными являются следующие речевые действия: установление итогового смыслового наполнения тезиса аргументации; достижение согласия партнеров по речевому общению об истинности/неистинности тезиса.

Рассмотренные конвенции описывают вероятностную организацию речевых действий коммуникантов в аргументации и не имеют характера предписания. Конкретный аргументирующий дискурс может включать, например, только смысловой этап, а в ходе его выполнения будут в той или иной форме учитываться конвенции исходного и заключительного этапов. Конвенции в целом определяют наиболее общие особенности речедеятельностной организации дискурса аргументации, отличающие его от других видов дискурсов.

2. КОНВЕНЦИИ МОТИВАЦИИ

Коммуниканты обмениваются (диалогический дискурс), адресант передает и адресат получает (монологический дискурс), т.е. они манипулируют сигматической информацией, информацией, носящей характер их мнения и касающейся их личного жизненного опыта (событий, фактов, явлений, связанных с их жизнью). Не допускается использование прямого иллокутивного (прагматического) речевого воздействия на партнера по коммуникации.

Мотивирующий дискурс (дискурс желания) в силу особенностей используемой в нем семантической информации не так жестко структурирован на этапы, как аргументирующий. Он использует отчужденное от партнеров по коммуникации знание, информационный статус которого нуждается в предварительном определении.

Этапы дискурса желания, которые бывает трудно разграничить, могут дифференцироваться на подготовительный и эксплицирующий (ядерный).

Наличие только подготовительного этапа характерно для имплицитно-мотивирующего дискурса. Эксплицитно-моти-

вирующий дискурс, напротив, содержит ядерный (эксплицирующий) этап и может иметь/не иметь подготовительного этапа.

Имплицитно-мотивирующий дискурс ориентирован на изложение адресантом сигматической информации (совокупности смыслов, связанных с личностью адресата), которая в конечном итоге направлена на формирование желаний (мотивов) адресата произвести искомое адресантом речевое/неречевое действие. Эксплицитно-мотивирующий дискурс на своем ядерном этапе содержит выраженную в речи трактовку, "прочтение" автором предполагаемых, прогнозируемых и искомых им (с позиций коммуникативного намерения) мотивов и желаний адресата, необходимых для решения конкретной языковой/неязыковой задачи общения.

2.1. КОНВЕНЦИИ ИМПЛИЦИТНОЙ МОТИВАЦИИ

1. Выяснение адресантом в прямой/косвенной форме истинности/неистинности явлений (событий, фактов), касающихся сферы прошлой, настоящей или будущей речевой/неречевой деятельности адресата.

2. Выявление истинности/неистинности сигматической информации в открытой форме предполагает наличие тематических речевых актов аккумулирующего типа (квеситивов, в иной терминологии — вопросов).

3. Установление истинности/неистинности семантической информации в косвенном плане основывается на отсутствии намеренной (выраженной языковыми средствами в речи) аккумуляции адресантом информации такого рода у адресата.

4. Выяснение истинности/неистинности сигматической информации строится адресантом с имплицитно-мотивирующим намерением сопоставления адресатом отдельных фактов (явлений, событий) из своего личного опыта, объективируемых адресантом в ходе речевого общения, с общей картиной мнений о них адресата и прогнозируемых мнением социума.

5. Использование адресантом имплицитно-мотивирующего дискурса служит реализации его речевоздействующего замысла по созданию у адресата мотивации (намерений, желаний) определенной речевой/неречевой деятельности в условиях отсутствия прямого упоминания о ней в тексте, сходной искомым целям речевого общения адресанта.

6. Исходным интегративным (дискурсивным) суперпредикатом пропозициональной установки имплицитно-мотивирующего дискурса является выражение типа "Я говорю (пишу), что я полагаю, что я знаю, что Вы...", предваряющее в имплицитной/эксплицитной форме пропозицию, отражающую прошлое, настоящее или будущее положение дел в сфере ментальной/материальной деятельности адресата.

7. Итоговым дискурсивным суперпредикатом пропозициональной установки имплицитно-мотивирующего дискурса является выражение типа "Теперь я знаю, что Вы знаете, что... я полагаю, что Вы желаете, чтобы...".

8. Отрицание адресатом любого из предикатов исходного дискурсивного суперпредиката. Это значит, что отрицание имплицитно-мотивирующего дискурса в пределах его пропозициональной установки может строиться по следующим направлениям:

8.1. Ссылка на "помехи" в канале связи с помощью системных способов речевой деятельности — переспроса, ссылки на недопонимание, на нечеткость выражения мысли адресантом.

8.2. Отрицание факта полагания адресантом истинности вводимой им пропозиции (суждения), например, высказывания типа "Вы так не думаете" (в значении "не полагаете"), т.е. обвинение адресанта в неискреннем отношении к сказанному/написанному.

8.3. Отклонение факта знания адресантом упомянутых им событий (явлений) из сферы жизнедеятельности адресата, например, высказываниями типа "Вы (наверняка) не можете этого знать ", что, однако, может привести к косвенному подтверждению истинности пропозиций имплицитно-мотивирующего дискурса.

9. Отрицание адресатом истинности пропозиций имплицитно-мотивирующего дискурса.

10. В соответствии со своим интегративным коммуникативным намерением и учитывая ответные речевые/неречевые действия адресата/адресатов, адресант в случае наличия таковых избирает конкретные семантические способы речевых действий (стратегии, тактики, приемы), подтверждающие (развивающие, поддерживающие) один/несколько/все из предикатов итогового дискурсивного суперпредиката пропозициональной установки по следующим основным направлениям:

10.1. Подтверждение и развитие того факта, что адресант знает данную информацию об адресате.

10.2. Настаивание на том, что адресат знает, о чем идет речь в пропозициях дискурса.

10.3. Обсуждение целесообразности/нецелесообразности распространения данной семантической информации в социуме, или ее дальнейшая объективация (т.е. речевое действие, которое может привести к преобразованию тематического (топикального) речевого акта, части дискурса или всего дискурса в менасив (Угрозу)).

11. Имплицитно-мотивирующий дискурс не допускает обсуждения мотивов (мнений, желаний, намерений) адресата и адресанта по отношению к искомым речевым/неречевым действиям адресата.

12. Адресат может настаивать на истинности пропозиций имплицитно-мотивирующего дискурса.

2.2. КОНВЕНЦИИ ЭКСПЛИЦИТНОЙ МОТИВАЦИИ

1. Соблюдение адресантом конвенций имплицитной мотивации на подготовительном этапе, который является факультативным.

2. Выяснение истинности/неистинности семантической информации строится адресантом с эксплицитно-мотивирующим намерением интерпретации в пропозициях дискурса, мотивов (мнений, желаний, намерений) адресата, касающихся его речевых/неречевых действий относительно упомянутых в пропозициональном содержании фактов (явлений, событий) окружающего мира, в той или иной мере связанных с личностью адресата.

3. Выражаемая в ядерной части эксплицитно-мотивирующего дискурса интерпретация (трактовка, "прочтение") адресантом мотивации адресата может быть ориентирована им положительно/отрицательно по отношению к адресату.

4. Положительная интерпретация адресантом мотивов адресата в пропозициях эксплицитно-мотивирующего дискурса направлена на реализацию его речевоздействующего намерения создать у адресата сходную мотивацию (мнения, желания, намерения) по отношению к искомым адресантом его дальнейшим речевым/неречевым действиям на основе обсужденного в пропозициях дискурса его личностного опыта.

5. Отрицательная интерпретация адресантом мотивов адресата в пропозициях эксплицитно-мотивирующего дискурса направлена на реализацию речевоздействующего намере-

ния адресата не допустить повторения речевых/неречевых действий адресата, сходных упомянутым в пропозициях дискурса, или, соответственно, добиться речевых/неречевых действий адресата, противоположных описанным в них.

6. Исходным интегративным (дискурсивным) суперпредикатом пропозициональной установки эксплицитно-мотивирующего дискурса является выражение типа "Я говорю/пишу, что я полагаю, что я знаю, что Вы желали/желаете/будете желать...", предваряющее в имплицитной/эксплицитной форме пропозицию, отражающую прошлое, настоящее или будущее положение дел в сфере ментальной/материальной деятельности адресата.

7. Итоговым дискурсивным суперпредикатом пропозициональной установки эксплицитно-мотивирующего дискурса является выражение типа "Теперь я знаю, что Вы желали/желаете/будете желать..." (относительно искомых речевых/неречевых действий адресата, упомянутых/подразумеваемых в тематических пропозициях дискурса).

8. Адресат может отрицать любой из предикатов исходного дискурсивного суперпредиката. Отрицание пропозициональной установки эксплицитно-мотивирующего дискурса может строиться по всем направлениям отрицания соответствующего компонента содержания имплицитно-мотивирующего дискурса, поскольку суперпредикат последнего соотносится с суперпредикатом первого как часть и целое. Дополнительной и отличительной областью возможного отрицания эксплицитно-мотивирующего дискурса является выражение адресатом несогласия по поводу интерпретируемого адресантом наличия у него намерений (желаний) произвести искомое адресантом речевое/неречевое действие, например. высказыванием типа "Я (отнюдь) не намерен (не желаю) говорить/делать это".

9. Адресат может отрицать истинность пропозиций эксплицитно-мотивирующего дискурса по двум основным направлениям:

9.1. Отрицание истинности фактов (событий, явлений), касающихся сферы его жизнедеятельности.

9.2. Несогласие с интерпретацией своих мотивов (намерений, желаний) при совершении описываемых в пропозициях фактов (событий, явлений).

10. Адресант, в соответствии со своим коммуникативным намерением и учитывая ответные речевые/неречевые действия адресата/адресатов, избирает конкретные семантические способы речевых действий (стратегии, тактики и при-

емы), подтверждающие (развивающие, поддерживающие) один/несколько/все из предикатов итогового дискурсивного суперпредиката пропозициональной установки по тем же направлениям, что и в имплицитной мотивации, а также дополнительно по следующим:

10.1. Выражает уверенность в правильности своей интерпретации мотивов (желаний, намерений) совершения адресатом речевых/неречевых действий, описываемых в пропозициях эксплицитно-мотивирующего дискурса.

10.2. Убеждает адресата в истинности (верности) своих предположений относительно мотивов (намерений, желаний) адресата осуществить дальнейшие (искомые адресантом) речевые/неречевые действия.

10.3. С этой целью адресат, в зависимости от конкретных условий ситуации речевого общения, может выражать полагание о совпадении (соответствии)/несовпадении (несоответствии) коммуникативных/некоммуникативных намерений (желаний) адресанта и адресата.

Построение аргументирующего и мотивирующего дискурсов в той или иной форме реализует особенности практического рассуждения[2] и может быть обобщено в рамках иллокутивного фрейма (сценария), последовательно описывающего основные этапы целеполагающей речевой деятельности в терминах логических операций:

1) разрешение альтернатив, выбор оптимального варианта (использование говорящим дизъюнктивных отношений, оценка им в рамках аксиологической модальности всех значимых параметров фрагмента отражаемого в дискурсе окружающего мира и/или коммуникативной ситуации);

2) переход от существующего к должному (использование говорящим деонтической модальности, знаний о том, что разрешено/запрещено, предписано, или его непосредственное апеллирование к социальным нормам относительно положения вещей в описываемом фрагменте окружающего мира и/или ситуации речевого общения);

3) итоговая оценка положения дел в описываемом фрагменте окружающего мира и/или ситуации речевого общения (использование говорящим модальности необходимости или декларации им своих дальнейших речевых/неречевых действий, аргументированных/мотивированных предыдущими этапами речевой деятельности как необходимых).

Такой порядок развертывания дискурса обобщает конвенции аргументации и мотивации, что, в свою очередь, свидетельствует о наличии взаимосвязи между конвенциями по-

строений плана содержания дискурса и логико-ориентированным описанием закономерностей мыслительной активности.

Исследователями теории речевых актов было предложено следующее общее определение конвенции языкового употребления (language usage convention): "Конвенция языкового употребления существует и используется сообществом пользователей языка в том случае, если: 1) язык членов этого сообщества содержит определенную повторяющуюся особенность, которая проявляется в строго установленных случаях; 2) члены данного сообщества предполагают, что в данных случаях такие особенности могут проявляться; 3) члены сообщества предпочитают использование данной особенности в соответствующих случаях, поскольку это решает проблему коммуникации или интеракции"[3]. Первое условие, как видим, описывает фактуальный аспект конвенции, третье - нормативный аспект, а второе — социальную природу конвенции. Итак, приведение отдельных примеров, иллюстрирующих данные конвенции, явилось бы слабым доказательством их существования. Очевидно, требуются подтверждения более обобщенного типа, содержащие не только эмпирическое подкрепление сказанному, но и обобщение регулярных научных данных, описывающих фактический материал с позиций пограничной лингвистике области знания. Подтверждение существования указанных конвенций аргументации с позиций логико-ориентированного описания речевой деятельности находим в классической теории спора[4].

Таким образом, результаты опыта ученых, разрабатывавших теорию спора в рамках философии, и, после выделения логики из лона философии, — в логических исследованиях, служат доказательством не только факта существования данных явлений речевой деятельности, но и, как свидетельствует многовековая логико-риторическая традиция, их универсальности в европейской цивилизации.

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА ДИСКУРСА

Акты номинации, отражения фрагмента объективной действительности, совершаются автором дискурса соответственно целям коммуникации. В этом проявляется диалектика взаимодействия в речевой деятельности номинативной и коммуникативной функций языка, которые рассматриваются многими исследователями в качестве основных[1]. Основы-

ваясь на данном положении, мы неизбежно приходим к выводу о необходимости рассмотрения способов речевой деятельности (сигматических, семантических, прагматических, аккумулирующих) как способов манипулирования, приведения в движение в речи соответствующих типов информации, интегрирующей в себе начала (функции) отражения фрагмента окружающего мира и начала (функции) соотнесенности с конкретной коммуникативной ситуацией (ситуацией речевого общения). Именно функции соотнесенности с конкретной ситуацией речевого общения (прогнозирование речевого воздействия дискурса на адресата, учет его коммуникативного статуса, конкретных условий и отношений в коммуникативной ситуации) создают коммуникативный или уже — прагматический, контекст дискурса. Однако мы считаем, что оценка коммуникативной ситуации проводится автором дискурса до продуцирования текста, соотнесенность информации в дискурсе с конкретной ситуацией речевого общения закладывается в систему смыслов дискурса изначально. Поэтому, рассматривая процесс продуцирования дискурса, мы обязаны исходить из того, что последовательность применения способов речевой деятельности (стратегий, тактик, приемов) отражает интегративное (дискурсивное) коммуникативное намерение адресанта (автора), который реализует номинативные и коммуникативные начала в речевой деятельности в их неразрывной связи с целью речевого воздействия, не всегда учитываемого, оцениваемого, прогнозируемого на исходном этапе речевой деятельности — этапе созидания речи, адресата дискурса, будь это непосредственный слушающий, конкретный партнер по письменному общению, или читатель, неизвестный автору.

Применительно к дискурсу, ориентированному на неизвестного автору слушателя либо читателя, едва ли правомочно утверждать о его собственно прагматической направленности в перечне традиционно выделяемых прагматических сил — иллокутивной и перлокутивной. Более приемлемым представляется утверждение о наличии совокупного интегративного (коммуникативного) речевого воздействия, которое закладывается автором во всей системе смыслов дискурса — пропозитивных (экстенсиональных) и установочных (интенсиональных). Исследованием способов их продуцирования и призвана заниматься коммуникативно-ориентированная лингвистика (лингвистика речевой деятельности).

Процессы восприятия, понимания и интерпретации адресатом сообщения (смыслов текста) составляют объект иссле-

дования психолингвистики, герменевтики, перцептивно-функциональной лингвистики, интерпретации текста, стилистики декодирования. В случае речевого воздействия на неизвестного автору адресата или группу адресатов основные различия между сигматической и семантической информацией закономерно стираются.

В целом аспект анализа речевых действий адресанта по развертыванию смыслов текста, рассматривающий семиологическое отношение "автор — языковый знак", может быть назван риторическим, в отличие от прагмалингвистического направления анализа смыслов текста, принимающего во внимание семиологическое отношение "автор — языковой знак — адресат".

Прагматическая речевоздействующая сила реализуется в речевом акте, связанном с оказанием определенного влияния на активность адресата в материальной сфере его деятельности.

Дискурс долженствования (собственно прагматический дискурс) направлен преимущественно на материальную сферу деятельности адресата. Ментальная активность адресата лишь опосредует выполнение/невыполнение им запрашиваемых адресантом действий в окружающем мире. Такая ситуация в сфере речевого воздействия закреплена в языке. Предикат долженствования сочетается с глаголами материальной активности адресата. В речи встречаются высказывания типа "Ты должен сделать что-либо", но не "Ты должен думать что-либо", "Ты должен удивляться чему-либо" и т.д. Данная посылка приводит нас к необходимости рассмотрения терминов "иллокуция" и "инскрипция" в расширительном смысле как однозначно не связанных с прагматической силой, но непосредственно соотносящихся с интегративной коммуникативной речевоздействующей силой дискурса, которая может включать в себя различные сочетания аргументирующей, мотивирующей, прагматической и аккумулирующей сил.

Иллокутивным называется акт устной речевой коммуникации. Соответственно акт письменной речевой коммуникации получает название инскриптивного[2]. Иллокутивный акт — это речевое действие адресанта, связанное с произнесением и направленное на изменение материальной/ментальной активности адресата. Инскриптивный акт — это речевое действие, связанное с написанием автором и последующим прочтением адресатом и ориентированное на изменение материальной/ментальной активности адресата.

Основным субстанциональным критерием выделения иллокутивного речевого акта является устная речевая реализация в условиях ситуации речевого общения, направленность на получение непосредственной речевой/неречевой реакции адресата. В родовое определение иллокутивного речевого акта, выделяющее его из ряда других, более сложных единиц устной речевой деятельности, входит его интенциональная атомарность, т.е. определенная дискретность и неделимость выражаемого им коммуникативного намерения автора (адресанта). Трехкомпонентная структура речевого акта устной речи — локутивный, иллокутивный акты и перлокутивный эффект высказывания — сохраняется и для речевого акта письменной речи. Последний состоит из скриптивного акта — акта "писания", т.е. акта перенесения речи из внутренней в какую-либо письменную форму, включающего акт соотнесения слов и конструкций с предметами внешнего мира (пропозициональный акт), изоморфный соответствующему акту устной речи и подразделяющийся на акты предикации (приписывания предмету признака) и референции (отнесения слова к определенному объекту действительности). Определение инскриптивного акта было дано выше. Перскриптивный эффект высказывания, на наш взгляд, во многом (во всяком случае в рамках обобщенной дефиниции) аналогичен перлокутивному эффекту высказывания.

Принцип дифференциации элементарных речевоздействующих сил позволяет провести типологизацию иллокутивных/инскриптивных речевых актов по параметру "особенности информационного воздействия на адресата".

В качестве основного критерия информационного воздействия выделим определенность/неопределенность адресата. Очевидно, что все иллокутивные речевые акты в рамках ситуации устного речевого общения имеют определенного адресата (адресатов). Это предопределяет возможность информационного воздействия как на материальную, так и на ментально-эмоциональную сферы адресата, использования всего перечня элементарных речевоздействующих сил в силе коммуникативной. В этом отношении положение в сфере функционирования инскриптивных речевых актов гораздо сложнее. Их можно подразделить на следующие типы:

1. Перформативные инскриптивные речевые акты, характеризующиеся наличием конкретного/конкретных адресата/адресатов. К ним принадлежат соответствующие топикальные речевые акты соглашений, договоров, коммюнике и

т.д., т.е. документов, в которых четко определены стороны, на которые обращено речевое действие определенного инскриптивного речевого акта и письменного дискурса такого рода в целом.

Инскриптивные перфомативы, таким образом, во многом сходны с иллокутивными, что подтверждается лингвистическими исследованиями, в которых, в частности, разграничение иллокутивности/инскриптивности не проводится[3]. Такие перформативы строго ориентированы на выполнение определенным адресатом конкретной деятельности в материальной сфере.

Совершение сторонами речевого (письменного) действия предусматривает совершение ими действий в материальной сфере в определенном относительно принятия инскриптивного акта будущем. Такие речевые акты могут быть названы конкретно-адресатными.

2. Инскриптивные речевые акты, входящие в состав объявлений, реклам, статей, прессы рекламного характера, других письменных дискурсов, ориентированных на поиск адресата, становящегося определенным в случае выполнения им предусмотренных в дискурсе такого рода действий в материальной сфере. Такие акты определяются как избирательно-адресатные.

3. Неопределенно-адресатные речевые акты, которые входят в монологический компонент текстов, ориентированных на самый широкий, исходно не ограничиваемый никакими особенностями их функционирования в обществе круг читателей текстов — художественных, массовой коммуникации и т.д.

Родовой дефиницией неопределенно-адресатного инскриптивного речевого акта является семантическая цельнооформленность его смысла, отсутствие в нем четко определенной прагматической составляющей. Это объясняется направленностью таких актов только на отражение ситуации возможного мира и сопутствующей ей исключенностью из какой-либо ситуации речевого общения, предполагающей ответные речевые/неречевые действия конкретного адресата.

Неопределенно-адресатный дискурс, как правило, отличается отсутствием оформляющих речевых актов, характерных для общения в условиях коммуникативной ситуации. Последние, в силу своей дискурсивной функции оформления тематических речевых актов, могут иметь/не иметь в своем составе пропозитивный акт. Неопределенно-адресатный ди-

скурс содержит только тематические речевые акты, включающие пропозицию, передаваемую в речи первичной предикацией.

Соотношение тематических единиц речевой деятельности, выделяемых на основе акциональных и когнитивных критериев, и единиц речи, определяемых на основе анализа их структурно-семантических параметров, в определенной степени однозначно. Тематические речевые акты в любом из типов дискурса выражаются речевыми структурами первичной предикации — предикативными единицами (англ. clause), являющимися минимальной развернутой речевой формой существования пропозиции. Таким образом, выполняется одно из видовых определений речевого акта как включающего в себя акт пропозитивный. Предложение-высказывание текста с позиций деятельностно-когнитивного дискурсивного подхода составляет минимальную самостоятельную и завершенную в смысловом отношении единицу и соответствует речевому шагу. Последний может содержать несколько речевых актов в зависимости от того, какое количество предикативных единиц входит в предложение-высказывание. Деятельностными и когнитивными критериями оформленности предложения-высказывания как речевого шага являются, кроме смысловой, в данном случае семантической, завершенности, его структурная, а для письменного текста — позиционная и пунктуационная цельнооформленность как показатель реализации коммуникативного намерения автора.

Аналогичным образом определяется в речедеятельностном плане речевой ход — единство речевых шагов, принимающее в смысловом (семантическом) и структурном (текстооформительном) плане текстовую форму абзаца (или группы абзацев) в соответствии с речевым намерением автора. Структурная цельнооформленность абзаца — один из аспектов выражения его коммуникативно-функциональной организации. Коммуникативно-функциональная организация речевого хода содержит в качестве аспектов своего выражения линейность структуры абзаца и закрепленную за ним текстовую форму представления.

Введение таких достаточно однозначных соответствий не имеет ничего общего с простым переименованием единиц речи (предикативных единиц, предложений-высказываний, абзаца) с помощью нового списка терминов. Целью данного действия является введение перечня единиц, описывающих коммуникативно-функциональную организацию дискурса в соотнесенности с планом ее выражения — линейной струк-

турой текста. Единицы речевой деятельности (речевой акт, шаг, ход) могут быть определены в плане выполнения ими интегративной коммуникативной функции.

Интегративной семантической функцией дискурса является идентификация объекта речи (фрагмента возможного мира) в тексте. В рамках реализации этой общей функции речевые шаги хода могут в зависимости от позиции в тексте и своего смысла принимать дискурсивные значимости тезисных/инициальных, поддерживающих, обобщающих/финальных. Так может быть получен речедеятельностный (риторический) компонент коммуникативно-функциональной модели, предназначенной для описания развертывания смыслов в дискурсе.

Применение семиологической парадигмы в исследовании дискурса как процесса отражения его автором ситуации возможного мира и коммуникативной ситуации в тексте, т.е. разновидности познавательной деятельности автора, ставит нас перед необходимостью создания когнитивной модели описания развертывания смыслов в дискурсе.

Когнитивная модель продуцирования дискурса может использовать междисциплинарные основания выделения когнитивной эпизодической или ситуационной модели понимания текста Т. А. ван Дейка. Такая модель является формой представления личного опыта и с точки зрения психологии входит в состав эпизодической памяти, части долговременной памяти, в которой хранится детальная информация о каждом событии или действии (в том числе вербальных действиях, таких как дискурс), прошедшем обработку в кратковременной памяти[4].

Лингвистическое исследование процессов продуцирования и понимания текстов взаимосвязано. Объектом исследования и в первом, и во втором случаях являются вербальные структуры текста. Исследователь использует разработанную им модель когнитивного анализа смыслов текста, ставя целью получение эмпирического подтверждения такой модели. Представляется важным факт подтверждения такой модели данными смежных с лингвистикой наук — психологии, социологии и теории искусственного интеллекта. Однако необходимо отметить существенные различия в итоговой направленности исследований продуцирования и понимания текстов.

Результатом исследования понимания текстов является описание психологического по своей сути процесса восприятия и обработки вербальных структур текста. Тем самым оно ориентировано на описание деятельности адресата текста, не

являющегося субъектом, автором той вербальной структуры, которая подвергается изучению. В качестве субъекта понимания чаще всего выступает сам исследователь или, в случае постановки эксперимента, группа испытуемых. Адресатоцентрическое описание когнитивных структур текста использует текст как орудие описания одного из видов познания — познания посредством вербальных структур и тем самым рассматривает не саму речевую деятельность как отражение окружающего мира посредством вербальных структур, а когнитивно-психологический аспект их воздействия на адресата/адресатов. Результатом изысканий в области обработки дискурса является получение закономерностей процесса речевого познания.

Лингвистика продуцирования текста ориентирована на описание текста как продукта речевой деятельности его автора. Характер и цели использования когнитивной модели исследователем в лингвистике продуцирования дискурса иные.

На основе применения когнитивной модели к тексту или его фрагментам исследователь должен определить способы организации смыслов в тексте как возможности использования языковых средств для отражения окружающей действительности. Операциональный аспект когнитивной модели в таком случае направлен на весьма конкретный объект — развертывание смыслов в тексте как результат речевой деятельности его автора.

Основными требованиями к когнитивной модели на исходном этапе ее формирования являются следующие: 1. Описание речевой деятельности как разновидности познания. Дискурс в этом случае рассматривается как процесс отражения действительности с помощью языковых знаков. 2. Понимание текста как знакового образования предоставляет возможность определить в качестве его сложных референтов фрагмент (ситуацию) возможного мира и конкретную коммуникативную ситуацию его продуцирования.

Таким образом, возможными являются три элементарных референциальных типа дискурса:

(1) отражающий фрагмент возможного мира;

(2) отражающий коммуникативную ситуацию как особый, непосредственно наблюдаемый фрагмент действительности;

(3) отражающий как коммуникативную ситуацию, так и фрагмент возможного мира, не связанный с ней.

Согласно семиотическому определению аспектов функционирования языкового знака, в первом референциальном типе дискурса ведущую роль будут играть семантические способы организации смыслов, во втором — прагматические, а в третьем — их сочетание при доминировании прагматических. На этой основе можно определить коммуникативное назначение каждого из выделенных типов дискурса: (1) идентификация; (2) речевое воздействие (иллокуция/инскрипция); (3) идентификация и речевое воздействие.

Референциальный тип дискурса тесно связан со сферой своего функционирования. Включенный в конкретную ситуацию речевого общения, дискурс всегда будет конкретно-адресатным (второй и третий референциальные типы). Первый тип дискурса может быть включенным/не включенным в конкретную ситуацию речевого общения. В первом случае он может быть назван конкретно-адресатным, во втором — неопределенно-адресатным.

Элементарные референциальные типы дискурсов и их сочетания используются в построении художественного текста. Семиотические (синтактические, семантические, прагматические и сигматические) способы их построения составляют внутреннюю синтактику, семантику, прагматику и сигматику текста.

Первый референциальный тип дискурса представлен в художественном тексте монологическим дискурсом, не включающим описание речевой деятельности персонажей, а второй и третий — диалогическим дискурсом. Комбинированными могут быть типы дискурсов с использованием непрямых видов речи (косвенной, тематической и др.).

Рассмотрим предпосылки категориального наполнения когнитивной модели коммуникативно-функционального анализа дискурса.

Р. де Богранд разработал когнитивную модель текстуального мира, являющуюся "идеализацией" реальных когнитивных единств, которые существуют, по его мнению, в мышлении употребителя текста[5]. Текстуальным миром исследователь называет когнитивное представление в мышлении употребителя текста конфигураций понятий, активизированных применительно к некоторому тексту. Модель текстуального мира Р. де Богранда описывает лишь часть текстуального мира участников коммуникации. Автор предлагает типологию понятий и отношений между ними, результатом приме-

нения которой является представление не всего содержания текста, но только той части значений, на основе которой может быть извлечено остаточное содержание носителем языка. Понятие остаточного содержания он относит к лексикону языка.

Семантика модели текстуального мира включает первичные и вторичные понятия (понятия первого и второго порядка).

К первичным понятиям относятся: (1) объекты (понятийные сущности с постоянным составом); (2) ситуации (конфигурации наличествующих объектов и их текущее состояние); (3) события (явления, которые меняют ситуацию или состояние в ситуации); (4) действия (события, намеренно производимые агенсом). Состояние и агенс не включаются в первичные понятия, поскольку они выводимы из объектов/ситуаций и действий соответственно.

Вторичные понятия распределяются автором на: (1) структуры событий, действий, объектов и ситуаций (состояние, агенс, сущность, подвергнутая действию, отношение, определение, расположение, время, движение, инструмент, форма, часть, субстанция, содержание, причина, предоставление возможности, количество); (2) человеческий опыт (мотив, цель, апперцепция, познание, эмоция, намерение, коммуникация, обладание, модальность); (3) включение в класс (пример, детализация, суперкласс, метакласс); определение отношений (начинание, окончание, вхождение, выход, близость, проекция); (4) явления речевой коммуникации, представленные символической подсистемой (значение, ценность (значимость), эквивалентность, оппозиция, кореферентность, повторение).

Описание текстового смысла Р. де Богранда строится с опорой на понятийный уровень. Его цель — представить систему описания ядра смысла конкретного отдельного текста. Пропозиция понимается им как отношение между двумя понятиями. Автор признает, что такое ее определение — его авторская трактовка.

Отсутствие учета в концепции Р. де Богранда роли уровня пропозиции в формировании смысла текста сводит описание смыслового ядра текста к установлению перечня связей между понятиями конкретного текста и в силу этого не может быть направлено на установление каких-либо повторяющихся особенностей построения текстов.

Следует отметить, что понятия первого порядка Р. де Богранда, согласно их определениям, почти полностью совпадают с тремя основными группами в универсальной

семиологической классификации предикатов (Сущность, Свойства или Состояния, Отношения или Соотнесенное), очерченной Аристотелем и рассмотренной на материале русского языка Ю.С.Степановым[6]. Последние, как отметил Ю.С.Степанов, в свою очередь, совпадают с делением основных предикатов в современной логике, соответственно, на "классы", "свойства" и "отношения". Первичное понятие "объект", выделяемое Р. де Богрaндом, соотносится с предикатами Сущность, понятия "ситуация" — с предикатами Свойства или Состояния, а понятие "событие" и "действие" — с предикатами Отношения или Соотнесенное.

Размежевание событий и действий проводится у Р. де Богранда по признаку наличия в действиях агенса, сознательно участвующего в событиях и являющегося их источником.

Близкой к рассмотренной классификации предикатов является деление ситуаций на статические и динамические в теории искусственного интеллекта[7]. В зависимости от того, является ситуация, отображаемая в предложении, статической или динамической, ей приписываются типичные роли — места в гносеологической структуре предложения, называемой датумом. Типичными ролями предложений, описывающих статическую ситуацию, являются *ЧАСТЬ*, *ПРИЗНАК*, *ПРИЗНАК ПРИЗНАКА*, *КОЛИЧЕСТВО*, *БЫТИЕ*, *СОСТОЯНИЕ*, *МЕРА*, *ЦЕЛОЕ*, *ПРОСТРАНСТВО* и др. При описании динамического события в качестве типичных ролей выступают *ДЕЙСТВУЮЩИЙ*, *СРЕДСТВО*, *КОАГЕНТ (КОНТРАГЕНТ)*, *РЕЗУЛЬТАТ*, *ЦЕЛЬ*, *ПРИЧИНА*, *УСЛОВИЕ*, *ВРЕМЯ*, *МЕСТО*, *ИСТОЧНИК* и др.[8].

В действительности объективно существует бесконечное разнообразие вычленяемых сознанием человека объектов и связей между ними. Поскольку связи вне объектов не существуют, то и в речи они выражаются с помощью смысловых функций языковых средств, а не путем называния самой связи. Применительно к анализу предложения, такие функции получили у И.Сильдмяэ название ролей: "Содержанием лингвистических категорий являются языковые признаки, с помощью которых они характеризуются, а их объемом — количество соответствующих языковых категорий. Содержанием ролей как познавательных категорий являются характеризующие роли познавательные признаки, а объемом — их количество в речи"[9].

Сходное противопоставление статического динамическому в явлениях, отображаемых предложением, находим у Т.

А. ван Дейка, который различает факты (статические явления) и процессы (динамические явления)[10]. Деление денотатов предложений на статические и динамические отвечает логическим и семиологическим классам предикатов "свойства" и "отношения". Неотмеченным в денотативно-ориентированных подходах остается лишь тип предикатов "сущность" (семиологическая грамматика) или "классы" (логика), который представляет предложения, не описывающие какое-либо явление в конкретном фрагменте окружающего мира, а устанавливающие его сущность через родо-видовые отличия, т.е. классифицирующие его. Такие предложения в логике называются явными определениями (дефинициями)[11]. В английском языке они имеют структуру N is N.

Показательно, что лингвистические направления, опирающиеся на различные конкретно-научные методы исследования (семиологическая грамматика, денотативно-ориентированный анализ текстового мира, исследования по искусственному интеллекту), и логика как самостоятельная наука, рассматривая с различных позиций отношение "окружающий мир — языковой знак", приходят к общим результатам в области выделения универсальных предикатов как семиологических типов предложений.

Рассмотрение универсальной классификации предикатов с позиций различных научных подходов предоставляет возможность подойти к обобщениям, имеющим значение для определения статуса коммуникативно-функционального анализа дискурса в целом, в том числе для определения его позиций в исследовании семантики и прагматики дискурса. Соотнесенность класса динамических ситуаций — Действий как денотативной основы предикатов "отношение", возвращает нас к методологически значимому определению А.Ф.Лосевым функции как системы единораздельных отношений. Принимая данное определение, мы неизбежно приходим к пониманию коммуникативно-функционального анализа семантики дискурса как описания речевых действий автора по отражению фрагмента возможного мира, а прагматики дискурса — как описания речевых действий коммуникантов в ситуациях общения.

Исходя из определения дискурса, отражающего фрагмент возможного мира и коммуникативную ситуацию, можно в самом общем виде утверждать, что неопределенно-адресатный дискурс является сферой действия семантики (идентификация фрагмента возможного мира) и синтактики (линейная организация коммуникативной структуры текста). Кон-

кретно-адресатный дискурс представляет собой область функционирования, наряду с семантикой и синтактикой, сигматики и прагматики, поскольку он ориентирован на описание коммуникативной ситуации как речевого взаимодействия определяемых ситуацией партнеров по общению. Отражение в таком дискурсе фрагмента возможного мира, связанного (сигматика) или не связанного (семантика) с личностью адресата, всегда играет роль, подчиненную конкретным задачам общения (прагматика).

Таким образом, в область семантики дискурса входят речевые действия коммуниканта по идентификации фрагмента возможного мира, который в силу антропоцентризма языка всегда представлен как совокупность действий его участника (участников).

Описание семиологического характера представления фрагмента возможного мира в дискурсе с помощью средств языка в виде последовательностей предикатов Сущности, Свойства (Состояния) и Отношения (Соотнесенного) составляет, следовательно, один из основных параметров семиотического способа описания развертывания содержания дискурса его автором.

Следующим ключевым параметром коммуникативно-функционального анализа семантики дискурса является описание субъектов самих действий, идентифицирующих в нем. Как будет сказано ниже, наличие субъекта действия (его введение в текстовую ткань дискурса, смена, отсутствие и т.д.) является взаимодополняющим тип предиката фактором организации смысла не только предложения, но и дискурса.

Для коммуникативно-функционального анализа семантических способов речевой деятельности автора дискурса по отражению фрагмента возможного мира наиболее оправданным представляется использование денотативно-ориентированных терминов, описывающих универсальные семиологические предикаты: Дефиниция (Дфн), Ситуация (Стц), Событие (Сбт), Действие (Дст).

Дискурс может быть описан в статическо-инвентарном плане с помощью понятия фрейма. В этом случае результатом семантического описания является констатация вхождения понятий, описывающих компоненты ситуации, отражаемой в дискурсе, в соответствующий данной ситуации фрейм, а целью — установление семантической связности (когерентности) текста. Для описания процесса развертывания дискурса такой подход представляется недостаточным и

требует дополнения операциональным аспектом. В этом плане нас интересуют ответы на вопросы "Каким образом может быть развернут фрейм в единице речевой деятельности?" или, иными словами, "Каким образом строится отражение фрагмента возможного мира в последовательности высказываний текста?"

Лингвистическое описание дискурса только с помощью традиционного понятия фрейма может дать основание для установления межпонятийных связей внутри готового текста. Ассоциация, установление горизонтальных связей между понятиями, не может быть успешно использована для вертикального, линейно-объемного описания развертывания, содержания текста. Кроме того, развертывание содержания текста, на наш взгляд, не замыкается на межпонятийных связях, оно сложнее и включает продуцирование отношений между семантическими предикатами разных уровней сложности, субъектами пропозиций и между пропозициями в целом.

Для описания вертикальной, семантической структуры текста в динамике его производства автором необходимо введение понятия фрейма идентификации как совокупности универсальных стандартизированных аспектов отражения языковыми средствами определенных сторон фрагмента (ситуации) возможного мира. Число таких аспектов определяется двумя факторами. Исходный, эпистемологический фактор — это их принадлежность к обобщенным общенаучным категориям, универсально описывающим окружающую действительность. Вторым, собственно лингвистическим, фактором является их межуровневый семантический статус, т.е. участие в образовании содержания дискурса как на пропозитивном, так и на межпропозитивном уровнях его семантики. Таким образом, может быть получен следующий перечень когнитивных переменных, которые на межпропозитивном уровне играют роль дискурсивных семантических значимостей: место (пространство), время, причина, условие, следствие (т.е. положительный результат), уступка, контррезультат (т.е. отрицательный результат), основание, заключение, средство, цель.

Когнитивная переменная — универсальная семантическая величина, имеющая дискурсивную значимость при построении единиц речевой деятельности любого уровня — от речевого акта до речевого события. Это — ведущий внутриязыковой показатель универсальности когнитивных переменных, который служит определению их перечня в лингвистическом описании. Внешним критерием, подтверждающим

частнонаучные данные с позиций методологии исследования, выступает вхождение/невхождение каждой из выделяемых когнитивных переменных в состав компендиума общенаучных понятий, где закреплен обобщенный опыт познавательной деятельности человека.

В ракурсе развертывания содержания дискурса, т.е. в дискурсивно-семантическом плане, когнитивные переменные выступают в качестве обобщенных дискурсивных значимостей элементов семантических отношений рассматриваемого уровня — пропозиций.

Использование понятия когнитивной переменной помогает описать основные различия между двумя базовыми классами семантических межпропозициональных отношений — сопоставлением и контекстуализацией. В отношениях сопоставления всегда участвуют одноименные когнитивные переменные или группы когнитивных переменных. В отношениях контекстуализации задействованы либо различные когнитивные переменные (например, средство—результат, условие—следствие и т.д.), либо когнитивная переменная выступает в качестве связующего звена между группами когнитивных переменных, так же, как и в пространственной или временной контекстуализации.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПРОПОЗИЦИЯМИ В ДИСКУРСЕ

Коммуникативно-функциональный анализ дискурса состоит из двух этапов. На первом этапе рассматриваются пути развития содержания в дискурсе во взаимосвязи с возможными способами их лексико-синтаксического оформления.

В центр семантического описания поставлена пропозиция как конечный результат пропозитивного акта, совершаемого адресантом. Семантические отношения между пропозициями составляют основу семантических способов построения дискурса. Например, пропозиции, входящие в семантические временные отношения, с точки зрения развертывания содержания дискурса представляют семантический способ временной контекстуализации. На данном этапе мы неизбежно абстрагируемся от прагматического аспекта функционирования языковых знаков, их микро-социальной функции речевого общения. Анализируя взаимоотношение формы и содержания языковых знаков коммуникативного уровня и абстрагируясь от их плана сообщения, мы, по-существу, исследуем предложения и последовательности предложений

как компоненты актов речевого общения различных уровней сложности. В этом случае принято говорить о предложении-высказывании либо использовать термин "предложение"[1].

Соотнесенность планов формы и содержания языковых знаков с их планом сообщения в конкретном дискурсе исследуется на втором этапе коммуникативного анализа. Здесь должна быть показана взаимосвязь семантики либо семантики и сигматики с планом сообщения в единицах речевой деятельности различных уровней сложности. Рассматривается пропозициональное наполнение конкретных типов речевых актов, речевых ходов и дискурса проповеди в целом.

Вслед за Ю.С.Степановым мы определяем высказывание (англ. utterance) как реально произносимое предложение в реальной ситуации общения, а предложение (англ. sentence) — как высказывание вне ситуации и контекста. Термин "пропозиция" (англ. proposition) может трактоваться как инвариантное содержание нескольких логически эквивалентных предложений или как предикация[2]. Попытки эксплицитного представления семантики высказывания/последовательностей высказываний, как правило, используют вторую трактовку термина "пропозиция": "Каждый предикат со своими аргументами составляет пропозицию. Таким образом, семантическое представление любого сообщения — это, как правило, система пропозиций"[3]. Исходя из общепринятого понимания системности, система пропозиций должна включать, помимо составляющих ее элементов (пропозиций), также и совокупность семантических отношений между ними. Пропозиция находится в интенсиональной сфере семантики. Ее экстенсиональную сторону представляют референты (факты, явления, события, процессы) окружающего мира.

Лингвистическое содержание понятия "пропозиция" удобно для анализа плана сообщения высказывания, так как полностью охватывает ту семантическую структуру, которая отражает когнитивное содержание высказывания и способна соединяться с любым "модусом коммуникативной цели"[4] или "пропозициональной установкой"[5] (т.е. той частью плана сообщения, которая может передаваться глаголами, выражающими целенаправленность речевого акта).

Поверхностное выражение пропозиции значительно отличается от семантического, и в нем обнаруживается иерархия форм, различающихся по степени эксплицитности. Одни из этих форм являются иконическим отражением пропозиции, другие в той или иной степени редуцированы. Иерархию средств выражения пропозиции представляют следую-

щим образом: независимое предложение > придаточное предложение > оборот > копредикат > определитель > именная группа > служебное слово > грамматическая категория > часть лексического значения слова[6].

В теории речевых актов описание пропозиции дополняется операциональным компонентом. Пропозиция рассматривается как результат пропозитивного акта, подразделяющегося на акты предикации (приписывание предмету признака) и референции (отнесение слова к определенному объекту действительности)[7]. Таким образом, пропозиция трактуется как итог взаимодействия интенсионального и экстенсионального уровней семантики. Включение актов предикации и референции в пропозитивный акт свидетельствует об исходном стремлении теории речевых актов увязать сентенциальную форму с речевым актом. Трактовка достаточно однозначного соответствия между сентенциальной формой и речевым актом была преодолена позднее в русле самой теории речевых актов[8], а также в теориях сложных речевых актов[9] и дискурсивного анализа[10].

Различая топикальные и оформляющие речевые акты, мы считаем, что только первые имеют нижний предел структурного оформления, минимальную, закрепленную за ними синтаксическую форму представления пропозиции, обеспечивающую им возможность выполнения тематической дискурсивной функции. Такой формой является предикативная единица (англ. clause). Именно она обладает тем же набором структурно-семантических характеристик, что и предложение, в ней в сентенциальной форме первичной предикации реализуется пропозитивный акт. Речевые акты, имеющие форму предикативной единицы, взаимодействуют в рамках сложносочиненного асиндетического высказывания, которое определяется в акциональном плане как речевой шаг в дискурсивном анализе или сложный речевой акт в одноименной прагмалингвистической теории[11].

Затронув проблему особенностей описания отношений между именованием и именуемым в сфере семантики и способов их представления в семиологически ориентированной лингвистике, сошлемся на обобщающее положение, высказанное Ю.С.Степановым. Указывая на то, что символизация, условность, знаковая "произвольность" всякого рода в семантике и синтаксисе ограничена благодаря формализации, он пишет: "Интенсиональная сфера семантики, в общем, строится как копия экстенсиональной сферы, в конечном счете — как копия, или отражение, объективного мира"[12]. Поэтому, исследуя типы семантических отноше-

ний, мы приходим к необходимости их исходного определения через установление соотношения планов содержания единиц речи (высказываний, их последовательности, текстов), планов, включающих интенсиональный и экстенсиональный уровни. План содержания единицы речи может быть описан посредством понятия пропозиции в ее экстенсионально-интенсиональном понимании как результата пропозиционного акта. Допустимым в этом случае оказывается употребление выражений "событийная пропозиция" и "событие" как элемент "результат" в семантическом отношении "причина — результат", в которых словосочетание "событийная пропозиция" и слово "событие" употребляются синонимично, хотя в каждом случае подразумевается, что семантические отношения устанавливаются между планами содержания единиц речи.

Любое семантическое отношение соединяет минимум две пропозиции и по своей природе бинарное, двуместное. Так, обозначая тип семантических отношений термином "контраст" или "контрастное сопоставление", мы имеем в виду, что наиболее адекватным, хотя и менее удобным в лингвистическом описании, является полное его название — "контрастное сопоставление двух или более чем двух пропозиций или групп пропозиций". Существуют, однако, типы семантических отношений, названия которых неизбежно включают в себя дискурсивную значимость каждой из входящих в отношение пропозиций. Дискурсивная значимость пропозиций является результатом установления определенного типа семантических отношений, в которые входят пропозиции. В этом случае в названии фиксируется не сам тип семантического отношения, а его результат. Например, в класс импликативных семантических отношений входят отношения "причина — следствие", "условие — следствие" и т.д.

Аспект определения отношений между пропозициями неразрывно связан с установлением дискурсивной значимости каждого из элементов отношения на основе учета не только соотношения содержания пропозиций, но и их позиции в речевой цепи. Например, смена позиций элементов семантического отношения "причина — следствие" (1) дает обратно симметричное первому семантическое отношение "следствие — причина" (2): (1) Because you were late, we missed the train; (2) We missed the train, because you were late. Процедура установления отношений между пропозициями собственно семантическая, поскольку в этом случае достаточно контекста планов содержания соответствующих единиц речи, содержащих данные пропозиции.

Независимо от того, какой иллокутивной функцией может быть наделено данное высказывание в ситуации речевого общения, тип семантических отношений между пропозициями будет постоянным. В целом процедура семантического описания кардинально отличается от прагматически-ориентированного лингвистического анализа, требующего на исходном этапе установления целостной (атомарной или интегративной) коммуникативно-функциональной значимости плана сообщения единицы речевой деятельности (речевого акта, шага, хода) в контексте конкретной коммуникативной ситуации.

Семантические отношения, рассматриваемые в ракурсе развертывания дискурса, составляют реляционную основу семантического способа речевой деятельности, а в итогово-акциональном плане — результат его применения адресантом. Например, отношения эквивалентности, устанавливаемые между пропозициями единиц речи, могут рассматриваться как использование автором семантического способа перифраза, а отношения тождества — как способа повтора. Семантические отношения в основном могут быть описаны в виде бинарных дискурсивных значимостей, например, "причина — результат". В то же время соответствующий семантический способ речевой деятельности определяет динамику построения содержания дискурса слева направо и может быть определен как каузативная контекстуализация предшествующего речевого акта/шага в последующем.

Понятие семантического способа служит описанию развертывания плана содержания текста от начала к его окончанию как процесса его продуцирования конкретным автором, использующим определенный перечень семантических приемов, тактик и стратегий. В целом то, что мы называем семантическими приемами, тактиками и стратегиями, составляет основу понятийного аппарата лингвистического описания определенной объективно существующей области коммуникативной компетенции адресата, отвечающей за содержательный аспект его речевой активности. Задача лингвистов, на наш взгляд, — подойти к описанию данного аспекта речевой деятельности, опираясь на анализ повторяющихся особенностей, закономерностей построения содержания информационного следа речевой активности адресанта — текстового материала. Конечной целью такого описания является создание системно-ориентированной классификации семантических и лексико-синтаксических приемов, тактик и стратегий, лежащей в основе динамического описания, объясняющего соотношение развертывания содержания дискур-

са (его конституентов) и употребления соответствующих лексико-синтаксических средств конкретного языка, в данном случае — английского.

Операциональный уровень семантического приема распространяется на построение содержания: 1) речевого акта, который может быть реализован в речи простым (речевой акт) и сложноподчиненным (комплексный речевой акт) предложениями и 2) речевого шага, информационный след которого представлен сложносочиненным предложением. Понятие семантической тактики служит описанию продуцирования содержания речевого хода — последовательности речевых актов/шагов с общей коммуникативной функцией (интегративной иллокутивной силой). Семантическую стратегию составляет совокупность приемов и тактик, используемых адресантом для построения содержания целостного речевого события, например, проповеди.

Основным критерием отбора типов семантических отношений для включения в классификацию является возможность их установления между пропозициями в составе единиц речевой деятельности различного уровня — от речевого акта до речевого хода и даже речевого события. При этом следует отметить, что план содержания речевого события образуется с помощью различных комбинаций семантических межпропозициональных отношений. Выделяемые по данному признаку семантические отношения могут быть названы межуровневыми.

Межуровневые семантические отношения составляют основу реляционного аспекта плана содержания дискурса. Представленные в дискурсе семантические межпропозициональные отношения могут быть сложнее выделяемых типов и являются комбинациями последних. Таким образом, входящие в предлагаемую классификацию типы межпропозициональных отношений могут рассматриваться как элементарные.

Анализ комбинаций элементарных типов семантических межпропозициональных отношений проводится на материале дискурса проповеди, на построение которого влияют богатые риторические, точнее гомилетические, традиции. Описание же классификации элементарных типов семантических отношений между пропозициями и соответствующих им семантических способов развития содержания дискурса требует приведения достаточно однозначных иллюстративно-прозрачных примеров, что предопределяет основной путь их получения — конструирование и опрос информантов, носи-

телей английского языка. Лишь в отдельных случаях мы считаем возможным использовать примеры из дискурса проповеди — именно тогда, когда они соответствуют указанным выше требованиям.

Семантические отношения между пропозициями составляют основу соответствующих семантических способов речевой деятельности. Они входят в статическое описание семантики дискурса, устанавливаются исследователем на основе анализа семантики готового текстового материала. Исследуемая единица речи (высказывание, последовательность высказываний, текст) в этом случае рассматривается в ракурсе декодирования речевой активности автора в терминах используемых им способов организации плана содержания дискурса, результатом применения которых являются определяемые в тексте семантические отношения между пропозициями. Семантическое межпропозициональное отношение и способ развития содержания дискурса, на наш взгляд, находятся в однозначном соответствии. Например, применение автором семантического способа неуспешной импликации приводит к появлению в дискурсе семантических межпропозициональных отношений "посылка—контррезультат" и т.д.

Определение реляционного семантического каркаса текста предоставляет возможность распредметить текст как информационный след речевой активности автора, представив последовательное развертывание его содержания от начала и до конца в терминах применения автором определенного арсенала семантических способов его организации. Понятие семантического способа речевой деятельности, таким образом, ориентировано на динамическое описание возможных путей развертывания содержания дискурса.

В нашем понимании коммуникативно-функциональный анализ дискурса — это расшифровка, раскодирование и описание способов речевой активности его автора, если под понятием "способ" понимать использование адресантом определенного арсенала приемов, тактик и стратегий построения планов формы (лексико-синтаксический аспект), содержания (семантический либо сигматико-семантический аспект) и сообщения (прагматический аспект) дискурса в целом и входящих в него единиц речевой деятельности.

Понятие способа речевой деятельности ориентировано на динамическое описание развертывания различных аспектов дискурса — прагматического, семантического (или сигматико-семантического) и лексико-синтаксического. Такое описание призвано с лингвистических позиций отразить этапы

формирования дискурса: 1) постановку цели речевого общения и определение общего плана сообщения; 2) построение содержания; 3) воплощение в конкретной лексико-синтактической форме плана содержания с учетом цели сообщения. С теоретической точки зрения описание такого рода является функционально-лингвистическим, а с точки зрения практического применения оно призвано содействовать выполнению социального заказа лингвистики — создать теоретическое и фактуальное обеспечение процесса овладения человеком особенностями оптимизированной речевой деятельности на определенном языке.

Учитывая неразрывную связь формы и содержания единиц речевой деятельности, целесообразно рассмотреть лексико-синтаксические способы оформления семантических дискурсивных (в частности, межпропозициональных) отношений. Результатом использования лексико-синтаксических способов является эксплицитное представление семантических межпропозициональных отношений в дискурсе. Иными словами, лексико-синтаксические способы основываются на использовании автором дискурса подсистем относительно жестко закрепленных языковых средств маркирования определенных типов семантических отношений между пропозициями. Однако следует отметить, что в ряде случаев семантические межпропозициональные отношения могут устанавливаться без использования автором специализированных языковых средств. Такое оформление семантических отношений между пропозициями может быть названо имплицитным согласно лингвистической терминологической традиции. Имплицитные способы установления семантических межпропозициональных отношений в дискурсе требуют отдельного изучения и выходят за рамки нашего исследования.

Описывая проекцию "содержание — языковая форма", мы имеем дело с формированием информационного следа речевой деятельности — текста и его конституентов. В то же время при рассмотрении аспектов их продуцирования адресантом возникает необходимость динамического ракурса их описания как компонентов речевой деятельности. Таким образом, вскрывается внутреннее противоречие между статическим и динамическим аспектами одного и того же явления — дискурса, который в статическом плане выступает в форме своего опредмеченного информационного следа, а в динамическом — как целостное речевое действие адресанта/адресантов. Поэтому мы описываем развертывание дискурса в терминах единиц речевой деятельности (речевого

акта, шага, хода, взаимодействия, события, дискурса) и способов их получения — стратегий, тактик и приемов. Там, где речь идет о конституентах текста — предикативных единицах, предложениях, последовательностях предложений, затрагивается статический аспект дискурса в ракурсе взаимодействия его формы и содержания. Описание лексико-синтаксических способов оформления семантических отношений между пропозициями в современном английском языке, ориентированное на дифференциацию приемов, тактик и стратегий применительно к построению единиц речевой деятельности разных уровней — от речевого акта до речевого события, естественно, во многом опирается на анализ и переосмысление на новой понятийной основе данных, представленных в трудах по синтаксису предложения и текста[13], семантике текста[14], риторике[15].

Рассмотрение динамического аспекта семантики обусловило необходимость объединения в рамках единого системно-ориентированного описания как разноаспектно изученных в лингвистике фактов, так и явлений, которые относятся преимущественно к уровням выше речевого акта, исследование которых ограничивалось позицией отдельной научной концепции.

1. СЕМАНТИЧЕСКИЕ МЕЖПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ТОЖДЕСТВА

Для семантических межпропозициональных отношений тождества характерно наличие полного повтора (эксплицитного либо имплицитного) всех элементов предшествующего речевого акта в каждом последующем.

Выделение информационных элементов особой значимости в последующем речевом акте определяется на основе сопоставления предшествующего и последующего речевых актов. В условиях тождественных межпропозициональных отношений между ними такое выделение может происходить тремя путями:

1.1. Устранение в последующем речевом акте менее значимых в информационном плане лексико-синтаксических элементов: (3) You should never fall info despair. *Never* (WOF).

1.2. Дополнение последующего речевого акта новыми лексико-синтаксическими элементами, относящимися к важнейшим его информативным компонентам и усиливающими их: (4) We remember the ultimate transfiguration. We remember the ultimate transfiguration through resurrection (WOF).

1.3. Одновременное действие двух вышеуказанных процессов, приводящее к устранению менее значимых и введению более значимых в коммуникативном отношении лексико-синтаксических элементов в последующий речевой акт: (5) It is this *Easter* faith which gives hope. It is this faith which gives *good* hope *especially for those who live in situations of disfigurement* (WOF).

Речевые акты, связанные с семантическими межпропозициональными отношениями тождества, могут располагаться в дискурсе как контактно, так и дистантно.

Контактно расположенные тождественные речевые акты используются в кульминационных точках проповеди, как правило, в конце ее. Примером может служить окончание известной проповеди Мартина Лютера Кинга "У меня есть мечта...": (6) Free at last. Free at last (M.L.King. Speech at Cobo Hall).

Дистантно расположенные тождественные речевые акты часто используются в проповеди в качестве обрамления одного из ее разделов: (7) *Jesus the man was tempted*. We are told about what I say in Chapter IV, Verse 15... So, brothers and sisters, take comfort from the temptations of Jesus. Jesus the man was tempted in all points as we are. These temptations were real, they were frequent, they were savage. He understands, He sympathizes with us in our weaknesses. He is able to help us when we are tempted. *Jesus the man was tempted* (J.R.W.Stott. Jesus is Lord. Jesus the man).

Характерной чертой кульминационной части проповеди, особенно в афроамериканской церкви, является использование тождественных зачинов (начальных частей) речевых актов:

(8) I believe that a new day is coming. And so this afternoon I have a dream.

It is dream deeply rooted in the American dream. I have a dream that one day right down in Georgia and Mississippi and Alabama the sons of former slaves and the sons of former slaveowners will be able to live together as brothers.

I have a dream this afternoon that one day little white children and little Negro children will be able to join hands as brothers and sisters. I have a dream this afternoon that there will be a day we will no longer face the atrocities < ... >

I have a dream this afternoon that my four little children will not come up in the same young days that I came up within. They will be judged on the basis of the content of their character not the color of their skin.

I have a dream this afternoon one day right here in Detroit Negroes will be able to buy a house or rent a house anywhere < ... >

I have a dream this afternoon that the brotherhood of men will become a reality in this day with this faith (M. L. King. Speech at Cobo Hall).

Как правило, в этом случае самостоятельный речевой акт повторяется как тождественная часть в последующих речевых актах.

2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

Межпропозитивные отношения эквивалентности основываются на сохранении общего объема информации об отражаемой пропозициями ситуации окружающего мира. При определенных изменениях по линиям экстенсиональной и/или интенсиональной отнесенности последующей пропозиции использование эквивалентных межпропозитивных отношений происходит в условиях потребности с точки зрения адресанта неоднократного упоминания одной и той же ситуации (события, факта) в дискурсе. Выделяются три основных подтипа межпропозитивной эквивалентности:

2.1. Экстенсиональная эквивалентность имеет место при заменах с помощью местоимений или слов-заместителей типа one, do, so какой-либо части (9) или целой пропозиции (10) в последующем речевом акте: (9) Such uncalculeted love cannot be ignored! *It* cannot be ignored! (WOF); (10) The sick father in the latest stages of AIDS carefully supervised four of his five children as they dug the small garden plots. *That was it.* (WOF).

В этом случае использование экстенсиональной эквивалентности служит, как правило, средством эмфазы. Установление экстенсиональных эквивалентных отношений между пропозициями возможно также в случае перифразирования предыдущего речевого акта в последующий с помощью синонимов: (11) Priests brought people to God. They had representative ministry (J.R.W.Stott. Jesus is Lord). Такой тип экстенсиональной эквивалентности наиболее часто употребляется в проповеди, поскольку способствует дополнительному изъяснению какого-либо ее положения.

2.2. Интенсиональная эквивалентность включает случаи варьирования предиката пропозитивной установки последующего речевого акта по отношению к соответствующему компоненту предшествующего речевого акта:

(12) I would like you to remember it. I ask you to remember it (WOF).

Данный тип эквивалентности имеет прагмасемантический характер. В условиях тождества пропозитивных частей предшествующего и последующего речевых актов в отношения эквивалентности вступают предикаты пропозитивной установки, отражающие прагматическую (интенсиональную) отнесенность каждого из речевых актов.

2.3. Экстенсионально-интенсиональная эквивалентность предполагает использование дискурсивных маркеров типа I mean, that is, in other words, in a sense[16]. Маркеры такого рода имеют дискурсивный статус в последовательности речевых актов, так как они служат преданию смысловым отношениям характера эквивалентности особого типа, которая, в силу различия пропозиций речевых актов данного типа, существует только в рамках определенной ситуации акторечевой коммуникации.

Появление последующего речевого акта данного подтипа в дискурсе предопределяется неточностью или неполнотой с точки зрения с точки зрения адресанта предметных ситуаций предшествующим речевым актам. В условиях определенной неадекватности экстенсиональной (предметной) отнесенности предшествующего речевого акта дискурсивные маркеры указанного типа ставят в отношения эквивалентности не пропозиции предшествующего и последующего речевых актов, а коммуникативную интенцию предшествующего и пропозицию последующего речевых актов: (13) Suffering and glory are two sides of the same coin. Or, to put it another way, the way to resurrection lies through them (WOF).

Дискурсивные маркеры данного типа могут быть разделены на уточняющие (типа I mean, that is), перифразирующие (типа in other words, to put it another way) и уподобляющие (типа in a sense).

3. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СРАВНЕНИЯ МЕЖДУ ПРОПОЗИЦИЯМИ

Семантические отношения сравнения между пропозициями реализуют речевое намерение автора установить сходство между объектами описания. Как правило, такое сходство устанавливается на основе выделения базы сравнения. В ее качестве на уровне речевого акта выступает часть конденсированной сложной пропозиции речевого акта, в которой объединено то идентичное, что есть в сравниваемых пропозициях. В этом случае сравниваются различные когнитивные переменные, представляющие сопоставляемые пропозиции

(14) Searle is as interested as Austin in explaining verbal behaviour in terms of speech acts.

Доказательством наличия семантических отношений сравнения именно между пропозициями, а не между когнитивными переменными, может служить трансформация развертывания речевого акта такого типа в композитный речевой акт типа (15), сохраняющая неизменными соответствующие семантические отношения между пропозициями компонентных речевых актов, частично конденсированными в речевых актах типа (14): (15) Austin is interested in explaining verbal behaviour in terms of speech acts, and so is Searle.

Следует отметить, что в целом планы содержания речевых актов (14) и (15), участвующих в трансформации, эквивалентны.

3.1. Лексико-синтаксическим приемом оформления отношений сравнения между пропозициями речевого акта является использование соотносительного союза as ...as: (16) Austin is as interested as Searle in explaining verbal behaviour in terms of speech acts.

3.2. Установлению семантических отношений сравнения между пропозициями в речевом акте может служить использование предлога like (17), прилагательных типа similar. both (18-19), глаголов типа resemble (20): (17) Like Austin, Searle is interested in explaining verbal behaviour in terms of speech acts. (18) Searle is similar to Austin in that they believe in explaining verbal behaviour in terms of speech acts. (19) Both men believe that verbal behaviour can be explained in terms of speech acts. (20) Searle resembles Austin in that they both believe in explaining verbal behaviour in terms of speech acts.

3.3. Лексико-синтаксическим приемом оформления композитных речевых актов, пропозиции которых связаны семантическими отношениями сравнения, является использование союзов and so (21), and neither (22), and ... too (23), and ... either (24), just as ... so (25): (21) Austin explained verbal behaviour in terms of speech acts, and so did Searle. (22) Austin is not interested in structural linguistics, and neither does Searle. (23) Austin is explaining verbal behaviour in terms of speech acts and Searle is interested in it too. (24) Austin is not interested in structural linguistics and Searle is not interested in it either. (25) Just as Austin explained the verbal behaviour in terms of speech acts, so Searle is interested primarily in intentional logic.

3.4. Лексико-синтаксическим приемом оформления топикальных речевых актов, вводящего семантические отноше-

ния сравнения между пропозициями следующих за ним речевых актов, является использование синтаксической структуры there are и существительного типа similarities: (26) There are several similaraties between Austin and Searle in explaining a verbal behaviour. Austin developed a speech act theory. Searle elaborated intentional logic which describes speech acts.

Такой прием лексико-синтаксического оформления топикального речевого акта лежит в основе тактики сравнительного сопоставления, используемой для построения содержания последовательности речевых актов, в которую входят топикальный речевой акт и следующие за ним речевые акты, пропозиции которых связаны семантическими отношениями сравнения.

3.5. Наречие too в составе последующего речевого акта может выступать в качестве показателя наличия семантических отношений сравнения между пропозициями речевых актов в дискурсе: (27) Austin developed a speech act theory. Searle, too, believes in explaining verbal behaviour in terms of speech acts.

3.6. В качестве лексико-синтаксической тактики оформления семантических отношений сравнения между пропозициями самостоятельных речевых актов может выступать использование наречий типа similarly, likewise, correspondingly, словосочетаний in the same way, in like manner:

(28) Austin developed speech act theory.

Similarly Likewise Correspondingly In the same way In like manner	, Searle is interested in explaining

verbal behaviour in terms of speech acts.

Речевые акты, оформленные с помощью данной тактики, могут, как указывалось выше, образовывать последовательность. Такого типа последовательность речевых актов может быть преобразована в композитный речевой акт с сохранением межпропозициональных семантических отношений сравнения. В этом случае в качестве пунктуационного средства выступает точка с запятой: (29) Austin developed speech act theory; likewise Searle is interested in explaining verbal behaviour in terms of speech acts

Отношения сравнения между пропозициями часто переплетаются в дискурсе с другими типами семантических межпропозициональных отношений. Иногда отношениям сравнения сопутствуют отношения контраста. Взаимная дополнительность отношений сравнения и контраста вполне объяснима, поскольку объекты (факты, процессы, явления) окружающего мира, которые подвергаются сравнению, имеют как черты сходства, так и различия. Выделение автором черт сходства при необходимости достаточно всестороннего описания сопоставляемых объектов предполагает также установление разнящихся характеристик с помощью семантических отношений контраста.

4. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КОНТРАСТА МЕЖДУ ПРОПОЗИЦИЯМИ

В основе семантических отношений контраста находится наличие, как правило, двух объектов противопоставления, имеющих семантический статус пропозиций. Пропозиции, входящие в отношения контраста, подобно пропозициям, связанным отношениями сравнения, могут быть объединены в конденсированную сложную пропозицию. В ее рамках происходит противопоставление двух редуцированных пропозиций, представленных двумя когнитивными переменными и объединенной базой противопоставления, общей для двух редуцированных пропозиций, соотносящейся с каждой из когнитивных переменных и образующей с ними блок двух пропозиций в составе сложной конденсированной пропозиции. Каждая из входящих в конденсированную пропозицию редуцированная пропозиция может быть развернута в полную пропозицию, а речевой акт — в композитный речевой акт или последовательность речевых актов с сохранением соответствующего смысла. Например, речевой акт (30) может быть развернут в композитный речевой акт (31) или последовательность речевых актов (32), идентичных ему по смыслу: (30) Everyone, except Helen, wrote the paper. (31) Everyone wrote the paper, but Helen didn't. (32) Everyone wrote the paper. Helen didn't.

Семантические отношения контраста между пропозициями как результат использования адресантом различных семантических способов их контрастного сопоставления могут быть подразделены по референтному признаку на следующие типы:

1) равноэлементный контраст, включающий в качестве сопоставляемых элементов пропозиции, референты которых

имеют одинаковый количественный и качественный статус: (33) Peter was a Christian, Helen, an atheist;

2) контраст исключения, основывающийся на противопоставлении пропозиций с референтами различного количественного статуса, результатом которого является исключение какой-либо части определенного множества: (34) Everyone, except Helen, wrote the paper;

3) контраст уточнения, в котором один из элементов отношения выражен в отрицательной форме, включающей отрицаемое слово/словосочетание, а второй элемент содержит корректирующий, но не антонимичный противочлен уточняемому слову или словосочетанию: (35) He wasn't a linguist, he was a mathematitican.

4.1. Установлению семантических отношений контраста между редуцированными пропозициями в составе конденсированной сложной пропозиции речевого акта может служить использование адресантом глаголов типа to differ from, to contrast with (36) и прилагательных типа different, dissimilar (37):

(36) Searle's analysis of speech acts {contrasts with / differs from} Kasher's analysis of them in that it is logically oriented.

(37) Searle's analysis of speech acts is {different from / dissimilar to} Kasher's analysis of them.

4.2. В качестве приема лексико-грамматического оформления семантических отношений контраста между пропозициями в речевом акте используется сравнительная степень прилагательных в сочетании с предлогом than: (38) Kasher's description of speech acts is less detailed than that of Searle's.

4.3. Приемами установления семантических отношений контраста между пропозициями в составе композитного речевого акта могут служить использование в компонентных речевых актах антонимов (39) и употребление категории отрицания в последующем компонентном речевом акте применительно к повторяемому в нем слову/словосочетанию, содержащемуся также в предшествующем компонентном речевом акте (40): (39) She was witty, he was dull. (40) He wants to leave, she doesn't want to.

Отрицанию в последующем компонентном речевом акте могут быть подвергнуты синоним слова, употребленного в предшествующем компонентном речевом акте (41), или гла-

гольная форма-заместитель (42): (41) She likes meditating, he isn't fond of it. (42) She is witty, he isn't.

4.4. В качестве лексико-синтаксического приема, способствующего установлению семантических отношений контраста между пропозициями в речевом акте, могут использоваться сложные союзы (союзные речения[17]), сложные скрепы[18]) as opposed to, in contrast to, а также союз unlike:

(43) {As opposed to / In contrast to / Unlike} ,Paul's lecture on speech acts, Helen's lecture is logically oriented.

4.5. Лексико-синтаксическим приемом оформления топикального речевого акта, вводящего семантические отношения контраста между пропозициями следующих за ним речевых актов, является использование синтаксической структуры there is/there are и существительного типа difference(s): (44) There are differences between Paul's and Helen's lectures on speech acts. The former is logically orineted. The latter uses predominantly semantic description.

В целом такой прием оформления топикального речевого акта является основой тактики контрастного сопоставления, используемой для построения содержания последовательности речевых актов, в которую входят топикальный речевой акт и следующие за ним речевые акты, пропозиции которых связаны семантическими отношениями контраста.

4.6. Показателем наличия семантических отношений контраста между пропозициями компонентных речевых актов, входящих в композитный речевой акт, может выступать сочинительный союз but. При этом подлежащие компонетных речевых актов должны быть различными: (45) He asked her, but she was silent.

4.7. Оформлению семантических отношений контраста между пропозициями компонентных речевых актов, входящих в комплексный речевой акт, могут служить союзы while, whereas: (46) {While / Whereas} Paul's lecture on speech acts is logically oriented, Helen's lecture on them is based on semantic description.

4.8. К уровню лексико-синтаксической тактики оформления семантических отношений контраста между пропозициями речевых актов можно отнести использование в начале позиции последующего речевого акта союза however, сложных скреп in contrast, on the other hand:

(47) Paul's lecture on speech acts is logically oriented,

| however | in contrast | on the other hand | Helen's lecture on them is based

on semantic description.

5. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ "ЦЕЛОЕ-ЧАСТЬ" МЕЖДУ ПРОПОЗИЦИЯМИ

Семантические отношения "целое-часть" с точки зрения частотности и тексоорганизующей значимости являются центральным типом семантических отношений в дискурсе, в силу рядом ключевых факторов. С познавательной точки зрения окружающий мир состоит из разноплановых, разновеликих, разностатусных объектов, процессов, явлений, что неизбежно находит отражение в языке на различных уровнях его организации — от лексического до супрасинтаксического.

Логика традиционно выделяет два основных пути мышления — дедуктивный и индуктивный. С позиций семантики реляционную основу дедуктивного и индуктивного путей изложения содержания в дискурсе составляют, соответственно, отношения "целое-часть" и "часть-целое".

Используемые в лингвистике и психолингвистике для описания различных аспектов совокупного содержания дискурса понятия фрейма, сценария, макропропозиции предполагают в той или иной форме иерархические отношения между входящими в них семантическими величинами (понятиями, пропозициями), иными словами, строятся с учетом необходимости отразить всегда присутствующие в структуре содержания дискурса отношения "целое—часть" на понятийном и пропозитивном уровнях.

Семантические отношения "целое—часть" в дискурсе настолько многообразны, что, даже ограничивая их рассмотрение межпропозициональным уровнем, мы вынуждены при выделении элементарных их подтипов остановиться на двух основных.

Семантические отношения "целое—часть" между пропозициями в дискурсе весьма часто представлены комбинациями с другими типами семантических отношений. В нашу классификацию включены элементарные типы отношений. К ним в рамках отношений "целое—часть" относятся полярные по своему содержанию подтипы: семантические отношения иллюстрации и перечисления.

Примеры или иллюстрации представляют в семантическом плане пропозиции, которые своим содержанием описы-

вают конкретные реализации более обобщенной, абстрактной идеи, содержащейся в предшествующей им пропозиции, которая в силу этого может рассматриваться как некое целое, частями которого в самом общем смысле являются ее возможные проявления. Иными словами, семантический статус примера — это дискурсивная семантическая значимость, проистекающая из позиции речевого акта в речевом ходе. Семантические отношения иллюстрации более точно могут быть названы отношениями "тезис–пример". Таким образом, можно говорить о том, что в основе семантического способа приведения примера или иллюстрации лежат межпропозициональные семантические отношения "целое–часть".

Приведение одного примера или даже перечисление ряда примеров не преследуют цели дать всеобъемлющую картину иллюстрируемого. Сумма частностей (примеров) в семантическом способе иллюстрации никогда не равна целому (иллюстрируемому тезису). Эта общая особенность иллюстрации коренным образом отличает ее от другого семантического способа, основывающегося на семантических отношениях "целое–часть" — перечисления.

В отличие от примера, приводимого с целью описания отдельного проявления (части) исходного тезиса (целого), перечисление исходно направлено на представление целого как совокупности составляющих его частей.

Перечисление можно подразделить на строгое и нестрогое.

Строгое перечисление, или классификация, предполагает представление целого во всем его объеме в виде полного перечня входящих в него частей. Правильно созданная классификация обычно включает в себя три основных компонента: 1) класс, к которому принадлежат его члены, 2) сами члены предлагаемого класса и 3) базовый признак, на основании которого они сгруппированы в качестве членов определенного класса. Таким образом, классификация строится с использованием двух других ранее упомянутых типов семантических отношений: 1) отношений сравнения, поскольку наличие базового признака классификации предполагает существование фундаментального сходства членов единого класса и 2) отношений контраста, обеспечивающих установление различий, необходимых для существования членов класса как отдельных, наделенных определенными индивидуальными чертами сущностей, не сливающихся между собой.

Нестрогое перечисление — свободная форма характеристики целого путем указания ряда отдельных его частей,

перечень которых в своей совокупности не объемлет целого во всей его полноте. По этому признаку свободное перечисление занимает промежуточную позицию между иллюстрацией и классификацией, хотя, являясь подтипом перечисления, стоит гораздо ближе к последней и генетически связано с ней.

Перечисление может использоваться в дискурсе в сочетании со многими другими типами семантических межпропозициональных отношений. Возможно, например, создание строгого/нестрогого перечня причин или следствий чего-либо, сходств или различий между рассматриваемыми объектами и т.д.

5.1.Рассмотрим лексико-синтаксические способы оформления семантических отношений иллюстрации (отношений "тезис-пример").

5.1.1. Лексико-семантическим приемом оформления семантических отношений иллюстрации в пределах речевого акта может служить использование фразового маркера "such as". При этом следует принимать во внимание, что данный лексико-синтаксический прием не специализирован на оформление исключительно межпропозициональных отношений. Устанавливаемые с его помощью семантические отношения в пределах речевого акта могут иметь различный статус — как межпропозициональный, так и межпонятийный. Это зависит от пропозитивного (48) либо понятийного (49) характера семантики употребляемых в качестве иллюстрации имен существительных:(48) Travelling by car has a number of advantages *such as* greater mobility and time-saving. (49) The Japanese coastline aities and towns are often exposed to natural disasters *such as* earthguakes and tsunamies.

5.1.2. Сложные скрепы for example, for instance могут оформлять межпропозициональные отношения иллюстрации в пределах речевого акта (51) и последовательности речевых актов (50): (50) The sermon differs in many respects from other genres of speech. Take, {for example / for instance}, the generous use of connecting words.

(51) The sermon differs in many respects from other genres of speech, {for instance / for example}, in the use of connecting words.

Их использование, соответственно, в первом случае имеет статус лексико-семантического приема (51), а во втором — тактики (50).

5.1.3. Лексико-семантической тактикой оформления семантических отношений иллюстрации между пропозициями может служить использование в последующем речевом акте существительных типа illustration, example в сочетании с кореферентным предыдущему речевому акту местоимением this: (52) The British are famous for their adherence to historical tradition. An {illustration / example} of this might be the traditional ceremony of electing London's Lord Mayor.

5.1.4. К лексико-синтаксической тактике оформления семантических межпропозициональных отношений иллюстрации следует отнести также использование в последующем речевом акте в роли сказуемого глаголов типа to illustrate, to exemplify в пассивном залоге и кореферентного предшествующему речевому акту местоимения this в роли подлежащего: (53) Facial expressions can function as means of non-verbal communication. This is best {illustrated / examplified} by lifting one's eyebrow for disbelief.

5.1.5. Лексико-синтаксической тактикой введения гипотетического примера может служить оформление последующего речевого акта как условно-следственного высказывания, в инициальной позиции которого расположен союз if: (54) Weather changes cause peculiar animal behavior. If swallows fly low above the ground, it might indicate an approaching thunderstorm.

5.2. Лексико-синтаксические способы оформления семантических отношений перечисления.

5.2.1. Лексико-синтаксическим приемом оформления тезисного речевого акта, вводящего перечисление, является использование в нем синтаксической конструкции there are в сочетании с существительными типа kind, type в функции реального, но не формального подлежащего, которым предшествуют в качестве определения числительные two, three, four и т. д. или количественные прилагательные типа several, numerous:(55) There are {three / four / several} kinds of communicative skills.

5.2.2. В качестве лексико-синтаксического приема построения тезисного речевого акта, вводящего перечисление, может рассматриваться употребление в нем в роли сказуемого глаголов типа classify, divide, compose, comprise в пассивном залоге или глагола consist в активном залоге:

(56) Communicative skills can be {classified / divided} into three types.

(57) The class of communicative skills {is composed of / is comprised of / consists of} reading, writing, speaking and listening comprehension.

5.2.3. В качестве лексико-синтаксического приема оформления речевых актов, которые содержат пропозиции с дискурсивной значимостью "часть", могут выступать наречия finally, in addition, then или прилагательные another, final, порядковые числительные second, third,fourth и т. д. в роли определений существительных типа category, type, kind:

(58) {Third / Finally / In addition / Then}, there are conceptual skills.

(59) {The third category / Still another type / The final kind} is conceptual skills.

6. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ МЕЖПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Если содержание дискурса или его части организовано с помощью изображения местоположения явлений (процессов, фактов) в пространстве, то соответствующие семантические отношения между пропозициями в дискурсе называются пространственными, а семантический способ развертывания содержания дискурса, основывающийся на данном типе межпропозициональных отношений, определяется как пространственная контекстуализация. Иными словами, связующей семантической значимостью в дискурсе такого рода выступает когнитивная переменная "Пространство".

Пространственная контекстуализация может быть подразделена на два основных типа в зависимости от референтной выраженности соответствующих когнитивных переменных (Пространство) у пропозиций, входящих в данные семантические отношения.

6.1. Абсолютная, или экстенсионально-прозрачная пространственная контекстуализация, связана с использованием языковых выражений (слов, словосочетаний, придаточных предложений места), описывающих конкретное местоположение явления в пространстве: (60) The boys and girls would march in procession around the city walls of Jerusalem. They would go round Zion, count the number of her ramparts, pass her palaces, and would be taught the names of the towers and gates of Jerusalem (WOF).

6.2. Относительная пространственная контекстуализация предусматривает указание в дискурсе на расположение явлений окружающего мира относительно друг друга: (61) The old flowerwoman sat *under the courtyard archway. Beyond her* was the newspaper shop. *Beyond that, where the pavement widened*, was the shop, where there was a display of electronic calculators of every size and description. It occured to me that the calculator would be a good symbol of our age (WOF).

Показателями относительной пространственной контекстуализации могут выступать существительные со значением части целого типа the edge, the center, the lower stratum или существительные со значением полярного противопоставления типа south/north, top/bottom, прилагательные right/left, internal/external, предлоги с пространственным значением around, from, through, outside.

7. ВРЕМЕННЫЕ (ТЕМПОРАЛЬНЫЕ) СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПРОПОЗИЦИЯМИ

Событийные пропозиции могут связываться в тексте по когнитивной переменной Время. Соответствующий класс семантических отношений между пропозициями такого рода в тексте назовем временными (темпоральными). Первое деление класса временных семантических отношений на виды проводится нами на основе учета совпадения/несовпадения событий, отражаемых в пропозициях, во времени.

Пропозиции, описывающие события, не совпадающие во времени, входят в отношения временного непересечения. Дальнейший раздел отношений данного типа осуществляется с учетом совпадения/несовпадения последовательности описания событий в тексте с их хронологической последовательностью в окружающем мире.

Если перечень событий в тексте организован согласно их последовательности во времени, он может быть назван хронологической временной последовательностью. В свою оче-

редь, семантические отношения между пропозициями в тексте, соотносящимися с такой последовательностью событий в окружающей действительности, определяются как хронологические временные (темпоральные) отношения: (62) After he has finished his studies in the university, he will leave Cambridge.

В случае, когда ход описания событий в тексте не соответствует реальному порядку их следования во времени в окружающем мире, он может быть назван ахронологическим. Соответственно отношения между пропозициями такого текста должны быть признаны ахронологическими временными отношениями: (63) He will leave Cambridge after he has finished his studies in the university.

Второй вид семантических временных отношений включает отношения временного пересечения. Они связывают пропозиции, в которых отражаемые события полностью или частично пересекаются во времени. Как следует из видового определения данного типа отношений, они включают в себя отношения двух родов: полного (64-65) и частичного (66-67) пересечения во времени:

(64) While having lunch they discussed their misfortune.

(65) They discussed their misfortune while having lunch.

(66) As she locked the door Mary listened to the familiar music.

(67) While locking the door Mary listened to the familiar music.

Примеры (66-67) иллюстрируют семантические отношения частичного пересечения во времени, которые являются следствием употребления: 1) пропозиции, передающей моментальное событие, в соположении с 2) пропозицией, отражающей состояние, процесс или событие, протяженное во времени.

Одна из наиболее детальных предикатно-ориентированных классификаций пропозиций в англистике принадлежит Э.Баху[19], который делит обобщающий класс происшествий (eventualities), объемлющий все типы фактов (явлений) окружающего мира, на 1) состояния (states) и 2) не-состояния (non-states). Состояния могут быть динамическими (sit, stand) и статическими (be drunk, own, love). В подкласс не-состояний входят: 1) процессы (walk, push a cart) и 2) события, которые могут быть продленными (build) и моментальными. Последние включают в себя случаи (recognize, notice) и кульминации (die, reach the top). В целом направленность данной классификации является предикатно-рефе-

ренциальной. Использование когнитивной переменной Время для семантической связи пропозиций отмечается в теории композиции в качестве средства перехода (англ. transition) от одного предложения или абзаца к другому[20].

Во временные семантические отношения могут вступать пропозиции любого референциального типа. В то же время референциальный тип пропозиции является доминирующим фактором в разграничении отношений частичного и полного временного пересечения.

Временные отношения могут рассматриваться как результат использования адресатом семантических способов (приемов, тактик, стратегий) временной контекстуализации.

7.1. Хронологические временные отношения являются результатом использования адресантом лексико-семантических способов (приемов, тактик и стратегий) оформления соответствующих семантических способов хронологической временной контекстуализации.

7.1.1. Для организации монопредикатного речевого акта с помощью приема хронологической временной контекстуализации используются глаголы типа to follow, связывающие в качестве актантов имена или именные группы, содержащие событийные пропозиции: (68) A snowfall followed the battle.

7.1.2. Одна из пропозиций, входящих в семантические отношения указанного вида, может быть реализована в речи в синтаксической форме придаточного предложения (69), оборота с неличной формой глагола (70-71) или абсолютной номинативной конструкции (72):

(69) After he passed the exams, he left Cambridge.
(70) After passing the exams, he left Cambridge.
(71) Having passed the exams, he left Cambridge.
(72) The sermon over, he went out.

Лексико-семантическими показателями хронологических временных отношений в таких случаях выступают либо предлог (69-70), либо аспектная форма причастия (71), либо предикативная часть абсолютной номинативной конструкции со значением начала, продолжения или завершения действия (72).

7.1.3. Прием хронологической временной контекстуализации может служить продуцированию речевого акта с однородными предикатами. Наличие общей когнитивной переменной Агенс в функции подлежащего допускает использование в целях хронологической временной контекстуализации неспециализированного для выражения временных се-

мантических отношений союза and: (73) He switched off the light and went out.

Иными словами, в качестве приема хронологической временной контекстуализации может рассматриваться соответствующее естественному порядку событий в окружающем мире расположение в высказывании пропозиций с когнитивными переменными Акт в синтаксической форме однородных сказуемых при наличии общей когнитивной переменной Агенс в функции подлежащего.

7.1.4. В случае использования языковых средств, специализированных для выражения временных отношений - предлога after, наречия afterwards, пропозиции могут принимать как форму предикативных единиц (74), так и однородных сказуемых (75):

(74) After he had switched off the light, he went out.

(75) He switched off the light and went out afterwards.

Специализированные лексико-синтаксические средства используются преимущественно для установления хронологических временных отношений между событийными пропозициями, не связанными достаточно однозначно в рамках единого процесса (события, факта), т.е. не входящими в жестко регламентированный сценарий (фрейм). Например, использование наречия afterwards в примере (76) отмечается информантами как избыточное, в отличие от его употребления в примере (77):

(76)* He opened the tap and washed his hands afterwards.

(77) He warned her and set out afterwards.

Таким образом, пропозиции, находящиеся в тесной причинно-следственной связи, обычно не требуют специализированных лексико-синтаксических средств выражения хронологических временных отношений. Очевидно, их собственное содержание при условии "естественного", хронологически-организованного расположения в тексте является достаточным для выражения соответствующих одноименных временных отношений в силу структурированности, закрепленности порядка следования соответствующих событий в окружающем мире.

7.1.5. Тактика хронологической временной контекстуализации описывает построение единиц речевой деятельности уровня речевого хода, т.е. последовательностей речевых актов/шагов с общей коммуникативной функцией (интегративной иллокутивной силой).

7.1.5.1. Наречия типа afterwards, later предназначаются для выражения соотношения пропозиций по оси времени без

указания на реальное время и тем самым выполняют реляционную, но не референциальную функцию. Когнитивная переменная Время в этом случае выражается комплексом лексико-синтаксических средств, в который входят: 1) содержание пропозиций, включающих в себя когнитивные переменные Акт, локализованные во времени с помощью грамматической формы соответствующего глагола и 2) специализированный лексико-синтаксический показатель протекания событий во времени, сигнализирующий о типе семантических отношений между пропозициями, в данном случае - хронологических временных отношениях:

(78) They will put up at the hotel. Afterwards, they will check in for the conference.

(79) They will put up in the hotel. After doing that they will check in for the conference..

7.1.5.2. Лексические показатели когнитивной переменной Время, которые включаются грамматистами в класс временных адъюнктов[21], по референциально-семантическому признаку могут быть распределены на два основных класса.

В первый класс входят временные адъюнкты, состоящие из предлога и имени существительного, содержащего событийную пропозицию, например, after rain, after sermon. В пропозитивно-семантическом ракурсе они являются не только и не столько специализированным синтаксическим средством связи между входящими в отношение пропозициями, но и сами содержат редуцированную пропозицию, выражаемую именем, которая вводится соответствующим предлогом. Таким образом, предлог служит выражению временных отношений между редуцированной пропозицией и пропозицией в синтаксической форме первичной предикативности: (80) After rain he went to the office.

Если пропозитивная именная номинация отражает событие (акт, процесс), фиксированный во времени (dinner, lunch etc.), то, в отличие от существительных типа thunderstorm, battle, не имеющих в своей семантике семы фиксированности во времени, она может рассматриваться в качестве косвенной референциально-прозрачной номинации когнитивной переменной Время.

Временные адъюнкты с определенной (прозрачной) референцией типа in ancient times, in 1984, at the end of the war образуют второй класс — класс определенных временных показателей[22].

7.1.6. Временные адъюнкты, в зависимости от уровня сложности образуемых с их помощью единиц речевой дея-

тельности — речевых ходов/речевых событий, являются индикаторами использования адресантом соответственно тактики (81) либо стратегии (82) хронологической временной контекстуализации:

(81) In the morning he visited his lawyer. After lunch he went to the office.

(82) *During Holy Week* many people try to enter each day in their imaginations, into the experiences of that first Easter. *On Palm's Sunday* you imagine yourself among the crowd cheering Jesus as he entered Jerusalem. *On Monday* in your imagination you watch Jesus overturning the tables of moneychangers in the temple. *On Thursday* you try to sense what it must have been like to sit with Jesus at the last supper. Then *on Friday* you join that vast crowd in the judgement hall in the palace of the Roman Governor Pilat (WOF).

Широко практикуемой для построения содержания проповеди тактикой хронологической временной контекстуализации является использование временных адъюнктов — дат, указывающих на последовательность событий в окружающем мире:

(83) *In 1965*, not long before he died, the great Swiss theologian, Karl Barth, was asked what he thought of the religious situation in Britain and on the Continent. "What we are seeing", he replied, "is flat-tyre Christianity. The pneuma, which is Greek for both "air" and "spirit", has gone out of it, and everybody knows what happens to a pneumatic tyre when it loses its pneuma!"

To say that for many Christians *today* the Holy Spirit is the most unreal part of their faith is to state the obvious. Nor do we help matters by continuing to use the archaic and misleading word "Ghost" (A.M.Hunter).

В этом случае благодаря наличию обстоятельственных слов происходит абсолютная конкретизация положения действия во времени[23].

7.1.7. Тактика хронологической временной контекстуализации может основываться на использовании лексических средств типа first(ly), second(ly), last(ly), final(ly), then, по их синтаксической функции в предложении называемых конъюнктами[24], а по функции текстооформления — метатекстовыми операторами[25]: (84) *First* go and make your peace with your brother, *then* come back and offer your gift (WOF).

7.2. К основным способам ахронологической временной контекстуализации относятся следующие семантические приемы, тактики и стратегии.

7.2.1. В качестве приема ахронологической временной контекстуализации при построении плана содержания монопредикатного речевого акта используются глаголы типа to precede, связывающие актанты, выражаемые событийными именами (именными номинациями): (85) A snowfall preceded the battle.

7.2.2. Ахронологические временные отношения могут устанавливаться при условии употребления одной из пропозиций в синтаксической форме придаточного предложения времени (86) или герундиального словосочетания (87): (86) Before he left Cambridge, he passed the exams. (87) Before leaving Cambridge, he passed the exams.

7.2.3. Невозможна ахронологическая временная контекстуализация предшествующей пропозиции с помощью аспектной (перфектной) формы причастия в причастном обороте/словосочетании, передающей значение завершенности действия по отношению к последующей событийной пропозиции. Высказывания с беспредложным причастным оборотом/словосочетанием типа (71) специализированы для выражения хронологических временных отношений между пропозициями. Тот же вывод справедлив по отношению к высказываниям, в которых предшествующая пропозиция выступает в форме абсолютной номинативной конструкции (72).

В целом реализация значения предшествования как основного содержания ахронологических временных отношений при антецеденте-пропозиции (т.е. предшествующей пропозиции) в форме придаточного предложения времени или герундиального оборота/словосочетания требует обязательного использования предлога с соответствующим значением before. На маркированность ахронологической последовательности пропозиций в тексте языковыми средствами указывалось в лингвистике.

7.2.4. Неотмеченным является установление ахронологических временных отношений между пропозициями в форме однородных сказуемых: (88)* He went up to her (1) and recognized her (2) в значении предшествования акта (1) акту (2).

7.2.5. Двусмысленными (семантически непрозрачными) являются семантические отношения между речевыми актами в речевом ходе в условиях отсутствия лексико-синтаксических показателей: (89) He went up to her. He recognized her.

Семантические отношения в таком случае могут иметь два прочтения: причинно-следственное (90) и хронологическое временное (91):

(90) He went up to her, because he recognized her.

(91) He went up to her. Then he recognized her.

7.2.6. Весьма распространенной тактикой ахронологической временной контекстуализации при построении дискурса проповеди является использование временных адъюнктов (обстоятельств времени), указывающих на смену временных планов развития содержания в дискурсе: (92) Jesus himself fasted in the desert for forty days in preparation for his public ministry. About a hundred years after Christ's death the writer Aristidis explained the Christian way of life to the Roman emperor Adrian (WOF).

8. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ИМПЛИКАЦИИ

Операция импликации в логике в самом общем виде сводится к формуле $A \rightarrow B$, или $A \ni B$, которая читается как "A влечет (имплицирует) B" или "B следует из A". Буква A обозначает первый член отношения, антецедент, основание импликативного высказывания, а второй член отношения называется консеквентом, следствием импликативного высказывания. Однако отмечается, что логическое понятие импликации не полностью отражает причинную и другие подвиды связи между пропозициями, содержащиеся в импликативных высказываниях естественного языка[26]. Естественно возникает необходимость лингвистически-ориентированного описания импликации как класса семантических отношений, имеющего определенные виды и подвиды с учетом особенностей языкового выражения последних в конкретном языке, в данном случае — английском.

В этот класс семантических отношений мы включаем отношения каузативной, условной и неуспешной импликации. Импликативные семантические отношения связывают пропозиции в ракурсе авторского соположения их как способствующего и результирующего факторов. Так выявляется характер влияния одного из событий (явлений, фактов) окружающего мира на другое событие (явление, факт), связанное с ним с точки зрения адресанта. В рамках определения импликативной зависимости автор устанавливает особенности соответствующих отношений — их успешность (актуализированность), гипотетичность или неуспешность (неактуализированность).

8.1. К группе успешных (актуализированных) импликативных отношений мы относим отношения каузативности — "причина — результат", "средство — результат", "основание — заключение". Первые два типа отношений представляют взаимодействие событий (явлений, фактов) окружающего мира, последний тип — авторскую мыслительную операцию вывода. Каузативные отношения связывают элементы, один из которых выступает в качестве реального, но не гипотетического источника оказания влияния на второй элемент отношения.

Отношение "причина — результат" представляет предшествующий элемент в качестве причины, а последующий — в качестве определенного результата, который уже получен или будет получен в будущем: (93) The students showed profound knowledge and the professor was pleased.

Ахронологическим вариантом семантического отношения "причина — результат" является отношение "результат — причина": (94) The professor was pleased because the students showed profound knowledge.

Наличие временной составляющей в каузативных отношениях свидетельствует о сложности, неоднозначности семантических отношений в естественных языках, отражающих многообразие взаимозависимостей явлений в окружающем мире. Однако выделение каузативных отношений в отдельный, вполне определенный класс не только в логике, но и в лингвистике нельзя признать отвлеченной абстракцией. Оно основывается на установлении закрепленной за ними системы языковых средств, лексических и синтаксических, которые могут рассматриваться в личностно-деятельностном плане как языковое обеспечение соответствующих способов их продуцирования.

В семантическом отношении "средство — результат" элемент "средство" указывает, каким образом был/будет получен определенный результат: (95) Police used tear gas. The demonstration was dissolved.

Отношение "основание — заключение" описывает мыслительную операцию вывода. Такое отношение может быть названо также инференционным (от англ. infer — делать вывод, приходить к выводу): (96) Mary has come alone. Her husband is probably ill.

Отношения "основание — заключение" и "средство — результат" являются подтипами общего класса отношений "причина — следствие", наделенными, как будет показано ниже, собственными подсистемами средств языкового выражения.

Отношение "средство — цель" связывает получение определенного результата с намеренным совершением действия в прошлом, настоящем или будущем: (97) He sold his watch in order to buy a book.

Семантическое отношение "условие — следствие" ставит элемент "следствие" в зависимость от выполнимых/невыполнимых/гипотетических условий его осуществления: (98) If the bus is overcrowded I'll get a taxi.

Неуспешные импликативные отношения представлены отношениями "уступка — контррезультат" (результат, обратный ожидаемому): (99) Although the peace treaty was signed, the war was unleashed.

8.1.1. Приемом каузативной контекстуализации в рамках монопредикатного речевого акта является использование каузативных глаголов типа to cause, to create для связи имен существительных (именных групп пропозитивной семантики): (100) Examination results caused confusion.

8.1.2. Для построения содержания комплексного речевого акта в качестве приема каузативной контекстуализации могут употребляться союзы because, as, since, now (that), seeing (that), considering (that). Они служат наделению пропозиции семантическим статусом причины независимо от порядка ее расположения — предшествования или следования за пропозицией с общим значением результата (101–102):

(101) Because they had heard the news, they left New York.

(102) They left New York, because they had heard the news.

8.1.3. Член каузативного семантического отношения со значением причины может быть реализован не только в форме придаточного предложения (101–102), но и в форме причастного оборота/словосочетания (103–104):

(103) Being the dean, Dr. Smith received Mary.

(104) Frustrated by the results of the exam, Mary went to the dean.

8.1.4. Приемом каузативной контекстуализации, употребляемым в разговорной речи, является использование для построения семантики комплексного речевого акта (сложноподчиненного высказывания) двойного маркирования отношения "причина — результат" с помощью местоимения why и сочетания союза because с предлогом of: (105) Why he did it was because of her behaviour[27].

8.1.5. К приему каузативной контекстуализации относится реализация члена каузативного отношения со значением "причина" в форме именного/герундиального словосочета-

ния, предваренного предлогом for: (106) He was praised for his forbearance.

В этом случае предикат в форме пассивного залога описывает действие, совершенное над объектом действия, выражаемым подлежащим.

8.1.6. В основе приема каузативной контекстуализации может лежать использование структур so/such + прилагательное/словосочетание с ядром—прилагательным (адъективное словосочетание) + (that) придаточное предложение (107), too + прилагательное/адъективное словосочетание + инфинитив (108) или not + прилагательное/адъективное словосочетание + enough + инфинитив (109):

(107) He was so careful that he didn't reveal his identity.

(108) Ne was too afraid to remain there.

(109) They were not strong enough to draw the bow.

8.1.7. Расположение пропозиций в дискурсе не является однозначным показателем "естественного" порядка следования причины и результата, отвечающего реальному ходу событий в окружающем мире. Самого содержания пропозиций зачастую достаточно для установления в последовательностях речевых актов, которые не имеют специализированных показателей отношений каузативности, как "естественного" порядка следования пропозиций — "причина — результат" (111), так и "объяснительного" хода их расположения — "результат — причина" (110):

(110) He built his house in Philadelphia. His father requested it.

(111) His father requested him to build the house. He built it in Philadelphia.

8.1.8. Тактика построения последовательности речевых актов, пропозиции которых связаны семантическими отношениями "причина — результат", может основываться на использовании в последующем речевом акте следующих показателей: as a result, consequently, hence, so, therefore, thus: (112) He ran out of the money. Therefore he quitted his studies in the university.

8.1.9. В качестве тактики каузативной контекстуализации может рассматриваться использование в последующем речевом акте существительных типа consequence, reason, effect, result: (113) He left New York. The reason was that he went out of money.

8.2. В рамках каузативных отношений возможно выделение подтипа отношений "следствие — последующая/дополнительная причина". Данные отношения могут устанавли-

ваться как в рамках речевого шага, информационным следом которого является бессоюзное сложное высказывание, так и речевого хода — последовательности речевых актов/речевых шагов с общей коммуникативной функцией (интегративной иллокутивной силой).

8.2.1. Приемом, способствующим установлению отношений "следствие — последующая/дополнительная причина", является соответствующее расположение речевых актов в пределах речевого шага. В письменной речи в качестве средства пунктуации используется двоеточие: (114) Don't touch the wire: it's dangerous anyway.

Показателями наличия отношений "следствие — последующая/дополнительная причина" могут выступать наречия anyway, anyhow, besides, а также словосочетание in any case. Элемент отношения "причина" содержится в речевом акте-информативе, описывающем намерение адресанта не выполнять какое-либо действие, или речевом акте-директиве, иллокутивная сила которого состоит в предостережении адресата от выполнения какого-либо действия. Речевые шаги данного типа подробно исследованы в теории сложных речевых актов[28].

8.2.2. Приемом установления отношений "дополнительная причина — следствие" может являться использование комбинации just/only, союза because и предлога of для маркирования члена отношения "дополнительная причина": (115) It's just/only because of rain that I'm staying here.

8.3. Лексико-синтаксические показатели отношений "основание — заключение" между пропозициями могут быть распределены на два основных подтипа.

8.3.1. К первому подтипу принадлежат глаголы типа deduce, conclude, infer, существительные basis, conclusion, deduction, inference, сложные предлоги given (that), on the basis of, называющие мыслительные операции адресата. Данные показатели ориентированы на установление отношений между пропозициями самостоятельных речевых актов или речевых шагов.

8.3.2. Ко второму подтипу показателей семантических отношений "основание — заключение" принадлежат языковые средства выражения модальности — модальные глаголы can, may в отрицательной форме прошедшего времени и неассертивные предикаты типа is likely, is possible, использование которых отражает мыслительную активность адресанта, но не называет ее: (116) He looks irritated, so he must have lost the game.

8.3.3. В качестве обратно направленных отношений "основание — заключение" могут рассматриваться отношения "тезис — аргумент". Если отношения "основание — заключение" отражают индуктивный путь мышления, то отношения "тезис — аргумент" — дедуктивный.

8.4. Отношения "средство — результат" описаны применительно к построению речевого акта[29]

8.4.1. К их показателям относятся: 1) предлоги by, by means of, with, предваряющие существительное/именное словосочетание (117) (предлог by может предшествовать также причастному словосочетанию (118)), 2) каузативные глаголы типа achieve, attain, bring about, effect, obtain, cause, make, выступающие в качестве предиката высказывания, подлежащее которого выражается герундиальным словосочетанием (119); существительные типа means, method, way (120):

(117) He arrived by bus.

(118) He won the tennis match by using his mighty first service.

(119) Pressing the button causes the bell to ring.

(120) His way of arguing was to appeal to the morals.

8.4.2. Существительные типа way, method, means могут рассматриваться как показатели наличия отношений данного рода между пропозициями речевых актов: (121) He replaced the broken parts. That was his way of reparing it.

Следует отметить, однако, что высказывания типа (121) имеют эмфатическую окраску. Вследствие этого в парадигме средств установления отношений "средство — результат" такой способ их продуцирования должен быть признан периферийным по отношению к приемам, указанным в разделе 8.4.1, о чем свидетельствуют также данные, полученные от информантов.

8.5. Лексико-синтаксические приемы условно-следственной контекстуализации описывают способы языкового оформления пропозиций простых и комплексных речевых актов, которые (применительно к рассматриваемому типу семантических отношений) представлены в речи соответственно простым и сложноподчиненным высказываниями.

8.5.1. Семантические отношения "условие — следствие" могут быть реализованы в пределах речевого акта путем выражения пропозиции, выступающей в роли элемента отношения "условие", в форме причастного оборота (122), инфинитива/инфинитивного словосочетания (123) или событийного имени существительного, предваренного сложным предлогом but for (124):

(122) Concealed from view, he would be safe.

(123) To quit studies would be unwise.

(124) But for his intensive studies, he would not have passed the exams.

8.5.2. Особенности построения сложноподчиненных высказываний с условно-следственными семантическими отношениями в современном английском языке подробно описаны как в теоретических работах, так и в практических грамматиках[30]. Поэтому мы остановимся подробнее лишь на лексико-синтаксических способах установления семантических отношений "условие — следствие" между пропозициями речевых актов в составе речевых ходов.

8.5.3. В основе тактики условно-импликативной контекстуализации может лежать использование существительных типа condition, requirement, stipulation, terms с общим значением "условие" в составе последующего речевого акта. Порядок следования пропозиций в дискурсе в этом случае является не "естественным" (условие — следствие), а "объяснительным", а именно — "следствие — условие". Семантическая дискурсивная значимость последующего речевого акта отражается в значении существительного указанного типа, а речевой формой такого акта является высказывание, основанное на логическом приеме тождества[31]: (125) You may come in. The condition is that you are quiet.

8.5.4. Одной из возможных тактик условно-импликативной контекстуализации является использование в последующем речевом акте показателей if so, in such circumstances, in that case/cirsumstance / event, in the case of such eventuality с анафорической отнесенностью к содержанию всего предыдущего речевого акта: (126) You should have taken taxi. If so you wouldn't have missed the train.

8.5.5. Тактика условно-импликативной контекстуализации может основываться на использовании наречия otherwise в последующем речевом акте. В этом случае его пропозиция выступает в качестве элемента "следствие" условно-следственных отношений, а порядок расположения пропозиций в дискурсе является "естественным": (127) Air the room. Otherwise, you'll get intoxicated.

8.6. Семантические отношения "уступка — контррезультат" (обратный результат), иными словами, отношения неуспешной импликации, как и остальные типы импликативных отношений, устанавливаются между пропозициями в составе единиц речевой деятельности различных уровней. В качестве показателей семантических отношений неус-

пешной импликации, по мнению У.Кромби, могут выступать следующие классы слов: субординаторы ((al)though, (al)though...nevertheless/yet, despite, even though, if ... at least/nevertheless, in spite of, much as/though, while, whereas); предлоги (despite, for/with all, notwithstanding) и конъюнкты (all/just the same, anyhow, anyway, at any rate, after all, even so, for/with all that, however, in any case/event, nevertheless, notwithstanding, only, still, though, yet)[32].

8.6.1. Лексико-синтаксическим приемом установления отношений неуспешной импликации между пропозициями речевого акта является использование причастного оборота (128) или безглагольного оборота (129), содержащих указанные выше субординаторы, для выражения элемента отношения "уступка":

(128) Though irritated he spoke with a smile.

(129) Although rich he refused any kind of donations.

8.6.2. Использование союза but в композитном речевом акте (выражаемом сложносочиненным высказыванием) при изменении модальности в последующем компонентном речевом акте (выражаемом предикативной единицей) при сохранении подлежащего обычно приводит к установлению семантических отношений неуспешной импликации (130). Смена подлежащего в равных условиях приводит к образованию семантических отношений контраста между соответствующими пропозициями (131):

(130) She might be able to help, but she certainly won't want to.

(131) She might be able to help, but he certainly won't want to.

8.6.3. В оформлении элемента отношения "уступка" могут участвовать союзы as и though, следующие за именной частью составного именного сказуемого (предикативом) при непрямом (инвертированном) порядке слов в предшествующем компонентном речевом акте (предикативной единице):

(132) Unprepared as he was, he passed the exams.

(133) Strange though it is, he refused to take the award.

8.6.4. Союзы if, though, albeit, yet могут связывать прилагательные/наречия в речевом акте, что является индикатором наличия неуспешных импликативных отношений между пропозициями речевого акта, представленными таким образом в редуцированной форме: (134) He was always a fair, though tough administrator.

8.6.5. В качестве лексико-синтаксического приема установления семантических отношений неуспешной импликации в рамках речевого акта можно рассматривать использование сочетания союза only с предлогом to: (135) He wrote a letter to her only to inform her of his departure.

8.6.6. Семантические отношения неуспешной импликации могут оформляться структурой too + прилагательное/наречие + for ... but/yet + not + прилагательное/наречие + for: (136) It's too cool for a quarrel, but it isn't cool enough for a panel discussion.

8.6.7. О вхождении отношений "условие — следствие" и "уступка — контррезультат" в общий класс импликативных отношений, их близости свидетельствует возможность образования их комбинации в рамках плана содержания речевого акта с помощью следующих показателей: 1) even if/even supposing (139), 2) whatever, whoever, wherever, however (137), 3) no matter/it doesn't matter how/what/where...(138):

(137) He won't agree with you, whatever you say.

(138) It doesn't matter how you will persuade him, he won't agree with you.

(139) Even if you had threatened him, he wouldn't have agreed to do it.

8.6.8. Лексико-синтаксической тактикой, ведущей к установлению отношений неуспешной импликации между пропозициями в последовательности речевых актов, является употребление наречия instead в последующем речевом акте: (140) I thought he would agree. Instead, he started to agrue.

8.6.9. К уровню лексико-синтаксической тактики построения последовательности речевых актов, пропозиции которых связаны отношениями неуспешной импликации, относится использование в неинициальном речевом акте наречий типа surprisingly, unexpectedly, miraculously (141), прилагательных типа surprising, unexpected, strange, глаголов типа concede, allow и таких существительных, как surprise (142):

(141) He knew he was wrong. Unexpectedly, he started to argue.

(142) He knew that he was wrong. The fact that he started to argue was surprising/a surprise.

В описании лексико-синтаксических способов оформления семантических отношений между пропозициями мы не раз использовали модальность возможности. Применение лексико-синтаксических показателей является в указанных случаях обязательным условием установления соответству-

ющих типов семантических отношений. Однако прямая обратная связь между употреблением лексико-семантических показателей и наличием определенных семантических отношений существует не всегда. Употребляя модальность возможности, мы отмечали отсутствие такого однозначного соотношения. Обязательным сопутствующим фактором в этих случаях выступает содержание пропозиций, входящих в семантические отношения определенного рода.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА

Концепция коммуникативно-функционального анализа дискурса применительно к аспекту прагмалингвистического описания предполагает изучение статических и динамических особенностей прагматики дискурса.

К статическому плану прагмалингвистического описания дискурса относится рассмотрение элементов его коммуникативно-функциональной структуры в терминах предлагаемой тем или иным исследователем системы описания единиц речевой деятельности.

Динамический аспект коммуникативно-функционального анализа дискурса описывает взаимозависимость и взаимосвязи компонентов речевой деятельности как процесс, определяя реальные проявления и соотношения категорий диалектики в речевой деятельности: единичного (например, коммуникативной роли), общего (языкового типа личности) и индивидуального (конкретной языковой личности), сущности (например, принадлежности к одному из прагмалингвистических типов дискурса), явления (отдельного дискурса) и др. Таким образом, становится возможным описание речевой деятельности как состоящей "не из сочетания и объединения отдельных элементов, а из динамической организации операций в более сложные действия и далее в еще более сложную деятельность"[1].

В данном исследовании нами будет рассмотрен лишь один, центральный, аспект динамического плана организации прагматики дискурса — прагмалингвистические стратегии и тактики, которые используются его автором. Минимальной единицей речевого общения в теории речевых актов является речевой акт, представляющий собой элементарное речевое действие говорящего, состоящее в произнесении им в ситуации речевого общения целенаправленного высказывания, обладающего смыслом и характеризующегося однозначной референцией. Интерпретация речевого акта в дан-

ной концепции как единства трех составляющих его актов - локутивного, иллокутивного и перлокутивного — подробно представлена в лингвистике[2].

В коммуникативно-функциональном анализе дискурса и строящейся на его основе лингвистике продуцирования дискурса учитываются микро-социальные и микро-психологические характеристики элементарных речевых действий, разработанные в теории речевых актов. Однако,наряду с ними, в лингвистическом описании данной направленности особую значимость приобретают собственно дискурсивные особенности речевых актов: 1) участие/неучастие в формировании темы (топика) дискурса, 2) позиция и интерактивная функция в структуре дискурса.

Согласно первому критерию, следует различать топикальные и оформляющие речевые акты[3]. Топикальные речевые акты в зависимости от своего дискурсивного статуса, который находит отражение в их синтаксическом и семантическом оформлении, подразделяются на речевые акты-функции и самостоятельные речевые акты, которые являются речевыми актами в традиционном их понимании.

Речевые акты-функции трактуются нами шире, чем это предлагается теорией сложных речевых актов, в которой к речевым актам-функциям относятся предикативные единицы в составе асиндетического сложного предложения. Мы считаем, что речевыми актами-функциями являются синтаксически несамостоятельные предложения (придаточные предложения/предикативные единицы) в составе сложных предложений, содержащих минимально две дискурсивные семантические значимости, например, "условие — следствие," "посылка — контррезультат" и т.д. Иными словами, придаточное предложение в условно-следственном сложноподчиненном предложении может выступать в качестве информационного следа речевого акта-функции с семантической дискурсивной значимостью "условие"/"следствие". Синтаксическая несамостоятельность придаточного предложения в данном случае является отражением отсутствия прагматической цельнооформленности соответствующего элементарного речевого действия, и поэтому речевые акты-функции, имеющие синтаксический статус придаточных предложений, характеризуются не прагматической, а семантической дискурсивной значимостью.

Если быть последовательным в рассмотрении взаимоотношений синтаксиса, семантики и прагматики речевых единиц, содержащих более чем одну первичную предикацию (т.е. являющихся информационным следом нескольких пропози-

тивных актов), то следует признать, что сложноподчиненные и сложносочиненные предложения являются опредмеченной формой неэлементарных речевых действий, различающихся степенью коммуникативной цельнооформленности своих компонентов.

В бессоюзных сложных предложениях, которые рассматриваются в качестве информационного следа сложных речевых актов в одноименной теории, существуют координативные либо субординативные прагмасемантические отношения или только прагматические (перлокутивные) отношения между входящими в них речевыми актами-функциями[4]. Иными словами, речевые акты-функции в составе данного типа сложных речевых актов имеют прагмасемантическую либо только прагматическую (перлокутивную) дискурсивную значимость. Синтаксические отношения между речевыми актами-функциями в асиндетическом сложном предложении не являются маркированными средствами синтаксической связи, что и позволяет исследователю говорить о наличии других типов связи — прагмасемантической или прагматической. Таким образом, то явление, которое в одноаспектном, например синтаксическом, описании объявлялось нулевой формой синтаксической связи, в комплексном, разноаспектном исследовании закономерно рассматривается как проявление иных (семантических, прагмасемантических, прагматических) видов отношений.

Такое положение вполне согласуется с теорией взаимозависимости прагматики и синтаксиса языкового знака в интерпретации языковой эволюции[5]. Применительно к деятельностному (по терминологии Т.М.Николаевой — "коммуникативно-дискурсивному") рассмотрению взаимосвязей синтаксиса, семантики и прагматики можно говорить об обратной зависимости степени синтаксической оформленности и коммуникативной самостоятельности компонентов единицы речи, имеющей предикативный статус. Иными словами, чем эксплицитнее синтаксические связи между речевыми актами-функциями, тем менее прагматический характер носят отношения между ними и тем в большей степени каждый из речевых актов-функций лишен коммуникативной цельнооформленности.

Большинство классификаций речевых актов строится на основе учета их иллокутивной цели[6]. Однако аргументация в пользу количества классов речевых актов в них, как правило, не приводится, а если и приводится, то не имеет системной связи с основными характеристиками ситуации рече-

вого общения. В целом аргументация в известных классификациях речевых актов направлена на обоснование правомерности выделения каждого отдельного класса речевых актов путем описания его различных параметров: подготовительных условий, условий искренности, существенных условий и т.д.[7] В то же время практически отсутствует обоснование общего количества предлагаемых классов или исходных (базовых) принципов их выделения исследователем.

Научно аргументированная классификация речевых актов, как и любая иная классификация, по нашему мнению, должна включать либо описание оснований классификации на каждом этапе деления более крупных классов на более мелкие, либо указание на критерии установления (ограничения) общего количества выделенных классов.

Критерий поэтапного разбиения (например, бинарного) класса на подклассы можно назвать дедуктивно-ориентированным показателем основания (базы) классификации, а критерий установления общего количества выделенных классов — индуктивно-ориентированным показателем базы классификации.

Первый из показателей базы классификаций зависит от последовательно применяемых исследователем принципов деления классов на подклассы. Второй показатель должен опираться на закономерности ограничения количества составляющих частей целого (подклассов единого класса), исходя из системных характеристик описываемого в классификации явления. Тем самым он призван объективировать относительную субъективность первого показателя базы классификации. Поэтому мы считаем, что завершенная научная классификация должна содержать как индуктивный, так и дедуктивный показатели своей базы.

Авторы большинства классификаций речевых актов, построенных на учете их иллокутивной цели, так или иначе включают определенное количество одних и тех же, повторяющихся из классификации в классификацию, типов (классов) речевых актов. В чем же заключается причина данного явления? Очевидно, бессмысленно искать ее в сфере субъективного, в сфере отношения исследователя к объекту описания или к опыту предшествующих научных изысканий в данной области. Основной научно-мотивированной причиной данного явления может быть учет исследователями объективно существующих, повторяющихся особенностей построения всестороннего инструментального (орудийного) обеспечения коммуникативной ситуации типами речевого

воздействия. Иными словами, факт наличия повторяющихся классов речевых актов в целом ряде независимых исследований дает возможность выдвинуть гипотезу о том, что в речевой деятельности должен существовать системно организованный арсенал типов речевого воздействия (иллокутивных функций), который обеспечивает все основные параметры функционирования ситуации речевого общения.

Очевидно,для выделения наиболее обобщенных типов речевого воздействия (иллокутивных функций), на которые и были ориентированы классификации "крупных" типов речевых актов, исследователи в выделении повторяющихся из классификации в классификацию классов речевых актов должны были опираться на объективные закономерности взаимодействия основных компонентов ситуации речевого общения. К таким компонентам ситуации речевого общения с прагматической точки зрения следует отнести адресанта (говорящего), адресата (слушающего), сообщение и цель общения. Характер их организации определяется устанавливаемым речевым актом отношением говорящего, слушающего и сообщения к цели общения (интенции говорящего).

Возможны следующие комбинации взаимоотношений компонентов ситуации речевого общения в зависимости от ориентации цели общения на говорящего, слушающего, их обоих или на предшествующее/последующее сообщение.

1. *Адресанто-ориентированные речевые акты.* Целью речевого акта такого рода является принятие адресантом на себя обязательств за определенное положение вещей в окружающем мире. К данному классу речевых актов принадлежат выделенные Дж.Серлем комиссивы (обязательства, клятвы, заверения,соглашения, обеты, гарантии, держание пари). Этот класс речевых актов выделяется под тем же названием в классификациях Дж.Лича[8], К.Баха и Р.Харниша[9], Д.Вундерлиха[10] или под названиями актов обязательств в классификации Б.Фрейзера[11], промисивов и менасивов в классификации Г.Г.Почепцова[12]. А.А.Романов называет соответствующий данному классу речевых актов коммуникативно-прагматический фрейм декларативно-экспрессивным и в качестве разновидностей речевых актов включает в него, помимо комиссивов, экспозитивы (возражения, протесты, разъяснения, угрозы) и пермиссивы (снятия запретов, разрешения и под.)13.

2. *Адресато-ориентированные речевые акты.* Их цель — непосредственное побуждение адресата к действию. Данный класс образуют директивные речевые акты, включающие инъюнктивы (приказы, требования, распоряжения) и рекве-

для решения задач лингвистического описания дискурсов иных типов организации.

Дискурсивный анализ, напротив, в основном направлен на расширение применения методики использования аналитических категорий дескриптивной лингвистики на единицы, более крупные, чем высказывание. Это происходит путем: 1) выделения базовых категорий или единиц дискурса для последующего анализа, 2) определения и учета как можно более полного перечня внешних факторов, определяющих функционирование дискурса, 3) формулировки правил функционирования отдельных типов (жанров) дискурса, 4) использования статистически выверенных подборок отдельных текстов в качестве наиболее характерных примеров определенного типа дискурса с целью его всестороннего описания и 5) опоры на интуицию исследователя, особенно в вопросах определения цельнооформленности дискурса и его принадлежности к определенному типу.

К конверсационному анализу примыкает обогащенная понятиями из арсеналов психологии (особенно когнитивной) и теории искуственного интеллекта концепция системного описания регулятивных средств диалогического общения[18]. Объединяя положения теории фреймов, конверсационного анализа и теории речевых актов, данная концепция стремится объяснить мену коммуникативных ролей говорящего и слушающего в диалоге исходя из того, что диалогическая коммуникация реализует типовые сценарные фреймы речевых событий, например, спора, обвинения, наговора, провокации и т.д. Основной единицей речевой деятельности в данной концепции выступает репликовый шаг.

В концепции регулятивных средств диалогического общения репликовый шаг характеризуется иллокутивной функцией, которая охватывает интеракциональные и интерпретационные сферы прагматического значения и отражает в диалогическом взаимодействии инструментальный характер воздействия и способ его передачи. Инструментальность речевого воздействия в рамках данной концепции в целом описывается путем детализации более обобщенного направления речевого воздействия (например, побуждения) через более конкретное называние речевого действия (например, приказ, просьба, совет)[19].

Описание направленности речевого воздействия, обусловливающего прагматическое значение репликового шага и его иллокутивную функцию, проводится в характерном для фреймового анализа направлении "от общего — к частному".

Выделяются четыре наиболее обобщенные иллокутивные функции: 1) конститутивная, 2) репрезентативная, 3) когнитивная и 4) интерактивная. Они образуют, по мнению автора концепции, соответствующие коммуникативно-прагматические типы (фреймы) взаимодействий: 1)декларативно-экспрессивный, 2)контактно-регулятивный, 3)директивный и 4)информативно-дескриптивный. Каждый из указанных типов включает в себя подтипы (разновидности), описание которых опирается на условия успешности, применяемые для выделения типов речевых актов в одноименной теории. В декларативно-экспрессивный фрейм автором включаются комиссивы (обязательства, клятвы, зароки, заверения, соглашения, обещания, гарантии, обеты, держания пари), экспозитивы (возражения, протесты, разъяснения, угрозы) и пермиссивы (согласия, но не соглашения по типу договора, снятия запретов, разрешения, не обусловленные институциональными отношениями и тем самым отличающиеся от инструктивных запретов и разрешений).

Контактно-регулятивный иллокутивный фрейм подразделяется на сатисфактивы (упрек, сожаление, извинение, прощение, порицание, осуждение, обвинение и т.д.) и регламентивы (формулы социального этикета). Директивный иллокутивный фрейм включает инъюнктивы (приказы, требования, команды, распоряжения, принуждения институционального порядка), реквестивы (просьбы, мольбы, заключения), инструктивы (предписания, рекомендации, предостережения,разрешения,запреты), суггестивы (советы, предложения, предупреждения) и инвитивы (приглашения), а информативно-дескриптивный фрейм содержит в качестве подтипов дескриптивы, аргументивы, констатации и нарративы, которые отличаются степенью отношения говорящего к некоторому положению дел и вещей в мире, затрагивающему прямо или опосредованно интересы партнера по общению.

Данная классификация основывается не на собственно языковых критериях, а на микро социальных характеристиках элементарных речевых действий, что в определенной степени отражает соответствующую мотивированность общего количества их типов и подтипов, а также принципов их выделения.

В отличие от концепции регулятивных средств диалогического общения, лингвистика продуцирования дискурса направлена не на констатацию микро социальных качеств единиц речевой деятельности (репликовых шагов) путем описания коммуникативно значимых условий в типовой ситуации

речевого общения, а на раскрытие механизмов взаимодействия синтактических, семантических, прагматических и сигматических аспектов функционирования языковых знаков посредством распредмечивания их сущности как информационных следов целенаправленных речевых действий адресанта по отношению к адресату.

Двумя основными единицами речевой деятельности, применяемыми нами в коммуникативно-функциональном анализе монологического дискурса проповеди, являются речевой акт и речевой ход. "В общем виде речевой ход может быть определен как разовый (а не совокупный) вклад говорящего в акт общения, выделяемый по интенциональному признаку"[20]

Речевые ходы в диалогическом дискурсе могут быть охарактеризованы: 1) по своей позиции в нем (например, инициальный, обрамляющий) и 2) по характеру социально-регулятивного речевого вклада говорящего в интеракцию (например, фокусирующий, поддерживающий, противодействующий, стимулирующий, контролирующий и др.) без определения их содержания. Это вполне закономерно, поскольку диалогический дискурс, особенно обыденный, как правило, не может быть тематически определенным.

Содержательная характеристика речевых ходов в лингвистических описаниях диалогического дискурса не проводится. Это вполне объяснимо с точки зрения жанрового и ситуативного многообразия диалогического дискурса. Классификация, содержательных и коммуникативно-функциональных особенностей речевых ходов в христианской проповеди призвана дать системно-функциональное описание данного вида (жанра) монологического дискурса.

ДИСКУРС АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ПРОПОВЕДИ: ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОВОГО ПОСТРОЕНИЯ С ПОЗИЦИЙ КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Описание содержательных особенностей религиозного дискурса, и, в частности, дискурса христианской проповеди, возможно только с учетом принятия во внимание его направленности, основной ориентации его воздействия на верующих и слушателей в целом, проистекающей из доминирующего в конкретный исторический период понимания религии самими религиозными деятелями.

Папа Иоанн XXIII в своем послании Второму Ватиканскому Собору указал на необходимость переформулирования

доктрины церкви без изменения ее сущности. Таким образом, совершенствование религиозной доктрины христианства было переведено в плоскость логики: возникла потребность провести различие между формой христианской доктрины и ее сущностью, при этом форма признается величиной переменной, а сущность — постоянной. Такая постановка проблемы вызвала необходимость установления сущности доктрины древнего христианства путем выделения ее из соответствующей формы.

Однако установление сущности доктрины древнего христианства представляется некоторым теологам невозможным в силу неразрешимого противоречия, которое лежит в основе самой постановки проблемы[1]. Ход их рассуждений можно представить следующим образом. Доктрина существует только в словах. Если слова, ее составляющие, подвергаются изменению, происходит изменение, пусть незначительное, в самой доктрине. Доктриной является то, чему обучает организация, группа людей или определенный человек. Доктрину составляет то, что сказано тем или иным человеком. Если он говорит что-либо иначе, значит, изменениям подвергается сама доктрина. Определение сущности и формы может предполагать также дифференциацию значения того, что говорится, и смысла того, что говорится. И если правомерен тезис о том, что смысл слов следует искать в задачах, которые они должны решить, установление различий между тем, что мы называем в лингвистике планом содержания и планом сообщения религиозной речи, становится настолько сложным, что оно не может помочь в проведении другого различия — между формой и сущностью религиозной доктрины. Таким образом, делается вывод о том, что верно воспроизвести сущность доктрины христианства — значит говорить то, что говорили древние. Но в этом случае теряется смысл в требовании к теологам формулировать доктрину христианства. Такая задача признается противоречивой по самой своей постановке.

Христианство как доктрина изменялось в ходе истории. Поэтому в современной теологии существует расширительное, операциональное определение христианства как понятия, которое объемлет разнообразные способы мироощущения и поведения, включающие различные способы речевого поведения и понимания жизненных ситуаций[2]. Признанным в последнее время в теологии способом постижения религии является выяснение того, что происходит, когда верующие говорят о том, что они делают. Таким образом, религия в этом понимании является языковой активностью верующих,

в основе которой лежат общие представления о жизни и окружающем мире. В этом случае слово "христианство", как и слово "религия", определяется с помощью теории игры Л.Витгенштейна, которая предполагает, что языковые игры, в которые вступают эти слова, могут не иметь общих черт, но это не мешает верующим их свободно использовать и достаточно однозначно понимать.

В теологической традиции существует несколько подходов к интерпретации религии как речевой активности и самого религиозного дискурса.

К первому подходу относятся утверждения, что религиозные догматы фактуальны по форме, но пусты по содержанию. Например, поскольку слово "Бог" не имеет референта и определение этого слова другими средствами языка, например, как "создателя вселенной", лишь предполагает движение по замкнутому кругу, невозможно понять первое, не поняв второго. Такой подход определяется как теистический и предполагает веру в понятия, которые невозможно определить эмпирически.

Ответом на фактуальный (теистический) подход к религиозному дискурсу было предложение Ф.Шлейермахера и Дж.Уиздома не считать существование Бога предметом экспериментального исследования. Религия в рамках данного подхода рассматривается как приверженность к определенному образу жизни. Второй подход определяется как морализаторский. Религиозный дискурс не может подвергаться процедуре проверки на истинность так, как это проводится с утверждениями в научной области. Доказательством этому должен служить тот факт, что верующие не считают возможным лишиться веры на основании эмпирически-ориентированного анализа религиозных догматов, который доказывает их неистинность. Даже в этом случае верующие считают, что религия во многом объясняет мир, хотя и содержит иррациональные с научной точки зрения положения.

Такой подход предполагает, что в религиозном дискурсе существует класс утверждений, утверждений о морали, которые служат направлению человеческого поведения. Когда верующий говорит о том, что нельзя убивать, он не описывает внешний факт, положение вещей в мире, так же как он не описывает свое внутреннее состояние. Он, как считают сторонники морализаторского подхода, предписывает то, что намеревается делать. Религия не может постигаться разумом и сводится к внутренним пережива-

ниям личности. Таким образом, христианство не предлагает объясняющей схемы, которая может быть проверена или сопоставлена с другими способами познания. Оно предлагает рассказ, который может быть интерпретирован как приглашение к способу жизни. Единственный путь "проверки" такого рассказа — прожить его. Такой подход к религии и религиозному дискурсу видит слово "Бог" включенным в рассказ, функция которого — не описание мира, а установление ориентиров, согласно которым христианин строит свою жизнь. Таким образом, данный рассказ не может рассматриваться как историческое описание истинного/неистинного положения дел, но как истинный/неистинный взгляд на определенный образ жизни.

Более того, форма рассказа не руководит жизнью христианина таким же образом, как мораль руководит действиями того, кто ее придерживается. Рассказ всегда двусмысленен, неопределенен благодаря своей драматизированной форме. Поэтому христиане могут быть привержены к образам того или иного рассказа, но могут сомневаться, каким образом поступить в конкретной ситуации.

Редукционизм данного подхода современная теология рассматривает с позиции религиозной практики, которая показывает, что верующий в религиозном дискурсе желает высказать свое мнение об окружающем мире.

С морализаторским подходом спорит подход к трактовке религии и религиозного дискурса, называемый в теологии квази-метафизическим. Согласно ему, когда христианин утверждает, что Бог — это любовь, что Бог простил нам наши грехи в Иисусе Христе, он по крайней мере пытается сказать нечто о ситуации, в которой он находится. Христианство в этом случае предлагает свой взгляд на мир, предвещая и предлагая нечто, проистекающее из Священного Писания, и тем самым вводит верующих в определенный контакт взаимоотношений с миром. Оно организует историю как драму с началом, серединой и концом, к которому она движется. Измерением религии в этом случае является не научное, но человеческое измерение, отвечающее на вопрос: "Каким образом обстоит дело с нами в этом мире?" Ответ на этот вопрос предлагается в библейском рассказе. Если иррациональным является характер рассказов Библии, верующий может лишь утверждать, что именно такой ответ соответствует данному вопросу. Именно поэтому трактовка религии как способа видения окружающего мира, который, как признают теоло-

ги, не может объяснить всего многообразия его проявлений, называется ими квази-метафизической.

Каждый из трех подходов к пониманию религии и толкованию религиозного дискурса или любая их комбинация может лежать в основе религиозной веры.

Однако религиозный дискурс не похож на то, каким образом мы говорим о фактах, морали или метафизике.

Отличительными чертами его смысла, как считает профессор теологии Л.ван Бурен, является воплощение в нем характерных для верующего качеств — надежды на чудо, ожидание таинства, чувства страха[3].

Дискурс, по Т.Винограду, отражает коммуникативную ситуацию, включающую сознание коммуникантов (говорящего/говорящих), (слушающего/слушающих) и текст, который создается в процессе коммуникации[4].

Говорящий в религиозном дискурсе традиционно играет социальную и коммуникативную роль проповедника, слушателями являются верующие, а основной текст, порождаемый в религиозном дискурсе, имеет форму проповеди. Коммуникативно-функциональный анализ дискурса проповеди производится путем распредмечивания соответствующего текста как информационного следа коммуникативного события, включающего речевую активность говорящего, который, в свою очередь, строится с учетом фактора конкретной аудитории верующих. Мы не касаемся проблем понимания религиозного дискурса верующими, поскольку это является объектом исследования психологии и психолингвистики.

Коммуникативно-функциональный анализ религиозного дискурса в нашем понимании предполагает описание взаимозависимостей его структурных, семантических и прагматических особенностей. Такое описание предполагает не только перечисление статических характеристик дискурса как структуры языковых элементов различных уровней, но и анализ его динамических особенностей в терминах стратегий, которые были применены в нем проповедником. Данные стратегии представляют системные обобщения способов речевой деятельности проповедника, которые были созданы и совершенствовались в ходе развития истории проповедничества и его практики в течение многих столетий.

Какова основная цель религиозного дискурса? Со времен раннего христианства, и особенно после Реформации, пропо-

ведь занимает в литургии центральное место. Проистекая от комментариев касательно чтения Писания в раннехристианской литургии, проповедь первоначально имела изъяснительный характер (англ. expository sermon). Ее изъяснительная функция свидетельствует о ведущей роли проповеди в евангелизации слушателей. Согласно теологическому учению сущностью евангелизации является утверждение и изъяснение христианских истин: "Постоянно призывать людей "прийти к Христу" и непрестанно повторять слова апостола Павла тюремному надсмотрщику: "Поверь в Господа Иисуса Христа"[5].

Иными словами, евангелизация предполагает распространение христианской веры. Ж.Кальвин дал следующее определение христианской веры: "Вера является твердым и непоколебимым знанием о существовании божественной благодати по отношению к нам, основывающейся на истине надежды на спасение, данной через Иисуса Христа, и открытой нашим умам и запечатленную в наших сердцах Святым Духом"[6].

Распространение определенного знания и в том числе христианской веры, которая признается таковым христианской церковью, предполагает его специфическую организацию на различных уровнях дискурсивной семантики и прагматики. Смысловая структура любого текста состоит, с точки зрения семиотики, из различных комбинаций смысловых слоев:

1. Я — Я — внутренние автокоммуникации личности.

2. Я — ТЫ — взаимоотношения личности с другим человеком.

3. Я — МЫ — взаимоотношения личности с обществом и общественными группами (с народом, нацией, государством, классом, коллективом и т.д.).

4. Я — ВСЕ МЫ — взаимоотношения личности с человечеством.

5. Я — ВСЕ — взаимотношения личности с природой.

6. Я — ВТОРОЕ ВСЕ — взаимоотношения личности со второй природой, с рукотворной материальной средой, созданной трудом человека.

7. Я — ТРЕТЬЕ ВСЕ — взаимоотношения личности с духовной культурой.

8. Я — ВСЕОБЩЕЕ ВСЕ — взаимоотношения личности со Вселенной[7].

Мы считаем, что религиозный дискурс с точки зрения построения смысла характеризуется доминированием по-

следнего смыслового слоя "Я — ВСЕОБЩЕЕ ВСЕ". При этом "ВСЕОБЩЕЕ ВСЕ" имеет значение "БОГ". Мы попытаемся доказать, что доминирование данного уровня характерно для всех уровней семантической структуры дискурса: 1) понятийного, 2) пропозиционального и 3) композиционного. Мы также сделаем попытку показать, что существует несколько изоморфических функций семантических стратегий, использующихся на каждом из этих уровней, которые играют основную роль в формировании прагматической значимости религиозного дискурса.

На концептуальном уровне построения семантики дискурса христианское вероучение выступает в качестве особой разновидности знаний об окружающем мире, которое организует индивидуальное знание верующего преимущественно на основе общих понятий повседневного употребления. Знаменательно, что христианская религия, в отличие от других религий или науки, не изобретает специфических терминов для описания своего объекта, но употребляет широко используемые слова путем специальной трансформации их понятий. Это — путь изменения индивидуального знания верующего изнутри. Мы можем утверждать, что смысловая структура большинства наиболее употребляемых человеком слов для христианина увенчивается первым, религиозным значением. Достаточно привести пример смысловой структуры слова "любовь", центрального для христианской веры. Для христианина первым значением слова "любовь" является "любовь к Богу", все другие разновидности "любви" являются вторичными, выводятся из любви к Богу и сравниваются с ней путем указания на их подчиненность по отношению к первой.

Религиозный дискурс стратегически ориентирован на описание первого, религиозного значения обыденных слов. Понятие "любовь" в христианстве, как и многие другие, глубоко разработано и описано на основе Священного Писания. Например, Х.Пикеринг дает следующее описание христианского понимания любви:

1. THE OBJECTS OF GOD'S LOVE: a) The World; b) Men of all races; c) Men of all classes.

2. THE CHARACTER OF GOD'S LOVE: a) a pardoning love (Isa. 55. 7); b) a chastening love (Heb. 12. 6); c) a sympathising love (Isa. 63. 9); d) a longsuffering love (2 Peter 3. 9); e) a selfsacrificing love (John 3. 16).

3. OUR TREATMENT OF GOD'S LOVE: a) accepting His Love, Eternal Life; b) rejecting His Love, perish — incurring (1)

awful guilt; (2) loss of Eternal Life (John 5. 40); (3) awful punishment (Heb. 10. 26).

(H.Pickering. One Thousand Subjects for Speakers and Students, p. 140).

The love of God: 1) unmerited in its Object, — world, sinners (1 John 4. 10); 2) unsought in its Action, — God so loved (Rom. 5. 9); 3) universal in its offer, — whosoever; 4) unbounded in its gift, — only begotten Son (Rom. 8. 32); 5) unfathomable in its depth, — so (Eph. 3. 18, 19); 6) unbroken in its Ministry, — shall not perish (Rom. 8. 39); 7) unending in its Character, — everlasting (Jer. 31. 3).

(H. Pickering. One Thousand Subjects for Speakers and Students, p. 138).

Мы можем назвать эту стратегию, доминирующую на понятийном уровне построения семантики религиозного дискурса, стратегией применимости. Обобщенно говоря, она предусматривает целенаправленную трансформацию понятийной структуры слова без изменения его формы. Это позволяет проповеднику путем наполнения новым содержанием "обычных", и в то же время играющих ключевую роль для мышления человека, слов полностью менять картину видения мира верующим.

На пропозициональном уровне христианское вероучение как разновидность знания может быть описано в виде суперфрейма, на вершине которого находятся пропозиции, выражаемые предложениями, названными Гегелем "философскими".

Иными словами, основанием веры, в частности христианской, являются убеждения (англ. creeds), которые в плане языкового выражения не могут иметь иной формы, нежели так называемое философское предложение. Гегель показал, что философское предложение лишь по форме является суждением, то есть придает некий предикат некоему понятию, образующему логический субъект. В содержательном плане философское предложение не переходит от понятия-субъекта к другому понятию, которое приводится в связь с этим субъектом, но высказывает в форме предиката истину субъекта. Предложение "Бог — един" не значит, что быть единым есть свойство Бога, но что сущность Бога состоит в том, чтобы быть единством. Процесс определения, называемый Гегелем "движением" определения, не поставлен применительно к философскому предложению на твердый базис, образуемый субъектом, в понятийном мышлении. Субъект в философском предложении не определяется как это и также как то, в

одном отношении так, в другом — иначе, что свойственно понятийному мышлению. Движение определения в понятийном мышлении, состоящее в том, чтобы выходить за пределы субъекта предложения, "задерживается в своем течении и "испытывает", так сказать, ответный удар. Начиная с субъекта, как если бы последний все еще служил основанием, оно видит (поскольку скорее предикат есть субстанция), что субъект перешел в предикат и тем самым снят, и поскольку, таким образом, то, что кажется предикатом, стало цельной и самостоятельной массой, мышление не может свободно блуждать, а задерживается этой тяжестью[8]. Спекулятивное предположение, означающее у Гегеля противоположность повседневному опыту, не высказывает что-то о чем-то, но дает выражение единству понятий. Таким образом, в философском предложении форма предложения разрушает саму себя.

Название "философское предложение" в диалектике Гегеля и позднее в "философии жизни" и современной герменевтике имеет прямую связь с иррационализмом. Антропологические философские концепции в той или иной мере всегда противопоставляли философию науке так же, как противопоставляет себя науке религия, считая, что философия, религия, поэзия находятся в совершенно другом строе духовного бытия, нежели наука[9]. В этом понимании "философское предложение" может быть названо "религиозным предложением" применительно к дискурсу проповеди.

Неопределимость представления "Бог" и связанных с ним других религиозных представителей не есть ущербность религиозного дискурса, как она видится с позиций анализа нерелигиозной речевой деятельности — научной или обыденной. Это — условие существования религии через определенный, свойственный лишь религиозному сознанию вид речевой деятельности, фундамент мистического восприятия окружающего мира верующим и своего положения в нем. То, что вполне правомерно рассматривается в атеистической философии как иррациональность и ненаучность религии, есть важнейшее условие ее существования и воздействия, прежде всего речевого, на личность слушающего. Поэтому содержание слова "Бог" в религиозном дискурсе выступает не в качестве понятия, а в качестве представления. Представление "Бог" является в суперфрейме религии терминальным, центральным узлом и не может характеризоваться ни родо-видовым (интенсиональным), ни перечислительным (экстенсиональным) определениями.

Экстенсиональная и интенсиональная неопределимость представлений, составляющих план содержания основных религиозных слов (Бог, Воскресение, Троица и др.) — языковая предпосылка и ключевая особенность религиозной веры, важнейшая характеристика понятийного, точнее, в силу сказанного выше, "представленческого" уровня организации плана содержания религиозного дискурса.

Семантические особенности понятийного уровня организации дискурса неизбежно влекут за собой особенности построения содержания дискурса на уровне пропозициональном.

Доминирующим способом определения религиозных понятий-представлений становятся процессуальная дефиниция, которая используется для описания божественных деяний, и нестрогая квалитативная дефиниция божественных качеств, проистекающих из таковых деяний.

Конечной инстанцией дискурса проповеди, в отличие от нерелигиозного дискурса, является не понимание, а вера слушающего (адресата) в излагаемое проповедником. Понимание входит в интенциональный потенциал речевых ходов изъяснения проповеди, но в конечном итоге подчинено подведению верующего к представлениям, образующим философские предложения, которые представляют собой догматы религии.

Философские предложения, своей языковой формой направленные на предписание истинности входящим в них представлениям, вполне естественно используются в христианской религии как способ изложения догматов — вершины фрейма религиозного учения. Истинность догматов не может быть доказана эмпирическим путем. Закономерно, что в этом случае используется языковая форма, исходно предназначенная для предписания истинности входящим в нее представлениям.

Конечной речевой целью (интегративной интенцией) проповеди является перевод излагаемой проповедником информации о мире в мнение самого верующего. Если рассматривать знание как объективированное опытом человечества понимание окружающего мира, а мнение — как субъективное представление отдельного человека о нем, то религия стремится создать соответствующее ее догматам мнение у верующего о мире. Такое мнение в силу известных особенностей религиозного учения должно характеризоваться не пониманием, а верой. Теология ставит в заслугу религии то, что, с ее точки зрения, в отличие от науки религия стремится

дать ответ на вопрос: "Каково место каждого из нас в окружающем мире?" Поэтому в конце проповеди нередко наблюдается использование речевых актов-интимизаторов типа "Do you want to have a brother in Heaven?" Такие речевые акты можно рассматривать как подытоживающие сигналы речевого продуцирования мнения-веры, переводящие изложенное ранее проповедником в мнение всей религиозной общины и каждого верующего.

Осуществление смысла, свершение речи, взаимопонимание и понимание, опосредованные языком, несут в себе нечто спекулятивное. Х.-Г. Гадамер утверждает, что эти процессы спекулятивны потому, "что конечные возможности слова подчинены разумеемому смыслу как своего рода направленности в бесконечное"[10]. Здесь уместно вспомнить ключевую мысль работы теолога П.М. ван Бурена "Пределы языка" о том, что язык религии — это пограничная область, край языка: религия, наряду с юмором, поэзией и метафизикой, продвигает слова к пределам ограничений, накладываемых конвенциями их употребления[11].

Применительно к религиозному дискурсу можно говорить о том, что вера в нем зиждется на таинстве, на мистичности, без которых она перестает быть религиозной, и, равно, без интегративной конечной интенции утверждения в вере слушающего невозможен дискурс религиозной проповеди.

Таким образом, ведущей стратегией на пропозициональном уровне построения семантики религиозного дискурса является приоритетность антиспекулятивного, религиозного способа представления смысла в центральных (терминальных) пропозициях суперфрейма.

Для построения нетерминальных пропозиций христианского вероучения, например, для пропозиций, организующих проповедь, гомилетикой были выработаны общие принципы, которые могут быть сведены к следующему: "Пропозиция не должна выражаться более чем одним предложением, чтобы не иметь громоздкой формы и не ставить перед проповедью невыполнимую задачу. Слова такого предложения должны быть тщательно подобранными и запоминающимися, оно должно содержать минимум прилагательных и наречий. Выбирайте существительные и глаголы, которые делают предложение сильным, но, что особенно важно, добейтесь того, чтобы оно отражало Вашу интуицию наиболее понятным образом. Например, пропозиция для проповеди, посвященная Посланию к римлянам, может быть сформули-

рована следующим образом: "Христианин преодолевает любое зло победой любви"[12].

Что касается композиционного уровня построения семантики религиозного дискурса, в гомилетике было разработано функционально-смысловое деление проповеди. Их отличительной особенностью является то, что все они непременно содержат следующие функционально-смысловые части (разделы): 1) чтение Писания; 2) призывание/молитву; 3) пропозицию (тезис) и связанное с ней разделение, указывающее и называющее составляющие части проповеди.

С точки зрения современной лингвистики, пропозиция (тезис) и разделение составляют метатекст в тексте проповеди, т.е. текст о последующем/предыдущем тексте проповеди. Таким образом, мы можем утверждать, что доминирующей стратегией на композиционном уровне построения семантики религиозного дискурса является структурирование его содержания.

Теперь, когда нами описаны доминирующие стратегии основных уровней построения семантики религиозного дискурса, а именно: применимость, приоритетность религиозного смыслового слоя и смысловое структурирование, необходимо отметить, что каждый из указанных уровней построения семантики религиозного дискурса имеет, наряду с одной из вышеуказанных стратегий в качестве доминирующей, две другие как подчиненные. Следовательно, существует определенный изоморфизм указанных стратегий.

Предлагаем различать жанровые и авторские стратегии построения семантики религиозного дискурса. Первые характерны для построения семантики любого текста, относящегося к определенному речевому жанру дискурса, например, дискурса проповеди. Авторские стратегии, как и следует из их названия, отражают индивидуальные особенности речевой деятельности автора текста. Они представлены в каждом конкретном случае арсеналом семантических стратегий, тактик и приемов, используемых проповедником.

Рассматриваемые в данном разделе стратегии построения семантики религиозного дискурса относятся к разряду жанровых, т.е. характеризующих в той или иной мере любую проповедь. В целом следует отметить, что каждый из уровней построения семантики религиозного дискурса имеет, наряду с доминирующей жанровой стратегией, две другие, подчиненные первой. Иными словами, существует изоморфизм в наличии всех указанных жанровых стратегий на каждом из

уровней построения семантики религиозного дискурса. При этом различие между уровнями определяется доминированием одной из жанровых стратегий, характерным именно для него.

Ведущей жанровой стратегией построения семантики религиозного дискурса является приоритетность религиозного смыслового слоя, реализующегося в отношении "Я — ВСЕОБЩЕЕ ВСЕ (БОГ)", доминирующем на пропозициональном уровне. Что касается понятийного уровня семантики религиозного дискурса, то структуру значения каждого из используемых в нем ключевых слов венчает такое же смысловое отношение в качестве первичного. На концептуальном уровне сходная функция выполняется призыванием или молитвами, которые размещаются на наиболее важных информационных позициях текста — в начале и в конце проповеди. Блок речевых ходов, передающих основное содержание проповеди, как правило, открывается чтением из Святого Писания и/или истолкованием какого-либо положения, содержащегося в нем. Кроме того, религиозная аргументация использует в качестве основного средства цитирование Библии.

Вторая жанровая стратегия построения семантики религиозного дискурса направлена на очевидное для адресата структурирование его смысла. Данная стратегия является доминирующей на композиционном уровне дискурсивной семантики. Результат ее применения — использование таких речевых ходов, как *тезис* (иногда называемый в гомилетике словом "пропозиция", не совпадающим с лингвистическим его пониманием), и, в особенности, *разделение*, в качестве композиционных частей проповеди.

На понятийном уровне дискурсивной семантики данная стратегия проявляется в религиозном изъяснении и толковании (экзегетике) слов, используемых в проповеди. На пропозитивном и межпропозитивном уровнях семантики религиозного дискурса данная жанровая стратегия реализуется в широко используемом лексико-синтаксическом маркировании семантических отношений между пропозициями и внутри них.

Третьей жанрово-семантической стратегией, сокращенно называемой нами применением, является направленность содержания религиозного дискурса на трансформацию системы индивидуальных смыслов адресата (верующего). Она доминирует на понятийном уровне и обеспечивается трансформацией семантических структур слов повседневного употребления в специализированные религиозные понятия.

На пропозициональном уровне стратегия применения проявляется в придании всем нетерминальным ключевым пропозициям проповеди (например, тезису, подтезисам) наиболее ясной, запоминающейся для верующего формы речевого выражения.

На композиционном уровне применение, как указывалось выше, может выступать даже в качестве речевого хода (композиционного раздела проповеди) или интегрируется в один из других типов.

В средние века гомилетика служила повседневным руководством для проповедников, облегчающим их работу. Со времени Реформации в обществе, отделившемся от римско-католической церкви, протестантам были созданы новые условия для проповедничества, которые вызвали к жизни развитие гомилетики и способствовали появлению новых гомилетических теорий и руководств.

Известно, что в лютеранстве проповедь стала играть значительно большую роль по сравнению с той, которая была отведена ей в римско-католической церкви. Религиозно-поэтический элемент, широко представленный в римско-католическом богослужении, потребовал замены сдержанностью в протестантском богослужении, отличающемся бóльшим аскетизмом. Этому послужило расширение роли дидактического элемента — проповеди.

В лютеранском богослужении проповедь стала главной составной частью. Следовательно, ее совершенствованию начало уделяться больше внимания. Кроме этого, Лютер отказался от многого из римско-католической догматики. Его проповеди были направлены на обвинение католицизма в отступлении от первобытного, истинного, по его мнению, христианства, искаженного папистами, и посвящены изложению его нового религиозного учения, которое представлялось в проповедях как восстановление такого истинного христианства. Функции защиты, утверждения и распространения протестантизма были возложены на самую пригодную для этого составную часть богослужения — проповедь.

Схоластическая средневековая проповедь отличалась тяжелой формой, длинными приступами, обилием делений и подразделений, придающими сухой, назидательный характер изложению и скорее затрудняющими, чем облегчающими для слушателей усвоение ее содержания.

Для средневековой схоластической проповеди были характерны натянутость, искусственность доказательств, использование вопросов, не относящихся к теме проповеди, не

понимаемых народом, приведение в проповеди, по обычаю схоластических диспутов, мнений светских авторитетов. Представители протестантства осуждали также излишнее пристрастие к легендам и замысловатым рассказам, заимствованным из недостоверных источников. Смысл таких рассказов отличался более остроумием и замысловатостью, чем назидательностью, и привлекались они скорее с целью развлечения, а не поучения слушающих.

В борьбе против папизма Лютер, ратуя за возвращение к первобытному христианству, восстановил древнехристианскую омилию (иное название, пришедшее из латыни, — постилла), которая была господствующей формой проповеди в первые века христианства. Ее сущность заключалась в изъяснении Священного Писания. Из проповеди были изъяты предания, а единственным источником христианского вероучения была признана Библия.

Средневековые проповедники обращали мало внимания на тексты Священного Писания. Они создавали проповеди на отрывки из этих текстов, черпая их в перикопиях или зачалах, приуроченных к тому или иному дню церковного года.

Лютер не создал отдельной гомилетической теории. Он высказывал свои взгляды на построение проповеди от случая к случаю. Главным источником, из которого его последователи черпали суждения о его взглядах на проповедь, послужили его "Застольные беседы". Основным требованием Лютера к содержанию проповеди была ее простота, доступность всякому необразованному человеку, отсутствие мудреных рассуждений. В церкви, как дома, считал он, следует говорить на простом отечественном языке, не употреблять иностранных слов. Лютер указывал на пример апостола Павла, который не говорил таких высоких и пышных речей, как Демосфен или Цицерон, но беседовал просто и ясно[13]. Он подчеркивает обиходный, крестьянский характер используемых в Библии сравнений — на темы земледелия, виноградарства, пастушества и др.

Следующим условием, необходимым для построения доходчивой проповеди, Лютер считал единство темы. В то же время он указывал на необходимость изменения содержания проповеди применительно к обстоятельствам, потребностям и настроению слушателей.

Простота проповеди, по мнению Лютера, должна была сочетаться с четкостью ее изложения, с соблюдением определенных закономерностей изложения материала: 1) определения предмета проповеди; 2) его описания; 3) иллюстрации и

аргументации излагаемого примерами из Писания, их пояснения; 4) украшения проповеди сравнениями и другими риторическими приемами.

Замечания Лютера о произношении проповедника сводятся к указанию на необходимость медленного чтения проповеди. Этим можно достигнуть более внимательного и обдуманного изложения своего учения проповедником. В то же время это удобно и слушателям. Лютер приводит слова Сенеки о Цицероне, который всегда медленно произносил свои речи и как бы в сердце клал слова свои.

Лютер обращал внимание также на явления, называемые в современной лингвистике кинесическими: движения, сопровождающие речь говорящего. На церковной кафедре не следует бегать, неуместна для проповедника и излишняя жестикуляция.

Лютер указывал, что оставил свое прежнее увлечение аллегориями, тропами и аналогиями и считает своим достоинством умение передавать Писание доходчиво, ибо буквальный смысл содержит учение, силу и искусство.

В целом вся сущность гомилетических воззрений Лютера сводится к соблюдению простоты проповеди. Однако, несмотря на отрывочность замечаний Лютера о науке проповедования, им придается большое значение в протестантской церкви, с учетом исторической роли зачинателя реформации.

К недостаткам омилии Лютера теологи относили ее односторонность: всецелую прикованность к тексту Писания. Это порождало излишнюю объективированность, выспренность проповеди, обращавшейся преимущественно к изъяснению духа и буквы Библии и лишь изредка снисходившей к области низшей — мирской жизни с заботами, чувствами и страстями людей. Омилия Лютера стала в гомилетике синонимом аналитической беседы пастыря с верующим.

Создание синтетической проповеди в лютеранстве гомилетика приписывает ближайшему сподвижнику в Реформации — Филиппу Меланхтону. Из пяти частей, на которые делилась риторика в античности (об изображении, расположении, изложении, памяти и произношении), Меланхтон излагал правила касательно первых трех. Память он не считал зависящей от искусства красноречия, а произношение советовал развивать на примере подражания лучшим ораторам.

Меланхтона относят к гомилетам, поскольку свои работы по риторике он иллюстрировал примерами из религиозной

области, а также потому, что его работы оказали существенное влияние на протестантское проповедничество в целом.

В зависимости от приверженности аналитической или синтетической проповеди, гомилеты XVI века образовали два направления: лютеран и меланхтониан.

В трактате "О дидактическом роде речей", поясняя методы раскрытия материй (содержания проповеди), Меланхтон указывал, каким образом по выделяемым им категориям (определения, разделения, причины, действия) можно проводить понятия добродетели, покаяния, веры. По его мнению, духовная речь, проповедь, должна строиться по канонам риторики и в риторических терминах она подразделяется на приступ, разделение, исследование и приложение.

Смешение церковного красноречия со светским ставилось в вину Меланхтону теологом протестантства конца XIX века профессором богословия Марбургского университета Ахелисом[14], который обвинял Меланхтона в том, что риторический элемент в его трудах преобладает над элементом гомилетическим, поскольку раскрываемые в нем правила являются видоизменением учений древних риторов, созданных во времена, когда церковное красноречие еще не существовало, как не существовала и христианская церковь. Для теологов в целом характерно стремление придать особый статус церкви, богослужению, проповеди и, соответственно, — гомилетике как самостоятельной науке, имеющей свой, особый объект изучения — проповедь, свои собственные понятия, описывающие его.

Однако тесную связь гомилетики с риторикой отмечали как теологи и гомилеты церкви, так и независимые исследователи проповедничества. И дело здесь не только в том, что объект исследования риторики и гомилетики общий — речевая деятельность и ее совершенствование. Связь гомилетики с риторикой исторически обусловлена. Риторика, оформившаяся уже в античности как обобщающее направление писания всех видов и родов ораторской речи, к моменту создания христианских проповедей III–IV веков, считающихся классическими, представляла ведущую и, по существу, единственную теорию ораторского искусства, теорию с вполне разработанным по тем временам теоретическим аппаратом и обширными традициями практического использования.

В истории гомилетики теологи протестантизма среди авторов XVI века главную роль отводят профессору богословия Марбургского университета Андрею Герарду Гиперию[15]. Ги-

перий признает, что в обязанностях и деятельности проповедника много общего с оратором. Речевая деятельность оратора и проповедника определяется принятыми в риторике терминами: изобретение, расположение, изложение, память и произношение.

Все, что нужно знать проповеднику о расположении, изложении и памяти, он должен почерпнуть из риторик. В произношении нет нужды учиться у светских ораторов, поскольку в церкви должно соблюдать больше приличности и важности, чем на форуме. Главное внимание Гиперий обращал на изображение: в этом пункте проповедник должен трудиться более, чем оратор, и этим он от оратора отличается. Светская риторика учит тому, как нужно составлять речи и действовать оратору, гомилетика излагает то, что проповедник предлагает слушающим. В первом случае главное форма, во втором — материя (сущность).

Цель проповедничества, по мнению Гиперия, та же, что и ораторской деятельности: учить, нравиться, трогать. В проповеднической деятельности должны использоваться классические риторические трактаты о трех родах слога, учения об искусстве разнообразить речь посредством тропов и фигур.

Гиперий впервые указывает отличные от выделявшихся в то время в риторике виды речей (проповедей). Риторика разделяла красноречие на три рода: показательное или панегирическое, совещательное и судебное. Эти же роды речей отмечала и гомилетика в духовном красноречии, находя здесь подобие и судебного красноречия.

Считая апостола Павла корифеем всех проповедников, Гиперий положил в основу деления церковного красноречия на роды изречение апостола Павла во втором послании к Тимофею: "Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности" (2 Тим.III, 16). Соответственно, Гиперий указал пять родов проповедей: учительный, обличительный, наставительный или воспитательный, исправительный и утешительный. Это деление не стало общепринятым, но после Гиперия не раз повторялось в сочинениях гомилетического содержания.

Главное внимание Гиперий рекомендовал проповеднику обращать на материю (содержание) проповеди. С этого он начинал изложение гомилетических законов. Выбор материи проповеди предопределяется тремя обстоятельствами: ее 1) полезностью, 2) легкостью и 3) необходимостью.

Отмечая, что для проповеди полезно все евангельское учение, Гиперий указывал следующие основные темы, которые нужно предлагать народу:

— чем питается вера;

— чем побуждаются люди к любви и к добрым делам;

— чем утверждается наша надежда.

Человек в проповеди принимается во внимание не только в делах и обязанностях жизни настоящей, но и в ожидании жизни будущей. Гиперий при этом подробно разъяснял понятия веры, любви и надежды на материале Священного Писания.

Второе требование — легкость, понятность для всех слушающих: людей, большей частью простых и неученых, а если и ученых, то малосведущих в церковном учении.

Необходимостью методики проповеди Гиперий называл ее приличие месту и времени, состоянию и духовным нуждам народа: у иных народов одни пороки, у других другие, в одном городе господствуют заблуждения, которые не известны в другом, в одном месте ведутся религиозные споры, в другом — царит спокойствие. Разные обстоятельства (война, голод, болезни и т.п.) вызывают к жизни различные проповеди.

От формы проповеди Гиперий требовал: 1) краткости: народ должен без скуки и утомления слушать проповедника, легче удерживать в памяти услышанное; 2) проповедь должна быть изложена ясно и вразумительно. "Вполне ясно, вразумительно может говорить тот, кто владеет народным языком"[16]; 3) проповедь должна состоять из определенных ("законных") частей, т.е. в ней нужно соблюдать порядок расположения и изложения мыслей.

Андрей Герард Гиперий выделяет семь частей, из которых состоит проповедь: 1) чтение Писания, 2) призывание, 3) приступ, 4) предложение или разделение, 5) доказательство или исследование, 6) опровержение, 7) заключение.

Вначале кратко изложим взгляды Гиперия на особенности вводных частей проповеди — чтения Писания, призывания, приступа и предложения или разделения.

1. *Чтение Писания* предшествовало проповеди и непосредственно соединялось с ней в древней церкви. Его осуществлял обыкновенно чтец, а после него кто-либо ученый и облаченный полномочием восходил на кафедру и изъяснял то, что было прочитано. Этот обычай древняя церковь почерпнула из порядка богослужения в иудаизме.

В церкви должен использоваться язык и вид перевода Библии, который 1) наиболее известен в народе и 2) освящен церковным употреблением.

2. *Призывание* в нынешней проповеднической практике не является необходимой частью или принадлежностью проповеди и употребляется весьма редко. В проповеди средневекового, схоластического периода призывание было неизменной частью, в которой проповедник просил себе у Бога помощи свыше для достойного совершения церковного слова. Гиперий удерживает эту часть и законность ее доказывает примером Апостолов. Так, по свидетельству Деяний апостольских, Апостолы молились Господу, чтобы он дал им силу "...со всяким дерзновением глаголати слово Его" (Деян. IV, 29).

3. *Приступ* в светском красноречии ставит целью сделать слушателей более внимательными и благосклонными к говорящему. Поскольку предполагается, что слушатели, придя в храм, уже предрасположены выслушать излагаемое священником, то приступ, считает Гиперий, не является обязательной частью проповеди.

4. *Предложение* и *разделение* составляют нераздельную часть. Если вся проповедь посвящена одному предмету, то все содержание проповеди обобщается в одном предложении, называемом в гомилетике также "темой". Если содержание проповеди разбивается на несколько пунктов, то к предложению (теме) присоединяется разделение, в котором указываются все те пункты, о которых будет идти речь.

С позиций современной лингвистики предложение и разделение являются метатекстом в тексте проповеди, введение которого преследует цели внесения порядка в расположение частей проповеди и тем самым облегчения речевой деятельности говорящего (проповедника), с одной стороны, и понимания, усвоения текста проповеди слушателями — с другой.

Требования, предъявляемые к разделению, те же, что и в риторике: 1) небольшое количество членов (частей), редко более трех; 2) названия их должны быть четкими, простыми, раскрывающими природу обсуждаемых предметов; 3) их порядок следования должен определяться соотношением содержания самих частей (членов, разделов) излагаемого в проповеди. Здесь уместно упомянуть о так называемом "естественном расположении предложений" — понятии, используемом в современной семантике дискурса[17]. В своем первичном,

неразработанном виде такое понятие появляется уже в средневековой гомилетике.

5. За указанными ранее вводными частями следует главная часть (*доказательство* или *исследование*), в которой излагается, раскрывается и доказывается избранная и намеченная в предложении и разделении "материя", т.е. содержание проповеди. В риторике такая часть обычно называется исследованием, а у Гиперия она получает название "confirmatio" — утверждение, или доказательство.

Эта часть в наибольшей степени зависит от цели проповеди, которая определяется внешним конкретным положением вещей (место, время, аудитория и т.д.). Род проповеди (утешение, утверждение догмата, увещевание слушателей, побуждение их к определенному делу) требует соответствующих типов доказательств.

Особое внимание Гиперий уделяет типу аудитории. Утверждение (доказательство) будет совершенно различным, если одна и та же тема раскрывается перед богатыми, военными, ремесленниками, земледельцами или в высшей школе.

На примере проповедей Иоанна Златоуста Гиперием рекомендуется дедуктивный путь изложения мыслей: необходимо сначала показывать сущность всего дела, а затем входить в подробности. Если в риториках обращается внимание на расположение доказательств (в первой и последней позициях рекомендуется ставить наиболее сильные из них, а в середине — менее сильные), то Гиперий не считает нужным определять для этого специальные правила, а лишь советует не оставлять доказательство без рассуждения, к которому он относит сравнения и примеры. В доказательство он приводит речи пророков и Иисуса Христа, изобилующие частыми сравнениями и украшенные притчами. В качестве основного источника примеров и сравнений рекомендуется Библия. Лишь изредка допустимо увещевание "от внешних" авторов — приведение сочинений философов, поэтов, и других светских писателей.

Отступления в проповеди — для обличения пороков или для возбуждения слушателей к добродетели — должны приводиться в середине проповеди и вызываться "течением речи", являться как бы непреднамеренными.

Когда исчерпаны все доказательства, можно обратиться к страстям слушающих — это производит более сильное впечатление от всего сказанного.

6. *Опровержение*, по Гиперию, не является непременной частью проповеди. К нему следует обращаться тогда, когда существуют (и известны аудитории) возражения противников положению (теме). Опровержение наиболее действенно, если оно распределено по всему тексту проповеди. Непозволительны в опровержении гнев, ругательства или проклятия. Даже резкое опровержение не так оскорбляет, если заметно, что оно происходит от любви.

7. *Заключение* — последняя часть проповеди, в которой дается краткое повторение сказанного. Могут быть повторены самые сильные доказательства, выведено практическое применение сказанного к слушателям.

В заключении могут также встречаться патетические места, воздействующие на страсти народа к снисканию добродетели. Они могут не быть непосредственно связаны с предложением (темой) проповеди. Часто проповедь заключается просьбой и заклинанием, обращенным к слушателям, чтобы они хранили предложенное им учение — придя домой, повторяли его, передавали и разъясняли его другим, обращали его к исправлению своей жизни.

Проповедник отличается от профессора в школе тем, что он, как оратор, призван воздействовать не только на умы, но и на страсти слушателей с целью достижения "духовных плодов" своей деятельности.

В гомилетических руководствах указываются четыре главные страсти, которые может вызывать оратор: радость, надежду, страх, скорбь. К патетике, возбуждению страстей можно обращаться, по мнению Гиперия, не только в исследовании, но и в приступе, и в заключении, и не только когда подходит к концу обсуждение предмета, но и по ходу речи, когда проповеднику покажется удобным и полезным тронуть души слушателей. В этом отношении проповеднику предоставлена бóльшая свобода, чем оратору, как и во многом другом.

Проповедь открывается речевым ходом "призывание", т.е. молитвой, в которой проповедник испрашивает у бога ниспослания сил и умения произнести успешную проповедь. Как правило, призывание направлено на достижение всех или нескольких иллокутивных целей общения в последующуй проповеди с помощью воли на то Всевышнего. Молитва, согласно современной англоязычной гомилетике, должна выражать 1) поклонение, 2) искреннее раскаяние, 3) благодарение и 4) мольбу.

Руководства по гомилетике предлагают проповеднику наиболее приемлемые молитвы для использования в призывании[18]. Существуют также сборники молитв, рекомендованных руководством той или иной церкви, в которых, наряду с молитвами, приуроченными к церковному календарю, предлагаются также молитвы для проповедника:

He who speaks and those who hear
May the words of my mouth,
and the meditations of all our hearts,
be now and always pleasing in your sight,
O Lord, our strength, and our Redeemer.
(Prayers in church. № 232)

Лингвистические особенности речевого хода "предложение" (иные названия — "тезис"/"пропозиция") были затронуты выше. Для современной проповеди весьма характерно совмещение речевого хода "тезис" и речевого хода "разделение", например, в виде нескольких риторических вопросов, являющихся по своей сути подтезисами проповеди, представляющими слушающему соответствующие разделы содержания проповеди, которые будут составлять ответы на них. Таким образом, слушающий изначально получает представление о структуре содержания проповеди: Who was Jesus of Nazareth? Who is Jesus of Nazareth? Why is Jesus Shrist the very center of Biblical Christianity? (*J.R.W. Stott.* Jesus is Lord. Jesus the man).

Основное содержание проповеди излагается в речевом ходе "доказательство" или "исследование". В современной проповеди зачастую используется прием обрамления каждой из смысловых частей исследования, отражающих тот или иной подтезис его краткой формулировкой, повторяющей соответствующий пункт разделения:

Secondly, Jesus Christ is the very center of Biblical Christianity. The overriding purpose of God's revelation in Scripture is to bear witness to Jesus Christ < ... >

In scripture the word and sacrament belong to one another, and both are signs. The one is a verbal sign, the other is a visual sign and both signs point to Christ. Jesus Christ is the center of Biblical Christianity.(Ibid.).

В конце каждого из разделов исследования может подводиться итог, суммирующий не только непосредственно излагающийся раздел, но и все предшествующие. Таким образом, в завершающем подтезисе каждого из разделов исследования обобщаются все ранее изъясненные подтезисы: The man Jesus died. He was tempted, He suffered, He died. (Ibid.).

Это позволяет присоединить к ним следующий подтезис, назвав его порядок следования в проповеди: Forthly, the man Jesus is our High Priest (Ibid.).

С точки зрения построения плана содержания и плана сообщения проповеди особое место занимает истолкование проповедником религиозных текстов, прежде всего текстов Библии. Ему может быть посвящена вся проповедь или небольшой ее раздел, но по своей значимости именно обращение к тексту Священного Писания и его разбор представляют для аудитории верующих кульминационный, фокусирующий момент проповеди, обладающий наибольшей силой речевого воздействия и реализующийся в речевом ходе "доказательство" или "исследование".

Использование текста Библии может иметь с точки зрения построения плана сообщения проповеди следующие основные функции: 1) доказательную (итогово-аргументирующую) и 2) тематическую (исходно-тезисную).

В первом случае цитата из Библии приводится в качестве основного, как правило, конечного аргумента ранее высказанного тезиса. Такой способ аргументации может быть назван "отсылкой к высшему авторитету — вере" или "апелляцией к сакральному (священному)".

Если с точки зрения классической теории спора апелляция к высшим авторитетам или официальным законам и установлениям образа жизни в обществе является запрещенным приемом, психологической уловкой в речевом общении и называется "доводом к городовому"[19], то для религиозного дискурса обращение к Священному Писанию, к Закону Божьему закономерно является центральным и наиболее авторитетным способом аргументации.

В целом авторитет текста Библии среди верующих и, следовательно, коммуникативная значимость соответствующего раздела дискурса в ситуации произнесения проповеди настолько высоки, что он играет роль, на наш взгляд, не только итогового аргумента, но одновременно и абсолютного, все объясняющего тезиса, синтезирующего предшествующее ему изъяснение (аргументацию) в полной доказательности для верующего-адресата священного текста.

Во втором случае в начале проповеди или какого-либо из ее разделов цитируется текст Библии, а затем проповедник изъясняет его. Такой способ построения содержания проповеди наиболее тесно связан с экзегетикой — богословской дисциплиной, занимающейся истолкованием религиозных текстов, прежде всего текстов Библии. Текст

Священного Писания требует, согласно религиозным представлениям, истолкования в силу своей многозначности, символичности, таинственности и загадочности для познающего его. В рамках экзегетики герменевтика выступает как методологический прием выявления чувственно-буквального, отвлеченно-нравоучительного и идеально-мистического смысла текстов. Расшифровка, проникновение в сущность смысла Библии призваны дать верующему разгадку тайн мироздания и открыть для него пути спасения.

Исторически экзегетика прошла ряд ступеней развития: 1) семантический или этимологический анализ текстов, сводившийся к рассуждению по поводу смысла слов и морализированию; 2) концептуальный анализ, когда предметом изучения выступают не слова, а мысли авторов текста и, наконец, 3) спекулятивную или системотворческую ступень развития, в которой авторитетный текст является лишь поводом для развития автором своих мыслей и философско-теологических настроений[20]. То, что в философии рассматривается в качестве исторических этапов развития экзегетики, может служить названием основных направлений, способов истолкования текста Библии в проповеди, способов, которые не только использовались ранее, но широко применяются для построения современного религиозного дискурса.

Психологическим приемом, позволяющим подчеркнуть незыблемость и неопровержимость библейской аргументации, является персонализация контраргументации. Девальвация контраргумента достигается при этом путем вложения его в уста заведомо неавторитетного автора. Тем самым данный прием противоположен аргументации способом ссылки на авторитет Библии:

Sometime ago I saw a book called "Children's letters to God". It was a collection of letters which a teacher had asked his pupils to write to God expressing their thoughts and feelings. One letter said simply: "Dear Jesus. You are always doing such good things. There must be a trick in it somewhere. Tell me". It was signed: "Your friend Johnny". No, Johnny, there is no trick in it. Jesus truely loves us and the Cross is the one place where we see pure uncalculating love (WOF).

Расположение контраргумента,выражающего негативное отношение к Богу в речи ребенка, создает необходимый контекст для его отрицания в последующей аргументации.

В силу того, что в теологии называется морализаторским аспектом религии и религиозного воздействия, повествование и описание в проповеди служит для верующего своего

рода установкой (моделью) видения мира и нежесткой схемой планирования, проведения и оценки своих дальнейших действий. Таким образом, композиционные формы повествования и описания (сопровождающиеся использованием временной и пространственной контекстуализации) являются, с точки зрения прагматики, косвенными директивами. Очевидно, такая нежесткая установка достигается путем погружения верующих в контекст библейского рассказа:

The greatest good God ever did for man was that he became man himself. Here I shall tell you a story that is relevant to this. There was once a rich man and a rich lady. The lady had an accident and lost one eye, at which she grieved exceedingly. Then the lord came to her and said, "Wife, why are you so distressed? You should not be so distressed at losing your eye". She said, "Sir, I do not mourn because I have lost my eye, I mourn for fear you might love me the less". Then he said, "Lady, I love you". Not long afterwards he put out one of his own eyes, and going to his wife, he said, "Lady, so you may know I love you I have made myself like you; now I too have only one eye". This is like man who could scarcely believe that God put out one of his own eyes and assumed human nature. (Pilkington E. Learning to pray).

И чем художественнее форма представления рассказа, тем больше иллокутивная (речевоздействующая) сила соответствующего речевого хода на слушающих. Поскольку данный прием речевого воздействия может быть применен в различных речевых жанрах, название его интегративной иллокутивной функции может быть определено как "художественный директив".

Итоговое повторение тезиса и подтезисов проповеди проводится в речевом ходе "заключение". Речевоздействующий потенциал заключения весьма велик в силу того, что в предыдущих разделах проповеди для выражения тезиса и подтезисов неоднократно использовались лексико-синтаксические структуры, параллельные или во многом идентичные тем, которые должны употребляться в заключении.

Хорошо отложившиеся в памяти слушателя, многократно повторенные в течение проповеди тезис и подтезисы создают условия для применения проповедником приемов, основывающихся на неожиданной переакцентировке положений тезиса и подтезиса, новом выделении наиболее значимых их моментов. Группу данных приемов, по аналогии со сходным ритмическим явлением в джазовой музыке, можно назвать тематическим синкопированием:

In order to save us from our sins He had to die on the cross, but He could't die unless He became man. In order to be our High Priest He had to be our representative before God, but He couldn't be our representative if He didn't become man. Then, in order to exercise dominion He had to be crowned with glory and honour and fulfil the prophesy about man, and therefore He had to become man. (*J.R.W. Stott.* Jesus is Lord. Jesus the man).

В основном проповедь направлена на включение верующего в контекст описываемых в ней событий, внесение их в его личный опыт. В то же время в проповеди широко используется речевоздействующая сила аргументации, опирающаяся в первую очередь на авторитет Библии и на использование вышеописанных стратегий, тактик и приемов эксплицитного выражения семантических межпропозициональных отношений. В кульминационных точках дискурса проповеди находит применение прагматическая речевоздействующая сила в виде прямого обращения/призывания проповедника к верующим совершить определенное действие. Комбинация данных сил придает многоплановый характер интегративной коммуникативной силе проповеди, создает необходимые гомилетические предпосылки успешности речевого воздействия в религиозном дискурсе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВВЕДЕНИЕ

[1] *Звегинцев В.А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.

ОСНОВНЫЕ ОБЩЕНАУЧНЫЕ ПОНЯТИЯ ЛИНГВИСТИКИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

[1] *Постовалова В.И.* Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В.Гумбольдта. М., 1982.

[2] *Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984; *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960; *он же. Л.В.Щерба, В.Гумбольдт* // Теория языка, методы его исследования и преподавания. Л., *1981; он и же.* О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта // *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984; *Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности. М., 1965; *он же.* Психолингвистика. М., 1967; *он же.* Объект и предмет психолингвистики и ее отношение к другим наукам о речевой деятельности // Теория речевой деятельности. М., 1968; *он же.* Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969; *он же.* Речевая деятельность // Основы теории речевой деятельности. М., 1974; *он же.* Деятельность, сознание, язык // Вопр. философии. 1977. №12; *он же.* Деятельность и общение // Там же. 1979. №1; *Сорокин Ю.А.* Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985; *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М.* Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979; *Тарасов Е.Ф.* Тенденции развития психолингвистики. М., 1987; *Шахнарович А.М., Голод В.И.* Когнитивные и коммуникативные аспекты речевой деятельности // Вопр. языкознания. М., 1986. №2.

[3] *Щедровицкий Г.П.* Проблемы построения системной теории сложного "популятивного" объекта // Системные исследования. М., 1975.

[4] *Смирнов В.А.* Логические методы анализа научного знания. М., 1987.

[5] *Beaugrande R. de.* Text linguistics in discourse studies // Handbook of discourse analysis. London, 1985. P. 49.

[6] *Dijk T.A. van, Kintsch W.* Strategies of discourse comprehension. New York, 1983.

7 *Beaugrande R. de.* Text linguistics in discourse studies. P. 53.

[8] *Лосев А.Ф.* В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. М., 1989. С. 32.

[9] *Сидоров Е.В.* Личностный аспект речевой коммуникации и текста // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989. С. 24.

[10] *Лосев А.Ф.* В поисках построения общего языкознания как диалектической системы. С.32.

[11] Там же.

[12] *Тарасов Е.Ф.* Проблемы анализа речевого общения // Общение. Текст. Высказывание. М., 1989. С. 33.

[13] *Мороховский А.Н.* Слово и предложение в истории английского языка. К., 1980.

[14] *Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В.* Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубеж. лингвистике. М., 1985. Вып. 16.

[15] *Почепцов О.Г.* Основы прагматического описания предложения. К., 1986.

[16] *Демьянков В.З.* "Теория речевых актов" в контексте современной зарубежной лингвистической литературы // Новое в зарубеж. лингвистике. 1986. Вып. 17.

[17] *Почепцов О.Г.* Основы прагматического описания предложения.

[18] *Сусов И.П.* К предмету прагмалингвистики // Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин, 1983. С. 3–15.

ДИСКУРС — ЦЕНТРАЛЬНАЯ ИНТЕГРАТИВНАЯ ЕДИНИЦА РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

[1] *Brown G., Yule G.* Discourse analysis. Cambridge, 1983; *Coulthard M.* An introduction to discourse analysis. London, 1977; *Coulthard M.* An introduction to discourse analysis. London; New York, 1985; *Edmondson W.* Spoken discourse: A model for analysis. London; New York, 1981; *Hoey M.* On the surface of discourse. London, 1983; *Korpimies L.* A linguistic approach to the analysis of a dramatic text. Juvaskyla, 1983; *Pickering W.* A framework for discourse analysis. Arlington, 1978; *Sinclair J. McH., Coulthard R.M.* Toward an analysis of discourse: The English used by teachers and pupils. London, 1975.

[2] *Зернецкий П.В.* Единицы речевой деятельности в диалогическом дискурсе // Языковое общение. Единицы и регулятивы. Калинин, 1987.

[3] *Виноград Т.* Об одном подходе к изучению дискурса // Взаимодействие с ЭВМ на естественном языке. Новосибирск, 1978.

[4] *Кибрик А.Е.* Лингвистические предпосылки моделирования языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.

[5] *Степанов Ю.С.* Имена, предикаты, предложения. М., 1981; *он же.* В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.

[6] *Клаус Г.* Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка. М., 1967.

[7] *Зернецкий П.В.* Динамические аспекты семантики и прагматики дискурса // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989.

[8] *Шатуновский И.Б.* Пропозициональные установки: воля и желание // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. М., 1989. С. 155–167.

[9] *Арутюнова Н.Д.* "Полагать" и "видеть" (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Там же. С. 9.

[10] *Ostman J.-O.* "You know". Amsterdam, 1981; *Schiffrin D.* Discourse markers. Cambridge, 1987.

[11] *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976; *она же.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988; *она же.* "Полагать" и "видеть" (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка; *Апресян Ю.Д.* Тавтологические и контрадикторные аномалии // Там же; *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Там же; *Зализняк А.А., Падучева Е.В.* Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте // Там же; *Петров В.В., Переверзев В.Н.* Прагматика: формальная репрезентация или логическая модель? // Там же; *Шатуновский И.Б.* Пропозициональные установки: воля и желание // Там же.

[12] *Арутюнова Н.Д.* "Полагать" и "видеть" (к проблеме смешанных пропозициональных установок). С. 9.

[13] Там же. С. 12.

[14] *Зализняк А.А., Падучева Е.В.* Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте.

[15] *Vendler Z.* Res cogitans. An essay in rational psychology. Ithaca; London, 1972. P. 49.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СИГМАТИКИ И СЕМАНТИКИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

[1] *Павиленис Р.И.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М., 1983.

[2] *Горский Д.П.* Предисловие редактора книги // *Павиленис Р.И.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. С. 4.

[3] Там же. С. 5.

КОНВЕНЦИИ АРГУМЕНТАЦИИ И МОТИВАЦИИ В РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ

[1] *Зернецкий П.В.* Динамические аспекты семантики и прагматики дискурса // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989 С. 77–81.

[2] *Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В.* Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубеж. лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 23–25.

[3] *Eemeren F.H. van, Grootendorst* R. Speech acts in argumentative discussions. Dordrecht; Cinnaminson, 1984. P. 54.

[4] *Поварнин С.И.* Искусство спора: О теории и практике спора. Пг., 1923.

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА ДИСКУРСА

[1] *Колшанский Г.В.* Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984; *Мороховский А.Н.* Слово и предложение в истории английского языка. К., 1980; *Старикова Е.Н.* Проблемы семантического синтаксиса. К., 1985.

[2] Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения. К., 1986.

[3] *Максимов С.Е.* Структурно-семантические и прагматические особенности текста международного договора: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. К., 1984.

[4] *Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

[5] *Beaugrande R. de.* Text, discourse and process: Toward a multidisciplinary science of texts. London, 1980. P. 77.

[6] *Степанов Ю.С.* Имена, предикаты, предложения. М., 1981.

[7] *Сильдмяэ И.* Гносеологическая структура текста и знаний // Уч. зап. Тартуск. ун-та. 1980. Вып. 519; Ис-

кусственный интеллект. Знания и мышление. Когитология. Тарту, 1989.

[8] *Сильдмяэ И.* Искусственный интеллект. Знания и мышление. Когитология.

[9] Там же.

[10] *Dijk T.A. van.* Text and context. London; New York, 1977. P. 104.

[11] *Горский Д.П.* Определения, их виды и правила // Логика научного познания. Актуальные проблемы. М., 1987. С. 141.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПРОПОЗИЦИЯМИ В ДИСКУРСЕ

[1] *Почепцов Г.Г.* Предложение // *Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г.* Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981. С. 269; *Почепцов О.Г.* Основы прагматического описания предложения. К., 1986. С. 4.

[2] *Степанов Ю.С.* Имена, предикаты, предложения. Семиологическая грамматика. М., 1981.

[3] *Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е.* Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987. С. 55.

[4] *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976. С. 34.

[5] *Арутюнова Н.Д.* "Полагать" и "видеть" (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. М., 1989.

[6] *Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е.* Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка. С. 55-56.

[7] *Searle J.R.* Speech acts: An essay in the philosophy of language. London; New York, 1969.

[8] *Frank D.* Seven sins of pragmatics: Theses about speech act theory, conversational analysis, linguistics and rhetoric // Possibilities and limitations of pragmatics. Amsterdam, 1981; *Levinson S.C.* The essential inadequacies of speech act models of dialogue // Там же. 1981.

[9] *Eemeren F.H. van, Grootendorst R.* Speech acts in argumentative discussions. Dordrecht; Cinnaminson, 1984; *Карабан В.И.* Сложные речевые акты как речевые единицы: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. К., 1989.

[10] *Brown G., Yule G.* Discourse analysis. Cambridge, 1983; *Coulthard M.* An introduction to discourse analysis. London, 1977; *Coulthard M.* An introduction to discourse analysis. London; New York, 1985; *Edmondson W.* Spoken discourse analysis. London; New York, 1981; *Hoey M.* On the surface of discourse. London, 1983; *Korpimies L.* A linguistic approach to the analysis of a dramatic text. Juväskylä, 1983; *Pickering W.* A framework for discourse analysis. Arlington, 1978; *Sinclair J. McH., Coulthard R.M.* Toward an analysis of discourse: The English uses by teachers and pupils. London, 1975.

[11] *Карабан В.И.* Сложные речевые акты как речевые единицы. С. 15.

[12] *Степанов Ю.С.* Имена, предикаты, предложения. Семиологическая грамматика. С. 243-244.

[13] *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A grammar of contemporary English. London, 1972; *Halliday M.A.K., Hasan R.* Cohesion in English. London, 1976; *Martin J.R.* Conjunction: The logic of English text // Micro and macro connexity of texts. Hamburg, 1983.

[14] *Dijk T.A. van.* Text and context: Explorations in the semantics and pragmatics of discourse. London; New York, 1977.

[15] *Adams J.-A., Dwyer M.A.* English for academic uses: A writing workbook. Englewood Cliffs; New York, 1982; *Barrett B.* Paragraph patterns. New York, 1970; *Daiker D.A., Kerek A., Morenberg M.* The writer's options: Combining to composing. New York, 1982; *Dowst K.* An epistemic view of sentence combining: Practice and theories // Sentence combining: A rhetorical perspective. Carbondale; Edwardsville, 1985; *Hamp-Lyons L., Heasley B.* Study writing: A course in written English for academic and professional purposes. Cambridge, 1987; *Kiefer K.* Readers and writers: A basic rhetoric. New York, 1986; *Leggett G., Mead D.C., Charvat W.* Prentice-Hall handbook for writers. Englrwood Cliffs, 1978; *McQuade D., Atwan R.* Thinking in writing. New York, 1988; *Provost G.* The Freelance writer's handbook. New York, 1982; *Raskin V., Weiser I.* Language and writing: Applications of linguistics to rhetoric and composition. Norwood; New Jersey, 1987; *Roy E., Roy S.* The college writer. New York, 1986; Sentence combining: A rhetorical perspective / Ed. by D.A.Daiker, A.Kerek, M.Morenberg. Carbondale; Edwardsville, 1985; *Squire D.* Writing with a thesis: A rhetoric and reader. New York, 1982; *Stratman J.F.* Sentence combining: A rhetorical perspective. Carbondale; Edwardsville, 1985.

[16] *Schiffrin D.* Discourse markers. Cambridge, 1987.

[17] *Бархударов Л.С., Штелинг Д.А.* Грамматика английского языка. М., 1965.

[18] *Эстрайх М.В.* О классификации средств связи в сложном предложении в современном английском языке // Лингвистические единицы, конструкции и текст. Новосибирск, 1989.

[19] *Bach E.* The algebra of events // Linguistics and philosophy. Dordrecht; Boston, 1986. Vol. 9, № 1.

[20] *Owen J.Z.* Professional fiction writing. Boston, 1981.

[21] *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A grammar of contemporary English.

[22] *Arnaudet M.L., Barrett M.E.* Approaches to academic reading and writing. New Jersey, 1984.

[23] *Тураева З.Я.* Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка). М., 1979. С. 108.

[24] *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A grammar of contemporary English.

[25] *Вежбицка А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубеж. лингвистике. М., 1978. Вып. 8.

[26] *Кондаков Н.И.* Логический словарь. М., 1971; *Auwera J. van der.* Language and logic: A speculative and condition-theoretic study. Amsterdam; Philadelphia, 1985.

[27] *Crombie W.* Proocess and relation in discourse and language learning. London, 1985.

[28] *Карабан В.И.* Сложные речевые акты как речевые единицы. С. 8–9.

[29] Crombie W. Process and relation in discourse and language learning. P. 82–83.

[30] *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A grammar of contemporary English. P. 748–768; *Бархударов Л.С., Штелинг Д.А.* Грамматика английского языка. С. 415–416; *Kaushanskaya V.L. et al.* A grammar of the English language. Leningrad, 1967. P. 293.

[31] *Чахоян Л.П.* Синтаксис диалогической речи современного английского языка. М., 1979.

[32] *Crombie W.* Process and relation in discourse and language learning. P. 88.

[1] *Леонтьев А.А.* Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. М., 1979.

[2] *Austin J.L.* How to do things with words. Oxford, 1962; Auewra van der. On the meaning of basic speech acts // Journal of pragmatics. 1980. N 4; *Bach K., Harnish R.M.* Linguistic Communication and Speech Acts. Cambridge, 1980; *Ballmer Th., Brennenstuhl W.* Speech act classification. Berlin, 1981; *Fraser B.* Hedged performatives // Syntax and semantics. New York, 1975; *Leech G.N.* Principles of pragmatics. London, 1983; *Searle J.R.* Speech acts: an essay in the philosophy of language. Cambridge, 1969; *он же.* Expression and meaning. Cambridge, 1979; *Searle J.R., Vanderveken D.* Foundations of illocutionary logic. Cambridge, 1985; *Stiles W.* Classification of intersubjective illocutionary acts // Language in society. 1981. Vol. 10; *Tsui A.* Aspects of the classification of illocutionary acts and the notion of the perlocutionary act // Semiotica. 1987. Vol. 66, № 4; *Verschueren J.* On speech act verbs. Amsterdam, 1980; *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М., 1976; *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985; *Кобозева И.М.* "Теория речевых актов" как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубеж. лингвистике. М., 1986. Вып. 17; *Нариньяни А.С. и др.* Языковое взаимодействие и функции речевого акта // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987; *Почепцов Г.Г.* Предложение // Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981.

[3] *Зернецкий П.В.* Единицы речевой деятельности в диалогическом дискурсе // Языковое общение: Единицы и регулятивы. Калинин, 1987.

[4] *Карабан В.И.* Сложные речевые акты как речевые единицы: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. К., 1989. С. 18.

[5] *Николаева Т.М.* Единицы языка и теория текста // Исследования по структуре текста. М., 1987.

[6] *Апресян Ю.Д.* Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45, № 3; *Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубеж. лингвистике. М., 1986. Вып. 17; *Auwera van. der.* On the meaning of basic speech acts; *Bach K., Harnish R.M.* Linguistic communication and speech acts. *Fraser B.* Hedged performatives; Leech G.N. Principles of

pragmatics; *Searle J.R., Vanderveken D.* Foundations of illocutionary logic; *Stiles W.* Classification of intersubjective illocutionary acts; *Tsui A.* Aspects of the classification of illocutionary acts and the notion of the perlocutionary act; *Verschueren J.* Speech act classification: A study of the lexical analysis of English speech activity verbs // Language. 1983. Vol. 59, № 1.

[7] *Searle J.R.* Speech acts: An essay in the philosophy of language; *он же.* Expression and meaning; *Searle J.R., Vanderveken D.* Foundations of illocutionary logic.

[8] *Leech G.N.* Principles of pragmatics.

[9] *Bach K., Harnish R.M.* Linguistics communication and speech acts.

[10] *Wunderlich D.* Studien zur Sprachakttheorie. Frankfurt a. M., 1976.

[11] *Fraser B.* Hedged performatives.

[12] *Почепцов Г.Г.* Предложение.

[13] *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М., 1988.

[14] *Почепцов Г.Г.* Предложение.

[15] *Brown G., Yule G.* Discourse analysis. Cambridge, 1983; *Brown P., Levinson S.* Universals in language usage: Politeness phenomena // Questions and politeness: Strategies in social interaction. Cambridge, 1978; *Burton D.* Dialogue and discourse: A sociolinguistic approach to modern drama dialogue a. paturally occuring conversation. London, 1980; *Coulthard M.* An introduction to discourse analysis. London, 1977; *Coulthard M.* An introduction to discourse analysis. London; New York, 1985; *Edmondson W.* Spoken discourse: A model for analysis. London; New York, 1981; *Hoey M.* On the surface of discourse. London, 1983; *Korpimies L.* A linguistic approach to the analysis of a dramatic text. Juvaskyla, 1983; *Pickering W.* A framework for discourse analysis. Arlington, 1978; *Sinclair J. McH., Coulthard R.M.* Toward an analysis of discourse: The English used by teachers and pupils. London, 1975.

[16] *Ervin-Tripp S.* Some features of early child-adult dialogues // Language in society. London, 1978. Vol. 7, № 3; *Goffman E.* Forms of talk. Oxford, 1981; *Gumperz J.* Discourse strategies (Studies in intera ctional sociolinguistics). Cambridge, 1982; *Jefferson G.* Side sequences // Studies in social interaction. New York, 1972; *Keller E.* Gambits: Conversational strategy signals // Conversational routine. The Hague etc., 1981; *Laver J.* Linguistic routine and politeness in greeting and parting // Там же; *Sacks S., Schegloff E.A.,*

Jefferson J. A simplest systematic for organization of turn-taking for conversation // Language. Baltimore, 1974. Vol. 50, №4; *Schegloff E.A.* Discourse as an interactional achievement: Some uses of "Un huh" and other things that come between sentences // Analysing discourse: Text and talk. Washington, 1982.

[17] *Spielman R.W.* Linguistic discourse analysis and conversational analysis // Journal of Literary Semantics. Canterbary, 1986. Vol. 15, №2.

[18] *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения.

[19] *Там же.* С. 51-52.

[20] *Почепцов О.Г.* Основы прагматического описания предложения. К., 1986, С. 105.

ДИСКУРС АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ПРОПОВЕДИ: ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОВОГО ПОСТРОЕНИЯ С ПОЗИЦИЙ КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА

[1] *Buren P.M., van.* The edges of language: A essay in the logic of a religion. New York, 1972.

[2] Ibid. P. 23.

[3] Ibid. P.'43.

[4] *Виноград Т.* Об одном подходе к изучению дискурса // Взаимодействие с ЭВМ на естественном языке. Новосибирск, 1978. С. 12.

[5] *Macleod D.* Preaching and systematic theology // The preacher and preaching: Reviving the art in the twentieth century. Phillipsburg, 1986.

[6] *Thomas G.* Powerful preaching // Там же. P. 381.

[7] *Борев Ю.Б.* Художественное общение и его языки. Теоретико-коммуникативные и семиотические проблемы художественной культуры // Теории, школы, концепции (критические анализы). Художественная коммуникация и семиотика. М., 1986. С. 32-33.

[8] *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М., 1988. С. 539.

[9] *Бессонов Б.Н.* Герменевтика. История и современность // *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод.

[10] *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. С. 542.

[11] *Buren P.M., van.* The edges of language. P. 112.

[12] *Knecht G.C.* Sermon structure and flow // The preacher and preaching: Reviving the art in the twentieth century. P. 283.

[13] *Luther M.* Tischreden von dem Predigamt öder Kirchendienern // Dr. Martin Luther's sammliche Werke. Frankfurt a. M.; Erlangen, 1854. S. 240.

[14] *Achelis D.* Praktische Theologie. Freiburg, 1890.

[15] *Певницкий В.* Из истории гомилетики. Гомилетика и новое время после реформации Лютера. К., 1899

[16] Там же. С. 41.

[17] *Dijk T.A. van.* Text and context: Explorations in the semantics and pragmatics of discourse. London; New York, 1977.

[18] *Stott J.* I believe in preaching. London, 1982. P. 348.

[19] *Поварнин С.И.* Искусство спора: О теории и практике спора. Пг., 1923.

[20] Протестантизм. Словарь атеиста / Под ред. Л.Н.Митрохина. М., 1990.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. *Hunter A.M.* Preaching the New Testament. London, 1981.
2. *King M.L.* Speech at Cobo Hall. Detroit, 1963.
3. *Pickering H.* One thousand subjects for speakers and students. London, 1986.
4. Prayers in church. A new collection of occasional prayers arranged for present-day use / Ed. by J.Conacher. Oxford etc., 1987.
5. *Stott R.W.* Jesus is Lord. Jesus the man. Downers Grove, 1982.

6 WOF — BBC International Radio program "Words of Faith".

ОГЛАВЛЕНИЕ